БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

ЧАСОПІС
БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЎНІВЕРСІТЭТА

ГІСТОРЫЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

HISTORY

Издается с января 1969 г.
(до 2017 г. – под названием «Веснік БДУ. Серыя 3, Гісторыя. Эканоміка. Права»)

Выходит один раз в квартал

3 **2026**

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор — **КОХАНОВСКИЙ А. Г.** – доктор исторических наук, профессор; декан исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: kohanovsky@bsu.by

Заместитель главного редактора — **МЕНЬКОВСКИЙ В. И.** – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры истории России исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: menkovski@bsu.by

Ответственный секретарь — **МАСКЕВИЧ А. И.** – кандидат исторических наук, доцент; заведующий кафедрой истории Беларуси нового и новейшего времени исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: maskevich@bsu.by

Бон Т. Гисенский университет им. Юстуса Либиха, Гисен, Германия.
Бородкин Л. И. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
Волански Ф. Институт истории Вроцлавского университета, Вроцлав, Польша.
Жанбосинова А. С. Научно-исследовательский центр Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, Астана, Казахстан.
Жеребцов И. Л. Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, Сыктывкар, Россия.
Линднер Р. Констанцкий университет, Констанц, Германия.
Минасян Э. Г. Ереванский государственный университет, Ереван, Армения.
Упадуэй А. Центр российских и центральноазиатских исследований Университета им. Джавахарлала Неру, Нью-Дели, Индия.
Фишер Д. Техасский университет в Браунсвилле, Браунсвилл, США.
Фэн Ш. Институт международных отношений и регионального развития, Центр изучения России Восточно-Китайского педагогического университета, Шанхай, Китай.
Шмигель М. Университет Матея Бела, Банска-Бистрица, Словакия.
Яновский О. А. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Белоусов Л. С. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
Вабищевич А. Н. Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина, Брест, Беларусь.
Виддер Э. Институт средневековой истории Тюбингенского университета им. Эберхарда Карла, Тюбинген, Германия.
Дук Д. В. Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова, Могилёв, Беларусь.
Карпов С. П. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
Карпюк С. Г. Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия.
Коваленя А. А. Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Космач В. А. Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, Витебск, Беларусь.
Кошелев В. С. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Лавринович Д. С. Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова, Могилёв, Беларусь.
Ларин М. В. Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия.
Лозовюк П. Западно-Чешский университет, Пльзень, Чехия.
Локотко А. И. Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Марзалюк И. А. Палата представителей Национального собрания Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Мезга Н. Н. Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины, Гомель, Беларусь.
Микнис Р. Институт истории Литвы, Вильнюс, Литва.
Нечухрин А. Н. Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Гродно, Беларусь.
Новогродский Т. А. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Туманс Х. Латвийский университет, Рига, Латвия.
Ураков Д. Ж. Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека, Ташкент, Узбекистан.
Ходин С. Н. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

РЭДАКЦЫЙНАЯ КАЛЕГІЯ

Галоўны рэдактар — **КАХАНОЎСКІ А. Г.** – доктар гістарычных навук, прафесар; дэкан гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: kohanovsky@bsu.by

Намеснік галоўнага рэдактара — **МЕНЬКОЎСКІ В. І.** – доктар гістарычных навук, прафесар; прафесар кафедры гісторыі Расіі гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: menkovski@bsu.by

Адказны сакратар — **МАСКЕВІЧ Г. І.** – кандыдат гістарычных навук, дацэнт; загадчык кафедры гісторыі Беларусі новага і навейшага часу гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: maskevich@bsu.by

Бародкін Л. І. Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава, Масква, Расія.
Бон Т. Гісенскі ўніверсітэт імя Юстуса Лібіха, Гісен, Германія.
Валанскі Ф. Інстытут гісторыі Вроцлаўскага ўніверсітэта, Вроцлаў, Польшча.
Жанбасінава А. С. Навукова-даследчы цэнтр Еўразійскага нацыянальнага ўніверсітэта імя Л. М. Гумілёва, Астана, Казахстан.
Жарабцоў І. Л. Інстытут мовы, літаратуры і гісторыі Комі навуковага цэнтра Уральскага аддзялення Расійскай акадэміі навук, Сыктыўкар, Расія.
Лінднер Р. Канстанцкі ўніверсітэт, Канстанц, Германія.
Мінасян Э. Г. Ерэванскі дзяржаўны ўніверсітэт, Ерэван, Арменія.
Упадуэй А. Цэнтр расійскіх і цэнтральнаазіяцкіх даследаванняў Універсітэта імя Джавахарлала Неру, Нью-Дэлі, Індыя.
Фішэр Д. Тэхаскі ўніверсітэт у Браўнсвіле, Браўнсвіл, ЗША.
Фэн Ш. Інстытут міжнародных адносін і рэгіянальнага развіцця, Цэнтр вывучэння Расіі Усходне-Кітайскага педагагічнага ўніверсітэта, Шанхай, Кітай.
Шмігель М. Універсітэт Мацея Бела, Банска-Бістрыца, Славакія.
Яноўскі А. А. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.

МІЖНАРОДНЫ РЭДАКЦЫЙНЫ САВЕТ

Белавусаў Л. С. Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава, Масква, Расія.
Вабішчэвіч А. М. Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна, Брэст, Беларусь.
Відэр Э. Інстытут сярэднявечнай гісторыі Цюбінгенскага ўніверсітэта імя Эберхарда Карла, Цюбінген, Германія.
Дук Д. У. Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова, Магілёў, Беларусь.
Каваленя А. А. Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Карпаў С. П. Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава, Масква, Расія.
Карпюк С. Г. Інстытут усеагульнай гісторыі Расійскай акадэміі навук, Масква, Расія.
Космач В. А. Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П. М. Машэрава, Віцебск, Беларусь.
Кошалеў У. С. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Лазавюк П. Заходне-Чэшскі ўніверсітэт, Пльзень, Чэхія.
Лакотка А. І. Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Ларын М. В. Гісторыка-архіўны інстытут Расійскага дзяржаўнага гуманітарнага ўніверсітэта, Масква, Расія.
Лаўрыновіч Д. С. Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова, Магілёў, Беларусь.
Марзалюк І. А. Палата прадстаўнікоў Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь, Мінск, Беларусь.
Мікніс Р. Інстытут гісторыі Літвы, Вільнюс, Літва.
Мязга М. М. Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны, Гомель, Беларусь.
Навагродскі Т. А. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Нячухрын А. М. Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы, Гродна, Беларусь.
Туманс Х. Латвійскі ўніверсітэт, Рыга, Латвія.
Уракаў Д. Ж. Нацыянальны ўніверсітэт Узбекістана імя Мірзо Улугбека, Ташкент, Узбекістан.
Ходзін С. М. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief	**KAKHANOUSKI A. G.**, doctor of science (history), full professor; dean of the faculty of history, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: kohanovsky@bsu.by
Deputy editor-in-chief	**MENKOUSKI V. I.**, doctor of science (history), full professor; professor at the department of Russian history, faculty of history, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: menkovski@bsu.by
Executive secretary	**MASKEVICH H. I.**, PhD (history), docent; head of the department of modern and contemporary history of Belarus, faculty of history, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: maskevich@bsu.by

Bohn T. Justus Liebig University of Giessen, Giessen, Germany.
Borodkin L. I. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
Feng Sh. School of Advanced International and Area Studies, Centre for Russian Studies, East China Normal University, Shanghai, China.
Fisher D. University of Texas Rio Grande Valley, Brownsville, USA.
Lindner R. University of Konstanz, Konstanz, Germany.
Minasyan E. G. Yerevan State University, Yerevan, Armenia.
Šmigeľ M. Matej Bel University, Banská Bystrica, Slovakia.
Upadhyay A. Centre for Russian and Central Asian Studies, Jawaharlal Nehru University, New Delhi, India.
Wolański F. Institute of History, University of Wroclaw, Wroclaw, Poland.
Yanouski A. A. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Zhanbossinova A. S. Research Centre of L. N. Gumilyov, Eurasian National University, Astana, Kazakhstan.
Zherebtsov I. L. Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Russia.

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

Belousov L. S. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
Duk D. V. Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Belarus.
Karpov S. P. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
Karpyuk S. G. Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Khodzin S. N. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Koshelev V. S. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Kosmach V. A. Vitebsk State University named after P. M. Masherov, Vitebsk, Belarus.
Kovalenya A. A. National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Larin M. V. Institute for History and Archives, Russian State University for Humanities, Moscow, Russia.
Lavrinovich D. S. Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Belarus.
Lokotko A. I. National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Lozoviuk P. University of West Bohemia, Plzeň, Czehia.
Marzaluk I. A. House of Representatives of the National Assembly of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
Miazga M. M. Francisk Skorina Gomel State University, Gomel, Belarus.
Miknys R. Institute of Lithuanian History, Vilnius, Lithuania.
Nechukhrin A. N. Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus.
Novogrodsky T. A. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Tumans H. University of Latvia, Riga, Latvia.
Vabishchevich A. N. Brest State A. S. Pushkin University, Brest, Belarus.
Widder E. Medieval History Institute, Eberhard Karls University of Tübingen, Tübingen, Germany.
Urakov D. Z. National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek, Tashkent, Uzbekistan.

История беларуси

Гісторыя беларусі

Belarusian history

УДК 94(476)«-40/-10»

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ НОВОГО ПАМЯТНИКА ПАЛЕОЛИТА БЕЛЫЕ РЕЧКИ – 1 (ВОЛКОВЫССКИЙ РАЙОН, ГРОДНЕНСКАЯ ОБЛАСТЬ)

А. Д. ГОРШКОВ[1)]

[1)]*Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, ул. Ожешко, 22, 230023, г. Гродно, Беларусь*

Аннотация. Вводятся в научный оборот результаты исследований нового памятника археологии Белые речки – 1. Объект открыт автором весной 2025 г. во время разведки около г. п. Россь, которая проводилась в целях обследования местности на наличие стоянок финального палеолита. Летом этого же года в рамках археолого-этнографической практики студентов-историков и деятельности студенческой научно-исследовательской археологической лаборатории были осуществлены раскопки и шурфовка местности. К концу полевого сезона была собрана коллекция материалов (728 предметов), которые залегали в культурном пласте и культуросодержащем горизонте. Размещение памятника в зоне распространения отложений верхнепоозерского времени позволило отнести часть предметов, залегавших в песчано-гравийных отложениях, к позднему палеолиту. Данная гипотеза подтверждается технико-морфологической характеристикой артефактов и их внешним состоянием. Кроме данных материалов, в культурном пласте зафиксированы предметы, которые относятся к финальному палеолиту, возможно, мезолиту, периоду от позднего неолита до раннего железного века, Новейшему времени. Таким образом, памятник Белые речки – 1 является первым объектом,

Образец цитирования:
Гаршкоў АД. Папярэднія вынікі даследаванняў новага помніка палеаліту Белыя рэчкі – 1 (Ваўкавыскі раён, Гродзенская вобласць). *Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя.* 2026;3:5–19.
EDN: TYGLSJ

For citation:
Harshkou AD. Previous research results for new Palaeolithic site Belyja rechki – 1 (Volkovysk District, Grodno Region). *Journal of the Belarusian State University. History.* 2026;3: 5–19. Belarusian.
EDN: TYGLSJ

Автор:
Александр Дмитриевич Горшков – кандидат исторических наук; доцент кафедры истории Беларуси, археологии и специальных исторических дисциплин факультета истории, коммуникации и туризма.

Author:
Aliaksandr D. Harshkou, PhD (history); associate professor at the department of history of Belarus, archeology and special historical disciplines, faculty of history, communication and tourism.
gorshkov_ad@grsu.by
https://orcid.org/0000-0003-2805-0678

CC BY NC

в котором найдены материалы позднего палеолита в бассейне р. Росси, с зафиксированной стратиграфической позицией культуросодержащего горизонта.

Ключевые слова: археология; палеолит; свидерская культура; культурный слой; культуросодержащий горизонт; кремниевые артефакты.

ПАПЯРЭДНІЯ ВЫНІКІ ДАСЛЕДАВАННЯЎ НОВАГА ПОМНІКА ПАЛЕАЛІТУ БЕЛЫЯ РЭЧКІ – 1 (ВАЎКАВЫСКІ РАЁН, ГРОДЗЕНСКАЯ ВОБЛАСЦЬ)

А. Д. ГАРШКОЎ[1*]

[1*]*Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы, вул. Ажэшкі, 22, 230023, г. Гродна, Беларусь*

Анатацыя. Уводзяцца ў навуковы зварот вынікі даследаванняў новага археалагічнага помніка Белыя рэчкі – 1. Аб'ект быў адкрыты аўтарам вясной 2025 г. падчас разведкі ў наваколлях г. п. Рось (Ваўкавыскі раён, Гродзенская вобласць), якая праводзілася з мэтай абследавання тэрыторыі на наяўнасць помнікаў эпохі фінальнага палеаліту. Летам таго ж года ў рамках археолага-этнаграфічнай практыкі студэнтаў-гісторыкаў і дзейнасці студэнцкай навукова-даследчай археалагічнай лабараторыі праводзіліся раскопкі і шурфоўка на дадзенай тэрыторыі. У канцы палявога сезона была сабрана калекцыя матэрыялаў (728 прадметаў), якія залягалі ў культурным пласце і культуразмяшчальным гарызонце. Знаходжанне помніка ў зоне распаўсюджання адкладаў верхнепаазерскага часу дазволіла аднесці частку знаходак, якія залягаюць у пясчана-жвіровых адкладах, да позняга палеаліту. Дадзеная гіпотэза пацвярджаецца тэхніка-марфалагічнымі характарыстыкамі артэфактаў і іх вонкавым станам. Акрамя гэтага, у культурным пласце зафіксаваны прадметы, якія адносяцца да фінальнага палеаліту, магчыма, мезаліту, перыяду ад позняга неаліту да ранняга жалезнага веку, Навейшага часу. Такім чынам, помнік Белыя рэчкі – 1 з'яўляецца першым аб'ектам, дзе знойдзены матэрыялы позняга палеаліту ў басейне р. Росі, з зафіксаваным стратыграфічным становішчам культуразмяшчальнага гарызонту.

Ключавыя словы: археалогія; палеаліт; свідэрская культура; культурны пласт; культуразмяшчальны гарызонт; крамянёвыя артэфакты.

PREVIOUS RESEARCH RESULTS FOR NEW PALAEOLITHIC SITE BELYJA RECHKI – 1 (VOLKOVYSK DISTRICT, GRODNO REGION)

A. D. HARSHKOU[a]

[a]*Yanka Kupala State University of Grodno, 22 Azheshki Street, Grodna 230023, Belarus*

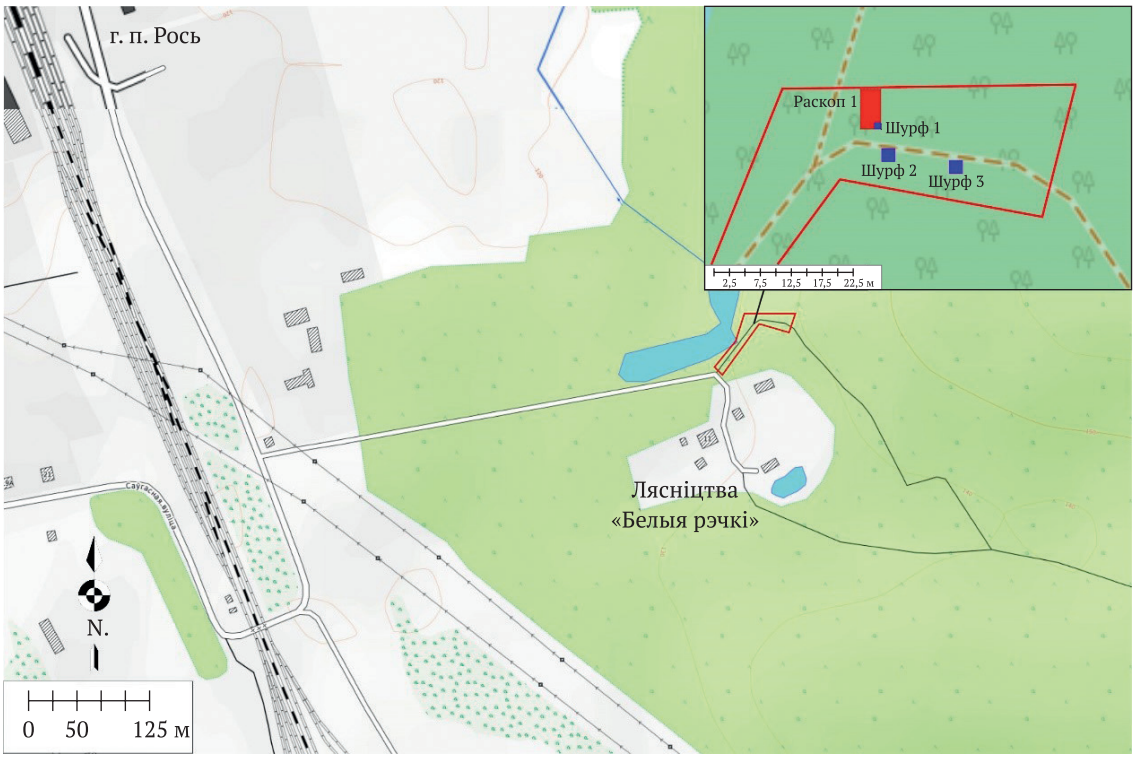
Abstract. The results of studies of a new archaeological site Belyja rechki – 1 (Volkovysk District, Grodno Region) are introduced into scientific circulation. The object was discovered by the author in the spring of 2025 during exploration near the urban settlement of Ross, which was carried out to survey the area for the presence of sites of the final Palaeolithic period. In the summer of the same year, excavations and prospecting of the area were carried out as part of the archaeological and ethnographic practice of history students and the activities of the student research archaeological laboratory. The result of the field season was a collection of materials in the amount of 728 items that were located in the cultural layer and the culture-containing horizon. The placement of the site in the distribution zone of deposits of the upper Poozersky time made it possible to associate some of the items that were located in sand and gravel deposits with the late Palaeolithic period. This hypothesis is confirmed by the technical and morphological characteristics of the artifacts and their external condition. In addition to these materials, the cultural layer contains objects that belong to the final Palaeolithic, possibly the Mesolithic, the late Neolithic – early Iron Age, and the Modern Time. Thus, the site Belyja rechki – 1 is the first object with materials of the late Palaeolithic in Ross River basin with a recorded stratigraphic position of the culture-containing horizon.

Keywords: archeology; Palaeolithic; Swiderian culture; cultural layer; culture-containing horizon; flint artifacts.

Уводзіны

Помнік Белыя рэчкі – 1 размешчаны на левым борце Роскай (Расінскай) ледавіковай лагчыны, у 1 км на ўсход ад правага рукава сучаснага рэчышча р. Росі, на поўнач ад роскага лясніцтва. Стаянка была адкрыта аўтарам у 2025 г. падчас паверхневых збораў на грунтовай дарозе, якая ідзе па лесе ад г. п. Рось да шашы Р44 «Гродна – Ружаны – Івацэвічы» і в. Карпаўцы Ваўкавыскага раёна. У гэтым жа годзе быў

закладзены шурф 1 плошчай 1 м^2, які ў далейшым быў упісаны ў раскоп 1 плошчай 18 м^2 (3 × 6 м). Акрамя гэтага, для вызначэння плошчы помніка і даследавання яго стратыграфічных асаблівасцей на тэрыторыі дадзенага аб'екта былі закладзены два шурфы памерам 2 × 2 м, якія распрацоўваліся на глыбіню да 2 м (мал. 1). Экспларацыя раскопу 1 і шурфаў 2 і 3 праводзілася ў рамках археолага-этнаграфічнай практыкі студэнтаў першага курса гістарычнага факультэта Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы і плана работы студэнцкай навукова-даследчай археалагічнай лабараторыі. У выніку праведзеных даследаванняў былі назапашаны матэрыялы і даныя, увядзенне якіх у навуковы зварот дазволіць вылучыць новы помнік палеаліту ў басейне р. Росі, што і з'яўляецца мэтай дадзенага артыкула.

Мал. 1. Размяшчэнне помніка Белыя рэчкі – 1 з пазначанымі шурфамі 1–3 і раскопам 1
Fig. 1. The location of the Belyja rechki – 1 site with marked pits 1–3 and trench 1

Методыка даследавання

Паверхневыя зборы на помніку першапачаткова праводзіліся без прывязкі матэрыялаў да мясцовасці, толькі з іх лакалізацыяй у межах грунтовай дарогі. Затым усе знаходкі прывязваліся да мясцовасці пры дапамозе GNSS-прыёмніка ETF M3 Plus у Сусветнай геадэзічнай сістэме каардынат (World geodetic system 1984) з праекцыяй Меркатара. Распрацоўка шурфа 1 вялася механічнымі пластамі магутнасцю 0,1 м з зачысткай пасля зняцця кожнага слоя. Культурны пласт перабіраўся ўручную, знаходкі фіксаваліся ў межах пласта. У далейшым шурф 1 стаў паўднёва-заходнім квадратам раскопу 1, які быў арыентаваны меншымі бакамі па лініі поўнач – поўдзень і меў літарна-лічбавую нумарацыю квадратаў А – В (1–6). Распрацоўка вялася літалагічнымі (пласты 1 і 2) і механічнымі (пласты 3–6) пластамі магутнасцю 0,1 м. Дзярновы пласт здымаўся пры дапамозе рыдлёвак, затым праводзіліся ручная пераборка і фіксацыя матэрыялаў у межах квадрата. Астатняя ўскрытая тоўшча пласта прасейвалася праз сіта з ячэйкай памерам 0,2 см, а знаходкі фіксаваліся пры дапамозе тахеометра Trimble M3 у трохмернай сістэме каардынат. Артэфакты ў пластах 4–6 прывязваліся да мясцовасці толькі ў межах квадратаў. Распрацоўка шурфаў 2 і 3, якія размяшчаліся на супрацьлеглым баку грунтовай дарогі, праводзілася рыдлёўкамі, пасля адбываліся ручная пераборка глебы і прывязка знаходак да літалагічных пластоў у межах квадратаў.

У выніку праведзеных работ былі выяўлены асноўны культурны пласт, які залягаў у першых двух слаях, і культуразмяшчальны гарызонт са знаходкамі ў пясчана-жвіровых адкладах ніжэй за ўзровень мацерыка.

Апісанне стратыграфіі, высвятленне памераў зерняў і грануламетрыя асадкавых парод (пяскоў) выконваліся па методыцы І. Д. Зольнікава [1]. Апрацоўка крамянёвага інвентару праводзілася з апорай на тэхналагічны падыход, апісаны ў працах расійскіх (Я. Ю. Гіра, П. Я. Нехарошаў) і польскіх (Б. Гінтэр, Я. Казлоўскі) археолагаў [2; 3].

Тапаграфія і стратыграфія помніка

Як ужо згадвалася вышэй, помнік Белыя рэчкі – 1 знаходзіцца на левым борце Роскай (Расінскай) ледавіковай лагчыны. Яна ўтварылася ў выніку выворвання, выціскання і размыву [4, с. 84]. Уласна сама даліна р. Росі, якая перасякае Ваўкавыскае ледавіковае ўзвышша, канчаткова сфарміравалася ў позненеледавіковы час у выніку рэгрэсіўнай эрозіі. Падчас існавання Скідзельскага прыледавіковага возера, якое ўтварылася ў прыледавіковай зоне, яго сток адбываўся ў паўднёва-заходнім напрамку ў басейн р. Нараў і далей ўніз па р. Днепр [5, с. 9]. У адпаведнасці з картай чацвярцічных адкладаў помнік Белыя рэчкі – 1 знаходзіцца ў зоне распаўсюджання алювіяльных адкладаў верхнепаазерскага часу[1].

Стратыграфія, зафіксаваная ў шурфах і раскопе 1, падобная, аднак з-за рознай глыбіні распрацоўкі ў шурфах 2 і 3 дадаткова былі ўскрыты геалагічныя адклады без археалагічных матэрыялаў.

У шурфе 2 была зафіксавана наступная стратыграфія: дзярнова-падзолістая глеба цёмна-шэрага колеру (магутнасць пласта 0,10–0,25 м), шэрая глеба (магутнасць пласта 0,05–0,20 м), пясчана-жвіровыя адклады рудога колеру з гнёздамі пясчана-жвіровых адкладаў жоўтага колеру (магутнасць пласта 0,25–0,40 м), пясчана-жвіровыя адклады рудога колеру гарызантальна-слаістыя (магутнасць пласта 0,10–0,15 м), пясчана-жвіровыя адклады жоўтага колеру гарызантальна-слаістыя, якія падсцілаюцца галькай і камянямі (магутнасць пласта 0,03–0,10 м), пясок жоўта-бялёсага колеру гарызантальна-слаісты з вуглом залягання каля 80° і прапласткамі рудога супеску (магутнасць пласта 0,35–0,40 м). Акрамя гэтага, у заходнім і паўночным профілях быў ускрыты борт лагчыны, запоўнены пяском чырвона-бурага колеру гарызантальна-слаістым з вуглом залягання 60°.

Падобная стратыграфія зафіксавана і ў шурфе 3: дзярнова-падзолістая глеба цёмна-шэрага колеру (магутнасць пласта 0,10–0,25 м), шэрая глеба (магутнасць пласта 0,08–0,20 м), пясок рудога колеру (магутнасць пласта 0,45–0,65 м), бялёсы пясок з лінзамі рудога пяску (магутнасць пласта 0,10–0,15 м), пясчана-жвіровыя адклады рудога колеру (магутнасць пласта 0,15–0,50 м), пясок жоўта-бялёсага колеру гарызантальна-слаісты (магутнасць пласта 0,10–0,35 м), пясчана-жвіровыя адклады чырвона-бурага колеру з галькай (магутнасць пласта 0,10–0,45 м), пясчана-жвіровыя адклады шэра-карычневага колеру (магутнасць пласта 0,05–0,20 м).

Найбольш выразная стратыграфія ў раскопе 1 прадстаўлена ў квадраце А1, дзе быў першапачаткова закладзены шурф 1. Менавіта ў ім было зроблена паглыбленне для праходжання тоўшчы пясчана-жвіровых адкладаў, у якіх канцэнтраваліся крамянёвыя матэрыялы. У гэтым квадраце была зафіксавана наступная стратыграфія: дзярнова-падзолістая глеба цёмна-шэрага колеру (магутнасць пласта 0,08–0,12 м), шэрая глеба (магутнасць пласта 0,1–0,2 м), пясок рудога колеру (магутнасць пласта 0,35–0,60 м), пясчана-жвіровыя адклады рудога колеру (магутнасць пласта 0,10–0,35 м), пясчана-жвіровыя адклады чырвона-бурага колеру з галькай (магутнасць пласта 0,05–0,20 м), пясчана-жвіровыя адклады жоўта-бялёсага колеру (магутнасць пласта 0,2–0,3 м). Акрамя гэтага, у месцах, дзе знаходзіліся карані дрэў, зафіксавана наяўнасць пяску жоўта-карычневага колеру (магутнасць пласта 0,25–0,40 м) (мал. 2).

Мал. 2. Размяшчэнне культурнага пласта і культуразмяшчальнага гарызонту на заходнім профілі раскопу 1 помніка Белыя рэчкі – 1 (даследаванні 2025 г.)

Fig. 2. Location of the cultural layer and the culture-bearing horizon on the western profile of trench 1 of the Belyja rechki – 1 site (research of 2025)

Матэрыялы даследавання

У выніку праведзеных работ была назапашана калекцыя археалагічных матэрыялаў, у якую ўваходзяць крамянёвыя (721 адзінка), каменныя (2 адзінкі), касцяныя (2 адзінкі), металічныя (1 адзінка) прадметы і шлакі (2 адзінкі). Агульная колькасць артэфактаў складае 728 адзінак. Аналіз планіграфіі

[1]Карта чацвярцічных адкладаў Рэспублікі Беларусь : маштаб 1 : 1 250 000 // Нац. атлас Беларусі / рэдкал.: Р. І. Внукаў [і інш.]. Мінск : Кам. па зям. рэсурсах, геадэзіі і картаграфіі пры Савеце Міністраў Рэсп. Беларусь, 2002. С. 42–43.

ўскрытых участкаў дазваляе канстатаваць прывязку матэрыялаў да дзярновага слоя, шэрай глебы, якая яго падсцілае, і пясчана-жвіровых адкладаў, што залягаюць ніжэй пяску жоўта-карычневага колеру. У раскопе 1, нягледзячы на значныя біятурбацыі, звязаныя перш за ўсё з ростам дрэў (гэты факт пацвярджаецца не толькі стратыграфіяй, але і знаходкамі, якія былі зацягнуты каранямі сосен у ніжэйшыя пласты), прасочваецца пэўная канцэнтрацыя артэфактаў у яго паўднёва-ўсходняй частцы.

Сыравіна прадстаўлена двума варыянтамі. Першы варыянт – крэйдавы крэмень з радыяльнай унутранай структурай, колер і знешнія прыкметы якога змяняюцца ад цёмна-шэрага празрыстага да светла-шэрага непразрыстага крэменю. Жаўлачная скарынка звычайна вымытая, яе таўшчыня дасягае 0,1 мм. Падобная сыравіна шырока распаўсюджана ў ваколіцах гарадскіх пасёлкаў Рось і Краснасельскі. Другі варыянт – цёмна-шэры празрысты крэмень з невялікімі плямамі шэрага колеру. Жаўлачная скарынка крэйдавая, яе таўшчыня дасягае 0,2 мм. Выхады гэтай сыравіны намі зафіксаваны каля былога кар'ера завода жалезабетонных канструкцый.

У калекцыі адзначаецца наяўнасць прадметаў са знешнімі прыкметамі разбурэння, якое адбылося ў выніку ўздзеяння высокай тэмпературы. Усяго было зафіксавана 155 такіх адзінак, або 21,5 % ад колькасці калекцыі.

Паціна пераважна фіксуецца толькі сярод матэрыялаў, якія былі знойдзены ў культуразмяшчальным гарызонце. Агульная колькасць гэтых артэфактаў складае 106 адзінак, або 14,7 % ад колькасці ўсёй калекцыі і 73,2 % ад колькасці матэрыялаў, якія залягалі ў пластах 3–6.

Тэхніка-марфалагічныя асаблівасці калекцыі дазваляюць вылучыць наступныя катэгорыі артэфактаў: нуклеусы і іх фрагменты, тэхналагічныя сколы, дэбітаж, фармальныя прылады, адходы вытворчасці. Асобна намі разглядаюцца косныя рэшткі і металічныя артэфакты, якія прадстаўлены фрагментамі сківіц жывёл і гільзай. Агульная тэхніка-марфалагічная структура калекцыі прадстаўлена ў табл. 1–3.

Табліца 1

Агульная тэхніка-марфалагічная структура калекцыі, атрыманай у выніку правядзення паверхневых збораў у 2025 г.

Table 1

The general technical and morphological structure of the collection obtained as a result of surface collections in 2025

Марфалагічная катэгорыя	Артэфакты	Колькасць	Усяго
Сыравіна	Жаўлакі і іх фрагменты са слядамі апрацоўкі	3	3
Нуклеусы і іх фрагменты	Нуклеусы	2	3
	Рэшткавыя фрагменты нуклеусаў	1	
Тэхналагічныя сколы	Рабрыстыя пласціны і фрагменты аналагічных пласцін	2	2
Дэбітаж	Адшчэпы і фрагменты адшчэпаў	7	16
	Пласціны і фрагменты пласцін	3	
	Лускаватыя сколы	1	
	Лускавінкі	5	
Фармальныя прылады	Натуральныя абломкі рэтушаваныя	1	18
	Адшчэпы рэтушаваныя і фрагменты аналагічных адшчэпаў	11	
	Пласціны рэтушаваныя і фрагменты аналагічных пласцін	2	
	Пласціны з усечаным рэтушшу канцом	1	
	Разцы	1	
	Скрабкі	1	
	Скробачы	1	
Адходы вытворчасці	Абломкі	4	4
Усяго		*46*	*46*

Падчас паверхневых збораў, якія праводзіліся выключна ў пачатку лясной дарогі, што ідзе ад ляснiцтва да шашы Р44 «Гродна – Ружаны – Івацэвічы» і в. Карпаўцы Ваўкавыскага раёна, былі сабраны 46 крамянёвых артэфактаў. Сярод іх вылучаюцца наступныя марфалагічныя катэгорыі: сыравіна, нуклеусы

і іх фрагменты, тэхналагічныя сколы, дэбітаж, фармальныя прылады і адходы вытворчасці.

Сыравіна прадстаўлена фрагментамі крамянёвых жаўлакоў са слядамі апрацоўкі (3 адзінкі). На адным экзэмпляры зафіксавана эалічная паверхня. Памеры артэфактаў наступныя: даўжыня складае ад 2,31 да 4,52 см, шырыня – ад 3,12 да 5,63 см, таўшчыня – ад 1,41 да 2,64 см.

Нуклеусы і іх фрагменты прадстаўлены ўласна нуклеусамі і рэшткавым фрагментам нуклеуса.

Нуклеусы (2 адзінкі) прадстаўлены аднапляцовачным экзэмплярам ад пласцін і адшчэпаў і двухпляцовачным экзэмплярам ад пласцін. Пляцоўкі сфарміраваны адзінарным франтальным сколам на натуральнай паверхні і некалькімі франтальнымі сколамі. Фронт аднапляцовачнага нуклеуса скруглены, контрфронт неапрацаваны. У двухпляцовачнага экзэмпляра фронт плоскі, контрфронт і бакі апрацаваны перпендыкулярнымі фронту сколамі. Вугал сколвання складае 87°, 84° і 73°. Памеры артэфактаў наступныя: даўжыня складае 7,1 і 7,0 см, шырыня – 3,5 і 3,0 см, таўшчыня – 4,20 і 1,97 см адпаведна.

У групу рэшткавых фрагментаў нуклеусаў (1 адзінка) намі залічаны фрагменты спецыяльна апрацаваных жаўлакоў з негатывамі рэгулярных сколаў-загатовак, якія, аднак, не могуць дакладна быць аднесены да аднапляцовачных, двухпляцовачных або шматпляцовачных нуклеусаў. Памеры артэфакта наступныя: даўжыня складае 2,52 см, шырыня – 3,41 см, таўшчыня – 1,53 см.

Да тэхналагічных сколаў намі аднесены фрагменты рабрыстых пласцін.

Рабрыстыя пласціны і фрагменты аналагічных пласцін (2 адзінкі) прадстаўлены выключна фрагментаванымі экзэмплярамі. Жаўлачная скарынка зафіксавана на адным артэфакце. На ўсіх прадметах сфарміраваны выемкі паўстромкай дарсальнай рэтушшу. Памеры артэфактаў наступныя: даўжыня складае 3,11 і 3,71 см, шырыня – 1,22 і 1,61 см, таўшчыня – 0,42 і 0,51 см адпаведна.

Дэбітаж прадстаўлены адшчэпамі і фрагментамі адшчэпаў, пласцінамі і фрагментамі пласцін, лускаватым сколам, лускавінкамі.

Адшчэпы і фрагменты адшчэпаў (7 адзінак) прадстаўлены цэлым артэфактам (1 адзінка) і фрагментаванымі (6 адзінак) экзэмплярамі. Жаўлачная скарынка зафіксавана на адным артэфакце. Яшчэ ў аднаго прадмета прысутнічае лёгкі люстраж. У двух выпадках адзначаюцца сляды ўздзеяння высокай тэмпературы. Памеры артэфактаў наступныя: даўжыня складае ад 2,72 да 3,41 см, шырыня – ад 3,53 да 4,12 см, таўшчыня – ад 0,31 да 0,82 см.

Пласціны і фрагменты пласцін (3 адзінкі) прадстаўлены выключна фрагментаванымі экзэмплярамі. Адзін прадмет мае на дарсальнай паверхні сляды двухпляцовачнасці. На ўсіх знаходках прысутнічаюць сляды ўтылізацыі. Памеры артэфактаў наступныя: даўжыня складае ад 3,72 да 4,32 см, шырыня – ад 1,31 да 1,62 см, таўшчыня – ад 0,31 да 0,53 см адпаведна.

Група лускаватых сколаў прадстаўлена адшчэпамі, якія былі атрыманы падчас эксплуатацыі нуклеусаў шматпляцовачных з выкарыстаннем біпалярнай (контрударнай) тэхнікі. Выяўлены экзэмпляр цэлы, падскарыністы, на ім фіксуюцца сляды ўтылізацыі. Памеры артэфакта наступныя: даўжыня складае 3,42 см, шырыня – 4,23 см, таўшчыня – 0,41 см.

У групу лускавінак залічаны сколы (5 адзінак) памерам не больш за 2 см у дыяметры. Жаўлачная скарынка прысутнічае на двух прадметах. На адной лускавінцы зафіксаваны лёгкі люстраж, яшчэ на адным артэфакце – лёгкая паціна блакітнага колеру і люстраж.

Фармальныя прылады прадстаўлены натуральным абломкам рэтушаваным, адшчэпамі і пласцінамі рэтушаванымі, а таксама фрагментамі аналагічных адшчэпаў і пласцін, разцом, скрабком, скробачам.

Натуральны абломак рэтушаваны (1 адзінка) уяўляе сабой акатаны фрагмент крамянёвага жаўлака з участкам паўстромкай рэтушы. Памеры артэфакта наступныя: даўжыня складае 3,51 см, шырыня – ад 32 см, таўшчыня – 2,22 см.

Адшчэпы рэтушаваныя і фрагменты аналагічных адшчэпаў (11 адзінак) прадстаўлены выключна цэлымі экзэмплярамі. Падчас паверхневых збораў былі атрыманы скарыністыя (1 адзінка) і падскарыністыя (7 адзінак) адшчэпы. На дарсальнай паверхні некаторых прадметаў (5 адзінак) прысутнічае паўстромкая рэтуш. У чатырох выпадках паўстромкая вентральная рэтуш фарміруе выемку на адным з бакоў прадмета, яшчэ ў двух выпадках зафіксаваны дарсальная рэтуш і вентральная рэтуш. Аналагічным чынам у масіўнага адшчэпа сфарміраваны падобны да джала перфаратара ці праколкі ўчастак. Лёгкі люстраж ёсць на двух артэфактах. Яшчэ ў аднаго прадмета прысутнічаюць паціна малочна-блакітнага колеру, сляды забітасці і люстраж. Памеры артэфактаў наступныя: даўжыня складае ад 2,69 да 5,87 см, шырыня – ад 2,35 да 6,54 см, таўшчыня – ад 0,54 да 2,22 см.

Пласціны рэтушаваныя і фрагменты аналагічных пласцін (3 адзінкі) прадстаўлены цэлымі (2 адзінкі) або фрагментаванымі (1 адзінка) экзэмплярамі. На адным артэфакце фіксуюцца сляды жаўлачнай скарынкі. Пласціна і фрагмент пласціны былі зняты з двухпляцовачных монафрантальных нуклеусаў. На гэтых прадметах паўстромкай дарсальнай рэтушшу сфарміраваны выемкі. Яшчэ адзін экзэмпляр прадстаўлены пласцінай з усечаным рэтушшу канцом. Дыстальная частка выдалена і аформлена з дапамогай паўстромкай дарсальнай рэтушы. Памеры артэфактаў наступныя: даўжыня складае ад 2,71 да 4,52 см, шырыня – ад 1,29 да 2,31 см, таўшчыня – ад 0,34 да 0,41 см.

Разец бакавы на зломе загатоўкі мае выгляд мікрапласцінкі падскарыністай. На яго паверхні прысутнічае лёгкі люстраж. Памеры артэфакта наступныя: даўжыня складае 2,50 см, шырыня – 0,61 см, таўшчыня – 0,32 см.

Скрабок канцавы выкананы на адшчэпе падскарыністым. Ён мае прамую працоўную частку, сфарміраваную паўстромкай рэтушшу на вентральнай паверхні. На скрабку фіксуюцца сляды ўтылізацыі. Памеры артэфакта наступныя: даўжыня складае 3,85 см, шырыня – 3,22 см, таўшчыня – 1,65 см.

Скробач з калекцыі выкананы на адшчэпе падскарыністым, працоўная частка дадзенага экзэмпляра сфарміравана паўстромкай дарсальнай рэтушшу. Памеры артэфакта наступныя: даўжыня складае 3,11 см, шырыня – 2,89 см, таўшчыня – 0,86 см.

Адходы вытворчасці прадстаўлены выключна абломкамі крамянёвымі (4 адзінкі). Гэтыя фрагменты не маюць выразных прыкмет сколвання, але нясуць на сабе відавочныя сляды апрацоўкі. Тры прадметы з гэтай катэгорыі маюць сляды жаўлачнай скарынкі, яшчэ два прадметы – сляды ўздзеяння высокай тэмпературы. Памеры артэфактаў наступныя: даўжыня складае ад 2,31 да 3,65 см, шырыня – ад 2,74 да 3,89 см, таўшчыня – ад 0,78 да 1,21 см.

Табліца 2

Агульная тэхніка-марфалагічная структура калекцыі, атрыманай у выніку распрацоўкі шурфаў 1–3 у 2025 г.

Table 2

The general technical and morphological structure of the collection obtained as a result of the development of pits 1–3 in 2025

Марфалагічная катэгорыя	Артэфакты	Колькасць					Усяго
		Шурф 1	Шурф 2		Шурф 3		
		КП		КГ	КП	КГ	
Сыравіна і прэнуклеусы	Натуральныя абломкі	–	–	1	–	–	3
	Фрагменты жаўлака са слядамі апрацоўкі	–	–	–	–	1	
	Прэнуклеусы	–	–	1	–	–	
Нуклеусы і фрагменты нуклеусаў	Нуклеусы з біпалярным расшчапленнем	1	–	–	–	–	1
Тэхналагічныя сколы	Рабрыстыя адшчэпы і фрагменты аналагічных адшчэпаў	–	–	–	1	–	4
	Рабрыстыя пласціны і фрагменты аналагічных пласцін	–	–	1	–	–	
	Падрабрыстыя пласціны і фрагменты аналагічных пласцін	1	–	–	–	–	
	Бівентральныя сколы	–	–	–	1	–	
Дэбітаж	Адшчэпы і фрагменты адшчэпаў	7	1	3	–	2	20
	Лускаватыя сколы	1	–	–	–	–	
	Лускавінкі	2	–	2	2	–	
Фармальныя прылады	Адшчэпы рэтушаваныя і фрагменты аналагічных адшчэпаў	–	–	2	1	1	12
	Пласціны рэтушаваныя і фрагменты аналагічных пласцін	–	1	1	–	–	
	Скрабкі і фрагменты скрабкоў	–	–	2	–	1	
	Разцы	–	–	2	–	–	
	Кіркі	–	–	–	1	–	
Адходы вытворчасці	Абломкі	3	–	–	–	–	8
	Бівентральныя сколы	–	–	–	1	–	
	Мікраразцы	–	1	–	–	–	
	Шлакі	–	–	–	3	–	
Усяго		*15*	*3*	*15*	*10*	*5*	*48*

З а ў в а г а. У табл. 2 і 3 выкарыстоўваюцца наступныя скарачэнні: КП – культурны пласт; КГ – культуразмяшчальны гарызонт.

У выніку распрацоўкі шурфа 1 былі атрыманы 15 прадметаў, якія паходзяць выключна з культурнага пласта. Частка калекцыі, якая паходзіць з шурфаў 2 і 3, складае 18 і 14 адзінак адпаведна. У культурным пласце былі зафіксаваны 12 артэфактаў з шурфаў 2 і 3.

Табліца 3

Агульная тэхніка-марфалагічная структура калекцыі, атрыманай у выніку распрацоўкі раскопу 1 у 2025 г.

Table 3

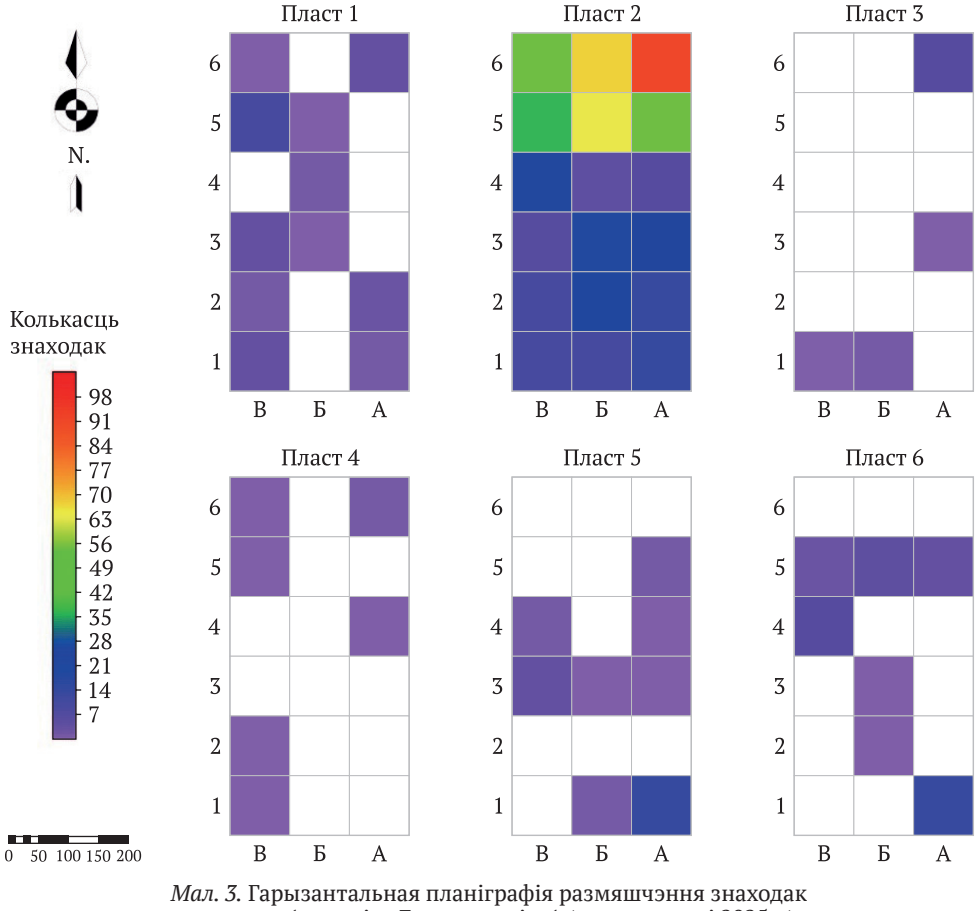
The general technical and morphological structure of the collection obtained as a result of the development of excavation 1 in 2025

Марфалагічная катэгорыя	Артэфакты	Колькасць						Усяго
		КП		КГ				
		Пласт 1	Пласт 2	Пласт 3	Пласт 4	Пласт 5	Пласт 6	
Сыравіна	Жаўлакі і іх фрагменты	–	4	–	–	–	–	12
	Жаўлакі і іх фрагменты са слядамі апрацоўкі	1	7	–	–	–	–	
Нуклеусы і фрагменты нуклеусаў	Рэшткавыя фрагменты нуклеуса	1	–	1	–	–	–	4
	Нуклеусы з біпалярным расшчапленнем	–	2	–	–	–	–	
Тэхналагічныя сколы	Рабрыстыя адшчэпы і фрагменты аналагічных адшчэпаў	–	1	–	–	–	–	10
	Рабрыстыя пласціны і фрагменты аналагічных пласцін	–	3	–	–	–	1	
	Падрабрыстыя пласціны і фрагменты аналагічных пласцін	–	1	–	–	–	–	
	Сколы аднаўлення пляцоўкі нуклеуса і фрагменты аналагічных сколаў	–	1	–	–	–	–	
	Сколы падпраўкі пляцоўкі нуклеуса і фрагменты аналагічных сколаў	–	2	–	–	–	–	
	Сколы патанчэння плоскасці і фрагменты аналагічных сколаў	–	1	–	–	–	–	
Дэбітаж	Адшчэпы і фрагменты адшчэпаў	8	270	3	3	6	11	523
	Пласціны і іх фрагменты	–	4	–	2	2	–	
	Пласцінкі і іх фрагменты	–	7	–	1	1	–	
	Мікрапласцінкі і іх фрагменты	–	2	–	–	–	–	
	Лускаватыя сколы	–	2	–	–	–	–	
	Лускавінкі	6	173	–	3	9	10	
Фармальныя прылады	Адшчэпы рэтушаваныя і фрагменты аналагічных адшчэпаў	1	15	–	1	2	1	39
	Пласціны рэтушаваныя і фрагменты аналагічных пласцін	–	2	–	–	–	1	
	Мікрапласцінкі рэтушаваныя і фрагменты аналагічных мікрапласцінак	–	–	–	–	2	–	
	Пласціны і пласцінкі з прытупленым рэтушшу краем	–	–	–	1	–	1	
	Вастрыі, пласцінкі і мікрапласцінкі са скошаным рэтушшу краем	–	3	–	–	–	–	
	Скрабкі	–	–	–	–	1	–	
	Мікраскрабкі	–	1	–	–	1	1	
	Сярпы-нажы	–	1	–	–	–	–	
	Праколкі	1	1	–	–	–	–	
	Разцы	–	–	–	1	–	1	

Заканчэнне табл. 3
Ending of the table 3

Марфалагічная катэгорыя	Артэфакты	Колькасць						Усяго
		КП		КГ				
		Пласт 1	Пласт 2	Пласт 3	Пласт 4	Пласт 5	Пласт 6	
Адходы вытворчасці	Абломкі	5	36	–	–	–	1	44
	Разцовыя сколы	–	1	–	–	–	–	
	Мікраразцы	–	1	–	–	–	–	
Косткі і іх фрагменты	Фрагменты сківіц жывёлы	2	–	–	–	–	–	2
Металічныя вырабы	Гільзы	1	–	–	–	–	–	1
Каменныя вырабы	Адбойнікі	1	1	–	–	–	–	2
Усяго		*27*	*540*	*4*	*12*	*24*	*28*	*635*

У выніку экспларацыі раскопу 1 была атрымана частка калекцыі (635 адзінак). З іх 567 прадметаў былі знойдзены ў культурным слоі (пласты 1 і 2) і 68 прадметаў – у культуразмяшчальным гарызонце (пласты 3–6). У першых двух пластах зафіксаваны наступныя катэгорыі артэфактаў: сыравіна, нуклеусы і фрагменты нуклеусаў, тэхналагічныя сколы, дэбітаж, фармальныя прылады, адходы вытворчасці (мал. 3).

Мал. 3. Гарызантальная планіграфія размяшчэння знаходак у раскопе 1 помніка Белыя рэчкі – 1 (даследаванні 2025 г.)

Fig. 3. Horizontal planigraphy of the location of finds in trench 1 of the Belyja rechki – 1 site (research of 2025)

Сыравіна прадстаўлена натуральным абломкам, жаўлакамі, фрагментамі жаўлака са слядамі апрацоўкі і прэнуклеусам.

Жаўлакі і іх фрагменты (4 адзінкі) не маюць відавочных слядоў апрацоўкі. На двух з іх зафіксаваны прыкметы ўздзеяння высокай тэмпературы. Паціна малочна-блакітнага колеру прысутнічае на адным прадмеце. Памеры артэфактаў наступныя: даўжыня складае ад 2,52 да 6,66 см, шырыня – ад 3,23 да 6,60 см, таўшчыня – ад 0,41 да 3,35 см.

Колькасць жаўлакоў і фрагментаў жаўлакоў са слядамі апрацоўкі складае 9 адзінак. На адным экзэмпляры прысутнічаюць сляды ўздзеяння высокай тэмпературы. Яшчэ на двух прадметах фіксуецца паціна малочна-блакітнага колеру. Памеры артэфактаў наступныя: даўжыня складае ад 3,82 да 6,17 см, шырыня – ад 2,64 да 5,65 см, таўшчыня – ад 1,09 да 2,64 см.

Нуклеусы і фрагменты нуклеусаў прадстаўлены рэшткавымі фрагментамі нуклеусаў і нуклеусамі з біпалярным расшчапленнем.

На паверхні рэшткавага фрагмента нуклеусаў ёсць паціна блакітнага колеру, сляды акатанасці і люстраж. Фрагментацыя экзэмпляра адбылася падчас распрацоўкі раскопу 1. Памеры артэфакта наступныя: даўжыня складае 4,21 см, шырыня – 3,22 см, таўшчыня – 1,51 см.

Нуклеусы з біпалярным расшчапленнем (3 адзінкі) з'яўляюцца нуклеусамі шматпляцовачнымі ад адшчэпаў (лускаватых сколаў). Іх эксплуатацыя вялася пры дапамозе біпалярнай (контрударнай) тэхнікі расшчаплення. Жаўлачная скарынка зафіксавана на адным прадмеце. Яшчэ на адным экзэмпляры ёсць невялікі ўчастак паўстромкай рэтушы. Памеры артэфактаў наступныя: даўжыня складае ад 2,88 да 4,72 см, шырыня – ад 2,59 да 7,75 см, таўшчыня – ад 0,93 да 1,76 см.

Тэхналагічныя сколы прадстаўлены рабрыстымі і падрабрыстымі сколамі (адшчэпамі, пласцінамі і пласцінкамі) і фрагментамі аналагічных сколаў, сколамі падпраўкі і аднаўлення пляцовак нуклеусаў, сколамі патанчэння плоскасці.

Рабрыстыя адшчэпы і фрагменты аналагічных адшчэпаў (2 адзінкі) прадстаўлены выключна цэлымі экзэмплярамі. Жаўлачная скарынка зафіксавана ў адным выпадку. Сляды акатанасці і забітасці, люстраж прысутнічаюць таксама на адным прадмеце. Яшчэ на адным артэфакце ёсць паўстромкая рэтуш на дарсальнай паверхні. Памеры артэфактаў наступныя: даўжыня складае 3,35 і 4,0 см, шырыня – 3,67 і 3,31 см, таўшчыня – ад 0,41 да 0,58 см адпаведна.

Рабрыстыя пласціны і фрагменты аналагічных пласцін (4 адзінкі) прадстаўлены цэлымі (3 адзінкі) і фрагментаванымі (1 адзінка) экзэмплярамі. Папярэчнае сячэнне знаходак трохвугольнае, жаўлачная скарынка зафіксавана на двух прадметах. На паверхні разглядаемых экзэмпляраў прысутнічаюць паціна блакітнага колеру, сляды акатанасці і забітасці, люстраж (у адным выпадку). Памеры артэфактаў наступныя: даўжыня складае ад 3,31 да 6,82 см, шырыня – ад 1,10 да 2,79 см, таўшчыня – ад 0,88 да 1,23 см.

Падрабрыстыя пласціны і фрагменты аналагічных пласцін (2 адзінкі) прадстаўлены выключна фрагментаванымі экзэмплярамі. Адзін прадмет на дарсальнай паверхні мае негатывы сустрэчнага сколвання. Паціна белага колеру, сляды акатанасці і люстраж прысутнічаюць на ўсіх артэфактах. Памеры артэфактаў наступныя: даўжыня складае 3,45 і 4,21 см, шырыня – 2,34 і 3,22 см, таўшчыня – 0,45 і 1,51 см адпаведна.

Скол аднаўлення пляцоўкі нуклеуса зняты з боку фронту ядрышча. На прадмеце прысутнічае другасная апрацоўка ў выглядзе дробнай дарсальнай і вентральнай рэтушы. Памеры артэфакта наступныя: даўжыня складае 3,58 см, шырыня – 4,41 см, таўшчыня – 0,62 см.

Колькасць сколаў падпраўкі пляцоўкі нуклеуса і фрагментаў аналагічных сколаў складае 2 адзінкі. На прадметах прысутнічаюць паціна блакітнага колеру, сляды акатанасці, забітасці і люстражу. Памеры артэфактаў наступныя: даўжыня складае ад 2,52 да 3,58 см, шырыня – ад 3,23 да 4,41 см, таўшчыня – ад 0,41 да 0,62 см.

Да групы сколаў патанчэння плоскасці залічаны адшчэпы з вострым вуглом сколвання (больш за 50°), якія былі зняты для патанчэння загатоўкі. На паверхні прадмета з калекцыі прысутнічае жаўлачная скарынка. Памеры артэфакта наступныя: даўжыня складае 1,80 см, шырыня – 2,11 см, таўшчыня – 0,44 см.

Дэбітаж прадстаўлены адшчэпамі, пласцінамі, пласцінкамі, мікрапласцінкамі і іх фрагментамі, лускаватымі сколамі, лускавінкамі.

Адшчэпы і фрагменты адшчэпаў (298 адзінак) прадстаўлены цэлымі (30 адзінак) і фрагментаванымі (268 адзінак) экзэмплярамі. Жаўлачная скарынка зафіксавана на 45 артэфактах, сляды ўтылізацыі – на 12 прадметах. Прыкметы ўздзеяння высокай тэмпературы зафіксаваны ў 106 выпадках. Таксама на 17 адшчэпах і фрагментах адшчэпаў прысутнічаюць паціна малочна-блакітнага колеру, сляды акатанасці і люстраж. Памеры артэфактаў наступныя: даўжыня складае ад 2,14 да 5,10 см, шырыня – ад 1,47 да 5,22 см, таўшчыня – ад 0,27 да 2,0 см.

Пласціны і фрагменты пласцін (4 адзінкі) прадстаўлены выключна фрагментаванымі экзэмплярамі. Адзін з прадметаў на дарсальнай паверхні нясе негатывы сустрэчнага сколвання. Памеры артэфактаў наступныя: даўжыня складае ад 3,52 да 4,61 см, шырыня – ад 1,28 да 2,22 см, таўшчыня – ад 0,31 да 0,42 см.

Пласцінкі і іх фрагменты (7 адзінак) прадстаўлены толькі фрагментаванымі экзэмплярамі. У калекцыі з раскопу прысутнічаюць доўгія вузкія сколы, шырыня якіх складае ад 0,7 да 1,2 см. На адным артэфакце ёсць паціна малочна-блакітнага колеру. Памеры артэфактаў наступныя: даўжыня складае ад 2,52 да 4,34 см, шырыня – ад 0,81 да 1,15 см, таўшчыня – ад 0,31 да 0,42 см.

Колькасць мікрапласцінак і іх фрагментаў – 2 адзінкі. У калекцыі прысутнічаюць доўгія вузкія сколы шырынёй менш за 0,7 см. Сярод артэфактаў ёсць цэлы і фрагментаваны экзэмпляры. Памеры артэфактаў наступныя: даўжыня складае 2,34 і 2,67 см, шырыня – 0,57 і 0,63 см, таўшчыня – 0,28 і 0,33 см адпаведна.

Лускаватыя сколы (3 адзінкі) прадстаўлены выключна цэлымі экзэмплярамі. Памеры артэфактаў наступныя: даўжыня складае ад 2,12 да 3,90 см, шырыня – ад 3,16 да 4,23 см, таўшчыня – ад 0,34 да 0,77 см.

Лускавінкі прадстаўлены 183 экзэмплярамі. Жаўлачная скарынка зафіксавана на 33 прадметах. Паціна малочна-блакітнага колеру, сляды акатанасці і люстраж прысутнічаюць на 41 артэфакце. На чатырох прадметах ёсць сляды ўздзеяння высокай тэмпературы.

Фармальныя прылады ў калекцыі прадстаўлены адшчэпамі, пласцінамі, мікрапласцінкамі рэтушаванымі і фрагментамі аналагічных мікрапласцінак, вастрыём, кіркай, мікраскрабком, фрагментам сярпанажа, праколкай.

Адшчэпы рэтушаваныя і фрагменты аналагічных адшчэпаў (17 адзінак) прадстаўлены цэлымі (13 адзінак) і фрагментаванымі (5 адзінак) экзэмплярамі. Жаўлачная скарынка прысутнічае на шасці прадметах. Таксама на артэфактах сустракаецца плоская (1 адзінка) і паўстромкая (17 адзінак) рэтуш на дарсальнай (12 адзінак), вентральнай (3 адзінкі) і абедзвюх (1 адзінка) паверхнях. У двух выпадках паўстромкай дарсальнай або вентральнай рэтушшу сфарміравана выемка. На адным артэфакце фіксуюцца сляды ўтылізацыі. Паціна малочна-блакітнага колеру, сляды акатанасці і забітасці, люстраж прысутнічаюць на двух прадметах. Сляды ўздзеяння высокай тэмпературы зафіксаваны ў адным выпадку. Памеры артэфактаў наступныя: даўжыня складае ад 2,21 да 5,49 см, шырыня – ад 1,90 да 5,43 см, таўшчыня – ад 0,28 да 0,96 см.

Пласціны рэтушаваныя і фрагменты аналагічных пласцін (3 адзінкі) прадстаўлены цэлымі (2 адзінкі) і фрагментаваным (1 адзінка) экзэмплярамі. На дарсальнай паверхні аднаго артэфакта прысутнічаюць негатывы сустрэчнага сколвання. Жаўлачная скарынка зафіксавана на двух прадметах. Рэтуш паўстромкая (2 адзінкі) сустракаецца на дарсальнай (1 адзінка), а таксама дарсальнай і вентральнай (1 адзінка) паверхнях прадметаў з калекцыі. У адным выпадку вентральная паўстромкая рэтуш фарміруе выемку ў дыстальнай частцы загатоўкі. Памеры артэфактаў наступныя: даўжыня складае ад 2,21 да 3,44 см, шырыня – ад 1,6 да 1,9 см, таўшчыня – ад 0,23 да 0,28 см.

Пласцінкі і мікрапласцінкі са скошаным рэтушшу краем (2 адзінкі) прадстаўлены цэлымі экзэмплярамі. Яны выкананы на загатоўках, знятых з аднапляцовачных нуклеусаў. Жаўлачная скарынка прысутнічае на адным прадмеце. Дыстальная частка загатовак скошана паўстромкай дарсальнай рэтушшу (мал. 4, *14*). На мікрапласцінцы прысутнічаюць паціна белага колеру, сляды акатанасці і люстраж. Памеры артэфактаў наступныя: даўжыня складае 3,93 і 3,43 см, шырыня – 1,0 і 0,63 см, таўшчыня – 0,21 і 0,23 см.

Вастрыё з калекцыі ўяўляе сабой фрагментаваны экзэмпляр. Яно выканана на пласцінцы падскарыністай, дыстальная частка якой скошана паўстромкай дарсальнай рэтушшу. На прадмеце прысутнічаюць паціна малочна-блакітнага колеру, сляды акатанасці і люстраж. Памеры артэфакта наступныя: даўжыня складае 3,22 см, шырыня – 1,11 см, таўшчыня – 0,32 см.

Кірка ўяўляе сабой уніфасіяльную прыладу з трохвугольным папярэчным сячэннем са слядамі забітасці на адным з канцоў. Памеры артэфакта наступныя: даўжыня складае 6,30 см, шырыня – 3,45 см, таўшчыня – 3,89 см.

Мікраскрабок выкананы на адшчэпе, яго скругленая працоўная частка сфарміравана стромкай дарсальнай рэтушшу ў дыстальнай частцы загатоўкі. На адным прадмеце прысутнічаюць паціна малочна-блакітнага колеру, сляды акатанасці і люстражу. Памеры артэфакта наступныя: даўжыня складае 1,79 см, шырыня – 1,0 см, таўшчыня – 0,60 см.

Сярпы-нажы прадстаўлены дыстальным фрагментам, выкананым на падскарыністай пласціне. Працоўная частка прадмета сфарміравана паўстромкай дарсальнай рэтушшу. Памеры артэфакта наступныя: даўжыня складае 2,82 см, шырыня – 2,0 см, таўшчыня – 0,45 см.

Праколкі (2 адзінкі) з вылучаным джалам выкананы на адшчэпе і фрагменце адшчэпа падскарыністага. Іх працоўныя часткі сфарміраваны некалькімі вентральнымі сколамі. Памеры артэфактаў наступныя: даўжыня складае 3,22 і 4,56 см, шырыня – 2,81 і 3,45 см, таўшчыня – 1,20 і 0,67 см адпаведна.

Адходы вытворчасці прадстаўлены абломкамі, разцовымі сколамі і мікраразцамі.

Агульная колькасць абломкаў складае 44 адзінкі, колькасць абломкаў са слядамі жаўлачнай скарынкі – 15 адзінак. На 22 прадметах зафіксаваны сляды ўздзеяння высокай тэмпературы. На адным артэфакце фіксуюцца сляды ўтылізацыі, яшчэ на адным – сляды другаснай апрацоўкі ў выглядзе паўстромкай рэтушы. Паціна белага колеру прысутнічае на адным прадмеце. Памеры артэфактаў наступныя: даўжыня складае ад 2,21 да 3,27 см, шырыня – ад 2,72 да 2,16 см, таўшчыня – ад 0,42 да 1,05 см.

Бівентральны скол уяўляе сабой адшчэп, які ўтварыўся ў выніку расшчаплення цвёрдым адбойнікам шляхам прамога ўдару, на месцы якога сфарміраваўся заганец. Памеры артэфакта наступныя: даўжыня складае 1,02 см, шырыня – 0,89 см, таўшчыня – 0,34 см.

Разцовы скол прадстаўлены вузкім адшчэпам з краю загатоўкі са слядамі жаўлачнай скарынкі. Памеры артэфакта наступныя: даўжыня складае 2,13 см, шырыня – 0,89 см, таўшчыня – 0,23 см.

Мікраразцы (2 адзінкі) уяўляюць сабой сколы фарміравання вастрыя ад пласцін. Памеры артэфактаў наступныя: даўжыня складае 1,20 і 0,94 см, шырыня – 0,63 і 0,78 см, таўшчыня – 0,21 і 0,34 см адпаведна.

Акрамя гэтага, як было адзначана вышэй, у калекцыі з шурфа 3 і раскопу 1 прысутнічаюць каменны адбойнік, 2 фрагменты сківіц жывёл ці жывёлы, 3 фрагменты шлакаў, гільза. Апошняя мае памеры 2,46 × 0,98 см і з'яўляецца гільзай ад пісталета. Фрагменты сківіц маюць захаваныя зубы, якія дазваляюць вызначыць, што яны належалі дзіку ці дзікай свінні.

Матэрыялы культуразмяшчальнага гарызонту былі зафіксаваны ў шурфах 2 і 3 (15 і 5 адзінак адпаведна) і раскопе 1 (68 адзінак). Дадзеная частка калекцыі прадстаўлена такімі катэгорыямі, як нуклеусы і іх фрагменты, дэбітаж, фармальныя прылады, адходы.

Сыравіна і прэнуклеусы прадстаўлены фрагментамі натуральных абломкаў і жаўлакоў са слядамі апрацоўкі і прэнуклеусам.

Натуральны абломак уяўляе сабой акатаны фрагмент крамянёвага жаўлака без відавочных слядоў

апрацоўкі. На ім ёсць паціна малочна-блакітнага колеру і люстраж. Памеры артэфакта наступныя: даўжыня складае 3,21 см, шырыня – 2,89 см, таўшчыня – 0,97 см.

Прэнуклеус прадстаўлены фрагментам крамянёвага жаўлака са сфарміраванай адзінарным франтальным сколам пляцоўкай. Контрфронт і бакі прадмета апрацаваны часткова, на паверхні прысутнічаюць сляды акатанасці і забітасці, люстраж. Памеры артэфакта наступныя: даўжыня складае 5,43 см, шырыня – 3,45 см, таўшчыня – 3,68 см.

Нуклеусы і фрагменты нуклеусаў прадстаўлены рэшткавым фрагментам. На ім ёсць паціна блакітнага колеру, сляды акатанасці, люстраж. Памеры артэфакта наступныя: даўжыня складае 3,45 см, шырыня – 3,24 см, таўшчыня – 1,51 см.

Тэхналагічныя сколы прадстаўлены цэлымі экзэмплярамі рабрыстых пласцін (2 адзінкі). Папярэчнае сячэнне артэфактаў трохвугольнае, жаўлачная скарынка зафіксавана на адным прадмеце (мал. 4, *11*). На паверхні абодвух экзэмпляраў прысутнічаюць паціна блакітнага колеру, сляды акатанасці і забітасці, люстраж. Памеры артэфактаў наступныя: даўжыня складае 5,39 і 4,56 см, шырыня – 2,47 і 2,23 см, таўшчыня – 1,96 і 1,12 см адпаведна.

Дэбітаж прадстаўлены адшчэпамі і фрагментамі адшчэпаў, пласцінамі, пласцінкамі і фрагментамі аналагічных пласцін, лускавінкамі.

Адшчэпы і фрагменты адшчэпаў (28 адзінак) прадстаўлены цэлымі (18 адзінак) і фрагментаванымі (10 адзінак) экзэмплярамі. Жаўлачная скарынка прысутнічае на 14 артэфактах. Прыкметы ўздзеяння высокай тэмпературы зафіксаваны ў 3 выпадках. Таксама на 20 адшчэпах і фрагментах адшчэпаў прысутнічаюць паціна малочна-блакітнага колеру, сляды акатанасці і люстраж. Памеры артэфактаў наступныя: даўжыня складае ад 1,49 да 3,92 см, шырыня – ад 1,47 да 4,89 см, таўшчыня – ад 0,27 да 1,36 см.

Пласціны і фрагменты пласцін (4 адзінкі) прадстаўлены цэлымі (2 адзінкі) і фрагментаванымі (2 адзінкі) экзэмплярамі. На дарсальнай паверхні двух прадметаў прысутнічаюць негатывы сустрэчнага сколвання. Жаўлачная скарынка зафіксавана на адным артэфакце. На абодвух прадметах ёсць лёгкая паціна блакітнага (1 адзінка) і малочна-блакітнага (1 адзінка) колераў, а таксама сляды акатанасці і люстраж (2 адзінкі). Памеры артэфактаў наступныя: даўжыня складае ад 3,23 да 6,79 см, шырыня – ад 1,25 да 1,58 см, таўшчыня – ад 0,52 да 0,73 см.

Пласцінкі і фрагменты пласцінак (2 адзінкі) прадстаўлены выключна фрагментаванымі экзэмплярамі. На адным прадмеце прысутнічаюць паціна малочна-блакітнага колеру, сляды акатанасці і люстраж. Памеры артэфактаў наступныя: даўжыня складае 3,12 і 3,78 см, шырыня – 1,06 і 1,12 см, таўшчыня – 0,48 і 0,42 см адпаведна.

Колькасць лускавінак – 24 адзінкі. Жаўлачная скарынка зафіксавана на 10 прадметах. На ўсіх артэфактах ёсць паціна малочна-блакітнага колеру, сляды акатанасці і люстраж.

Фармальныя прылады прадстаўлены адшчэпамі, пласцінамі, пласцінкамі, мікрапласцінкамі з другаснай апрацоўкай, скрабкамі і мікраскрабкамі, разцамі.

Адшчэпы рэтушаваныя і фрагменты аналагічных адшчэпаў (7 адзінак) прадстаўлены цэлымі (5 адзінак) і фрагментаванымі (2 адзінкі) экзэмплярамі. Жаўлачная скарынка прысутнічае на пяці прадметах. На дарсальнай паверхні артэфактаў ёсць рэтуш стромкая (1 адзінка) і паўстромкая (6 адзінак). Паціна малочна-блакітнага колеру, сляды акатанасці і забітасці, люстраж прысутнічаюць на шасці прадметах (мал. 4, *5*, *7–9*, *17*, *18*). Памеры артэфактаў наступныя: даўжыня складае ад 1,18 да 5,49 см, шырыня – ад 1,74 да 5,43 см, таўшчыня – ад 0,42 да 0,96 см.

Пласціны рэтушаваныя і фрагменты аналагічных пласцін (2 адзінкі) прадстаўлены толькі цэлымі экзэмплярамі. На адным прадмеце на дарсальнай паверхні прысутнічаюць негатывы сустрэчнага сколвання (мал. 4, *2*, *10*). Паўстромкай рэтушшу і паўстромкай вентральнай рэтушшу на дарсальнай паверхні сфарміравана выемка на адным з бакоў. На прадметах прысутнічаюць паціна рудога колеру, сляды акатанасці і люстраж у адным выпадку. Памеры артэфактаў наступныя: даўжыня складае 6,09 і 5,40 см, шырыня – 1,19 і 1,20 см, таўшчыня – 0,50 і 0,51 см адпаведна.

Мікрапласцінкі рэтушаваныя і фрагменты аналагічных мікрапласцінак (2 адзінкі) прадстаўлены цэлым (1 адзінка) і фрагментаваным (1 адзінка) экзэмплярамі. Жаўлачная скарынка прысутнічае на адным прадмеце. Рэтуш дробная ёсць на дарсальнай (1 адзінка) і вентральнай (1 адзінка) паверхнях знаходак (мал. 4, *16*). На прадметах прысутнічаюць паціна малочна-блакітнага колеру, сляды акатанасці і забітасці, люстраж. Памеры артэфактаў наступныя: даўжыня складае 1,91 і 1,39 см, шырыня – 0,7 і 0,6 см, таўшчыня – 0,37 і 0,15 см адпаведна.

Пласцінкі з прытупленым рэтушшу краем (2 адзінкі) прадстаўлены цэлым і фрагментаваным экзэмплярамі. Рэтуш паўстромкая прысутнічае на дарсальнай паверхні прадметаў. Жаўлачная скарынка зафіксавана на адной знаходцы. На прадметах ёсць паціна блакітнага колеру, сляды акатанасці і забітасці, люстраж (мал. 4, *15*). Памеры артэфактаў наступныя: даўжыня складае 2,26 і 1,30 см, шырыня – 1,10 і 1,94 см, таўшчыня – 0,50 і 0,42 см адпаведна.

Скрабкі (4 адзінкі) прадстаўлены цэлымі (3 адзінкі) і фрагментаваным (1 адзінка) экзэмплярамі. Скрабкі з'яўляюцца канцавымі, яны выкананы на адшчэпах (3 адзінкі) і пласціне (1 адзінка). Працоўныя часткі прадметаў скругленыя, сфарміраваныя паўстромкай дарсальнай (3 адзінкі) і вентральнай (1 адзінка) рэтушшу. На знаходках прысутнічаюць паціна карычневага (1 адзінка) і малочна-блакітнага (1 адзінка) колераў, сляды акатанасці і люстраж (3 адзінкі) (мал. 4, *1*, *3*, *6*). Памеры артэфактаў наступныя: даўжыня складае ад 2,23 да 4,11 см, шырыня – ад 1,64 да 3,45 см, таўшчыня – ад 0,86 да 1,50 см.

У калекцыі ёсць два мікраскрабкі. Адзін з іх канцавы, другі – канцавы з заходам на бок. Прадметы

выкананы на фрагменце пласціны або пласцінкі і падскарыністай пласціне. Працоўныя часткі мікраскрабкоў скруглены, сфарміраваны стромкай дарсальнай рэтушшу ў дыстальнай частцы загатоўкі. На іх прысутнічаюць паціна блакітнага колеру, сляды акатанасці і люстражу (мал. 4, *19*, *20*). Памеры артэфактаў наступныя: даўжыня складае 1,17 і 1,53 см, шырыня – 1,77 і 1,65 см, таўшчыня – 0,61 і 0,48 см адпаведна.

Разцы (4 адзінкі) прадстаўлены цэлымі экзэмплярамі. Артэфакты маюць наступныя канфігурацыі: бакавы разец са шматлікімі лёзамі, адзінарны сярэдзінны разец, папярэчны разец, бакавы разец. Знаходкі выкананы на адшчэпах. На прадметах прысутнічаюць паціна белага колеру, сляды акатанасці і люстраж (мал. 4, *2*, *12*, *13*). Памеры артэфактаў наступныя: даўжыня складае ад 2,86 да 3,95 см, шырыня – ад 1,52 да 2,13 см, таўшчыня – ад 0,90 да 1,19 см.

Адходы прадстаўлены абломкам (1 адзінка) са слядамі жаўлачнай скарынкі. На ім прысутнічаюць паціна малочна-блакітнага колеру, сляды акатанасці і люстраж. Памеры артэфакта наступныя: даўжыня складае 3,27 см, шырыня – 2,16 см, таўшчыня – 1,05 см.

Мал. 4. Крамянёвыя артэфакты з помніка Белыя рэчкі – 1:
а – артэфакты з шурфа 2; *б* – артэфакты з шурфа 3; *в* – артэфакты з раскопу 1.
Крыніца: архіў аўтара

Fig. 4. Flint artifacts from excavations of Belyja Rechki – 1 site:
a – artifacts from pit 2; *b* – artifacts from pit 3; *c* – artifacts from trench 1.
Source: author's archive

Вынікі і іх абмеркаванне

Аналіз вышэйапісаных матэрыялаў дазваляе класіфікаваць іх на культурна-храналагічныя ці храналагічныя групы. Частка артэфактаў з калекцыі, якія былі атрыманы з дзярнова-падзолістай і шэрай глебы (культурны пласт) у выніку паверхневых збораў, на аснове тэхніка-марфалагічных характарыстык дзеляцца на дзве групы. Першая група прадстаўлена двума нуклеусамі, пласцінамі і фрагментамі пласцін са слядамі двухпляцовачнасці (у тым ліку з другаснай апрацоўкай), а таксама канцавым скрабком на адшчэпе. Прадметы гэтай групы аднесены намі да фінальнага палеаліту.

Характар апрацоўкі пятак у пласцін, наяўнасць рэдукавання карніза, пакручастасць у праксімальнай частцы, канфігурацыя нуклеуса і іншыя асаблівасці дазваляюць звязваць гэтыя матэрыялы са свідэрскай культурай. Падобныя артэфакты былі знойдзены ў басейне р. Росі. Бліжэйшае месца да помніка Белыя рэчкі – 1, дзе былі знойдзены падобныя артэфакты, знаходзіцца каля г. п. Краснасельскі [6, с. 92]. Другая частка калекцыі, якая складаецца з нуклеусаў з біпалярным расшчапленнем і лускаватых сколаў, некаторых адшчэпаў, у тым ліку рэтушаваных, звязваецца намі з познім неалітам, а таксама з бронзавым і, магчыма, раннім жалезным вякамі. Бліжэйшы падобны помнік знаходзіцца ў 0,5 км на захад ад помніка Белыя рэчкі – 1, ён быў адкрыты ў 2025 г. Аднак такія матэрыялы сустракаюцца ва ўсім басейне р. Нёман [7, с. 121, 127]. Таксама сярод крамянёвых артэфактаў прысутнічаюць два мікраразцы і пласціна са скошаным рэтушшу краем, якія могуць звязвацца з эпохай мезаліту. Аднак гэтыя матэрыялы даволі невыразныя, каб вызначыць іх дакладную культурна-храналагічную прыналежнасць.

Акрамя гэтага, у калекцыі прысутнічаюць шлакі, косткі жывёлы ці жывёл і гільза. Улічваючы планіграфічнае і стратыграфічнае размяшчэнне фрагментаў сківіцы дзіка ці дзікай свінні, мы не выключаем сучаснае паходжанне дадзеных прадметаў. Аналагічна Навейшым часам мы датуем і гільзу ад пісталета.

Наступная група, якая прадстаўлена выключна крамянёвым матэрыялам, выдзяляецца перш за ўсё з улікам умоў залягання. Прадметы з культуразмяшчальнага гарызонту маюць падобную стратыграфію і вышэйапісаную прыналежнасць артэфактаў, якія залягаюць у культурным пласце, а таму не могуць быць больш познімі па часе стварэння. Тэхніка-марфалагічныя і знешнія характарыстыкі матэрыялаў разам з умовамі залягання не дазваляюць разглядаць гэту частку калекцыі як адзіны комплекс. Тым не менш мы маем прыклады пласцінчатага расшчаплення, экзэмпляры канцавых скрабкоў і разцоў, што ўскосна сведчыць пра прыналежнасць матэрыялаў да позняга палеаліту. Зыходзячы з тапаграфічнай сітуацыі, апісанай вышэй, можна выказаць здагадку, што пласт, у якім утрымліваюцца артэфакты, утварыўся ў перыяд дэградацыі рыжскай лопасці паазерскага ледавіка (аршанская фаза дэградацыі, якая датуецца перыядам 20,0–15,5 тыс. гадоў назад) [8, с. 55]. Гэта думка таксама пацвярджаецца памерамі зерняў і грануламетрычным складам адкладаў, у якіх фракцыя памерам 0,1–1,0 мм складае каля 80 %, а жвір – каля 7 %. Прадметы трапілі ў гэты слой падчас яго фарміравання, аднак яны маглі быць пакінуты чалавекам і да гэтага часу, але не раней чым 45–40 тыс. гадоў назад.

Заключэнне

Такім чынам, атрыманыя ў выніку даследаванняў помніка Белыя рэчкі – 1 у 2025 г. даныя дазваляюць зрабіць наступныя высновы. Планіграфічнае і стратыграфічнае размяшчэнне археалагічных матэрыялаў дазваляе вылучыць на стаянцы культурны пласт і культуразмяшчальны гарызонт з палеалітычнымі артэфактамі. Культурны пласт, прывязаны да дзярновага пласта і шэрай глебы, утрымлівае матэрыялы, якія даюць падставы для таго, каб звязваць яго з жыццядзейнасцю ў гэтым месцы носьбітаў свідэрскай культуры фінальнага палеаліту (13(12,8)–10 тыс. гадоў назад). Гэты факт пацвярджаецца знойдзеным падчас правядзення паверхневых збораў нуклеусам двухпляцовачным монафрантальным ад пласцін і пласцін са слядамі сустрэчнага сколвання ў раскопе 1 і шурфе 2. Аналіз тапаграфічнага і стратыграфічнага размяшчэння культуразмяшчальнага гарызонту і матэрыялаў, якія ён утрымлівае, дазваляе выказаць меркаванне аб познепалеалітычным паходжанні артэфактаў і ўтварэнні пласта ў прамежак 20,0–15,5 тыс. гадоў назад. Для больш аргументаванага пацвярджэння дадзенай думкі патрэбна прадоўжыць палявыя даследаванні на помніку Белыя рэчкі – 1 з прыцягненнем спецыялістаў у галіне прыродазнаўчых навук і правядзеннем радыёвугляроднага датавання або OSL-датавання.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Зольников ИД. *Генетические типы и геологическое картирование четвертичных отложений.* Новосибирск: Новосибирский государственный университет; 1998. 47 с.

2. Гиря ЕЮ, Нехорошев ПЕ. Некоторые технологические критерии археологической периодизации каменных индустрий. *Российская археология.* 1993;4:5–24.

3. Ginter B, Kozłowski J. *Technika obróbki i typologia wyrobów kamiennych paleolitu i mezolitu*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe; 1990. 252 s.

4. Комаровский МЕ, Семенюк АС. Значение геологического строения и литологии коренных пород для распределения и происхождения ледниковых ложбин на территории Беларуси. *Журнал Белорусского государственного университета. География. Геология.* 2020;2:78–90. DOI: 10.33581/2521-6740-2020-2-78-90.

5. Маккавеев АН, Фаустова МА, Карпухина НВ. Максимальная граница Скандинавского ледникового покрова в валдайскую (вислинскую) эпоху и особенности рельефа его периферической зоны. *Геоморфология.* 2020;3:3–19. DOI: 10.31857/S0435428120030098.

6. Калечыц АГ, Коласаў АУ. *Помнікі свідэрскай культуры фінальнага палеаліту на тэрыторыі Беларусі.* Мінск: Беларуская навука; 2025. 254 с.

7. Ашейчик ВВ, Вайтович АВ, Приставко ИЛ. Памятники каменного и бронзового веков в правобережье Немана около Столбцов (по результатам исследований 2012–2014 гг.). *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2018;2:118–129.

8. Зерницкая ВП, Власов БП, Матвеев АВ, Новик АА, Субетто ДА, Кублицкий ЮА и др. Корреляция динамики окружающей среды юго-восточной периферии поозерского (валдайского) оледенения в позднеледниковье и голоцене. *Журнал Белорусского государственного университета. География. Геология.* 2020;1:45–59. DOI: 10.33581/2521-6740-2020-1-45-59.

Атрымана 07.04.2026 / выпраўлена 02.07.2026 / прынята 02.07.2026.
Received 07.04.2026 / revised 02.07.2026 / accepted 02.07.2026.

УДК 94(476)

«БОРЬБА ЗА СТАНОК»: ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИСКРИМИНАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ В 1930-х гг.

А. Л. ДАРКОВИЧ[1)]

[1)]*Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина, бул. Космонавтов, 21, 224016, г. Брест, Беларусь*

Аннотация. На основе архивных материалов, опубликованных документов, сведений периодической печати и статистических данных предложена характеристика экономической дискриминации населения Западной Беларуси в 1930-х гг., которая осуществлялась в целях обеспечения для поляков преобладающих позиций в хозяйственной жизни. Описаны меры по целенаправленной поддержке предпринимателей польской национальности со стороны государственных властей. Приведена оценка эффективности этих мер. Изучена реакция еврейского населения на притеснения в хозяйственной жизни.

Ключевые слова: Западная Беларусь; национальная дискриминация; экономическая конкуренция; государственная власть; еврейское население.

«БАРАЦЬБА ЗА СТАНОК»: ЭКАНАМІЧНАЯ ДЫСКРЫМІНАЦЫЯ НАСЕЛЬНІЦТВА ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ Ў 1930-я гг.

А. Л. ДАРКОВІЧ[1*]

[1*]*Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна, бул. Касманаўтаў, 21, 224016, г. Брэст, Беларусь*

Анатацыя. На аснове архіўных матэрыялаў, апублікаваных дакументаў, звестак перыядычнага друку і статыстычных даных прапанавана характарыстыка эканамічнай дыскрымінацыі насельніцтва Заходняй Беларусі ў 1930-я гг., мэтай якой было забеспячэнне для палякаў пераважных пазіцый у гаспадарчым жыцці. Апісаны меры па мэтанакіраванай падтрымцы прадпрымальнікаў польскай нацыянальнасці з боку дзяржаўных улад. Прыведзена ацэнка эфектыўнасці гэтых мер. Вывучана рэакцыя яўрэйскага насельніцтва на прыгнёт у гаспадарчым жыцці.

Ключавыя словы: Заходняя Беларусь; нацыянальная дыскрымінацыя; эканамічная канкурэнцыя; дзяржаўная ўлада; яўрэйскае насельніцтва.

Образец цитирования:
Даркович АЛ. «Борьба за станок»: экономическая дискриминация населения Западной Беларуси в 1930-х гг. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2026;3:20–29.
EDN: RXOAGZ

For citation:
Darkovich AL. «Fight for the bench»: economic discrimination against the population of Western Belarus in the 1930s. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2026;3:20–29. Russian.
EDN: RXOAGZ

Автор:
Александр Леонидович Даркович – кандидат исторических наук; доцент кафедры всеобщей истории и политологии исторического факультета.

Author:
Aleksandr L. Darkovich, PhD (history); associate professor at the department of general history and political science, faculty of history.
alexdarkovich@mail.ru
https://orcid.org/0009-0007-8413-1874

«FIGHT FOR THE BENCH»: ECONOMIC DISCRIMINATION AGAINST THE POPULATION OF WESTERN BELARUS IN THE 1930s

A. L. DARKOVICH[a]

[a]*Brest State A. S. Pushkin University, 21 Kasmanawtaw Boulevard, Brest 224016, Belarus*

Abstract. Based on archival materials, published documents, information from periodicals, and statistical data, this article characterises the growing economic discrimination against the population of Western Belarus in the 1930s with the aim of ensuring the Poles' dominant position in the region's economy. Measures of support for entrepreneurs of Polish nationality by the state authorities are described. An assessment of the effectiveness of these measures is provided. The reaction of the Jewish population to oppression in economic life is examined.

Keywords: Western Belarus; national discrimination; economic competition; state power; Jewish population.

Введение

На протяжении межвоенного периода полонизация западнобелорусского региона[1], предполагавшая обеспечение для поляков преобладающего влияния в политической, экономической, культурной и других сферах, являлась основным направлением польской политики. В то же время политическое доминирование было легкодостижимой целью за счет занятия представителями польской национальности ключевых должностей в государственной администрации, полиции, органах местного самоуправления, общественных организациях и политических партиях. С помощью запретительных мер была осуществлена полонизация системы образования: после практически полной ликвидации белорусско- и русскоязычных школ и гимназий белорусские дети были вынуждены посещать польские образовательные учреждения. Однако обеспечение для поляков преобладающих позиций в хозяйственной сфере оказалось более сложной задачей. Основным препятствием было доминирование евреев, которым принадлежало большинство производственных, торговых и финансовых организаций. В 1930-х гг. польские власти перешли к целенаправленной политике по обеспечению для поляков доминирующего положения в хозяйственной жизни восточных воеводств. Неотъемлемой частью этой политики стала экономическая дискриминация непольского населения, направленная прежде всего против евреев; одновременно были созданы привилегированные условия для польских предпринимателей. В ходе реализации мер по усилению польских позиций в экономике выкристаллизовывалась новая терминология. Данный курс обозначался по-разному: «борьба за станок» (*walka o stragan*), усиление национального характера (*unarodowenie*) хозяйственной жизни, усиление польского влияния (*polski stan posiadania*), а также усиление «польского характера» (*polskości*) восточных воеводств.

Целями настоящей статьи являются характеристика экономической дискриминации населения Западной Беларуси в 1930-х гг. и мер по целенаправленной поддержке предпринимателей польской национальности со стороны государственных властей Польши, оценка эффективности этих мер, а также изучение реакции еврейского населения на притеснения в хозяйственной жизни.

Отдельные аспекты рассматриваемой темы получили освещение в историографии. В частности, А. Н. Вабищевич характеризует рост антисемитских настроений на западнобелорусских землях в 1930-х гг. [1, с. 35–36]. Статья Е. Басина посвящена запрету ритуального убоя скота в 1936 г. [2]. В работах польских историков З. Ландау и Е. Томашевского, изучавших экономическую историю и положение национальных меньшинств в межвоенной Польше, приведены отдельные сведения об экономической дискриминации евреев, переселении польских предпринимателей и рабочих в западнобелорусский регион в конце 1930-х гг. [3, s. 452–454, 458–459; 4, s. 267; 5, s. 153, 163–164; 6, s. 205–206, 213, 289–290]. Информация о насильственных антисемитских акциях в Виленском воеводстве содержится в книгах И. Янушевской-Юркевич и Ф. Селицкого [7, s. 559; 8, s. 72–73]. В то же время тема настоящей статьи не становилась предметом специального внимания историков и остается малоизученной.

[1]Географические рамки исследования охватывают территории современной Беларуси, которые в 1920–30-х гг. входили в состав польского государства. Для их обозначения используются понятия «Западная Беларусь», «западнобелорусские земли» и «западнобелорусский регион». В административно-территориальном отношении они охватывали Новогрудское воеводство, большую часть Полесского воеводства, за исключением Камень-Каширского и Сарненского поветов, а также 6 поветов Виленского воеводства (Браславский, Вилейский, Дисненский, Молодечненский, Ошмянский и Поставский поветы) и 2 повета Белостокского воеводства (Гродненский и Волковысский поветы). В тексте статьи также применяется термин «восточные воеводства», с помощью которого в межвоенной Польше обозначались Виленское, Новогрудское и Полесское воеводства, а также в различных контекстах Белостокское и (или) Волынское воеводства.

Материалы и методы исследования

Исследование проведено на основе принципов объективности, историзма и критического анализа исторических источников. Были использованы общенаучные (анализ, синтез, сравнение) и специально-исторические (историко-сравнительный, историко-генетический, историко-системный) методы исследования. Применение этих методов позволило рассмотреть проблему экономической дискриминации населения Западной Беларуси комплексно и в динамике, осветить тему в контексте реализации национальной политики польских властей и конкуренции между основными политическими силами Польши, а также изучить реакцию евреев на притеснения в хозяйственной жизни. Источниковой базой исследования послужили материалы делопроизводства местных органов государственной власти и самоуправления, хранящиеся в Государственном архиве Брестской области (ГАБО), опубликованные документы, сведения периодической печати и статистические данные.

Результаты и их обсуждение

В межвоенный период в Западной Беларуси наблюдались существенные диспропорции в профессиональной структуре основных национальных групп. Белорусы, в качестве титульной нации составлявшие абсолютное большинство жителей западнобелорусского региона, преимущественно трудились в аграрном секторе. Так, многие православные жители Полесского воеводства (94,4 %) и Новогрудского воеводства (94,0 %) были заняты сельскохозяйственным трудом[2]. Большинство из них являлись мелкими землевладельцами, страдавшими от нараставшего малоземелья и безземелья, которые были вызваны высокими темпами естественного прироста населения. Одновременно значительная часть обрабатываемой земли принадлежала крупным польским землевладельцам. В связи с этим ключевым вопросом хозяйственной политики польских властей для белорусов являлся парцелляционный характер земельной реформы, растянувшейся на все межвоенное двадцатилетие. В ходе проведения этой реформы принудительно выкупалась часть крупных имений, площадь которых превышала установленный максимум, с последующей перепродажей мелким собственникам. В целях недопущения ослаблений позиций польских землевладельцев, которые рассматривались как опора польской власти в регионе, площадь не подлежавших парцелляции помещичьих владений в восточных воеводствах была увеличена до 300 га (ср.: в этнически польских воеводствах она составляла 160 га). Более того, для ряда высокопроизводительных имений неотчуждаемая площадь была увеличена до 700 га, либо они вообще не подлежали парцелляции [9, с. 252]. Также экономическая дискриминация белорусского населения при проведении земельной реформы проявлялась в том, что перераспределяемые земельные участки продавались преимущественно этническим полякам, в основном военным и гражданским колонистам, называвшимся осадниками. Так, в 1920–1928 гг. в Полесском воеводстве в ходе проведения реформы 85,3 % земельных участков отошли полякам, 11,8 % – белорусам и 2,6 % – украинцам [10, s. 99]. В 1939 г. в Виленском воеводстве 75,9 % приобретенной в ходе парцелляции земли досталось полякам, 18,6 % – белорусам, 1,8 % – литовцам, 0,9 % – русским, 0,5 % – евреям. Средний размер участков, отошедших белорусам, составлял примерно 4,0 га, тогда как средний размер участков, отошедших полякам, – 6,8 га [1, с. 146].

В то же время для неаграрных секторов экономики была характерна значительная концентрация еврейского населения. По данным переписи 1931 г., в Новогрудском и Полесском воеводствах доля работающих в промышленности евреев составляла 46,9 %, доля работающих в торговле и страховании евреев – 29,0 %, тогда как среди всех жителей воеводств эти показатели составляли 7,5 и 3,2 % соответственно[3]. Преимущественное трудоустройство еврейского населения в неаграрных секторах экономики отражало его непропорционально большое значение в хозяйственной жизни региона. Евреи, составлявшие 10,1 % населения Полесского воеводства, 7,8 % населения Новогрудского воеводства и 5,2 % населения Виленского воеводства, доминировали в промышленности, торговле и ремесле. Например, в 1921 г. в Средней Литве[4] им принадлежали 70,0 % промышленных и 71,8 % торговых предприятий[5]. Господство евреев в несельскохозяйственных секторах экономики

[2]Drugi powszechny spis ludności z dn. 9.XII.1931 r. Mieszkania i gospodarstwa domowe. Ludność. Stosunki zawodowe. Województwo Poleskie / Gł. urząd statyst. Rzeczypospolitej Polskiej ; red.: E. S. de Sztrem [et al.]. Warszawa : Gł. urząd statyst., 1938. S. 251 (Statystyka Polski. Ser. C ; z. 87) ; Drugi powszechny spis ludności z dn. 9.XII.1931 r. Mieszkania i gospodarstwa domowe. Ludność. Stosunki zawodowe. Województwo Nowogródzkie / Gł. urząd statyst. Rzeczypospolitej Polskiej ; red.: E. S. de Sztrem [et al.]. Warszawa : Gł. urząd statyst., 1938. S. 212 (Statystyka Polski. Ser. C ; z. 71).

[3]Drugi powszechny spis ludności z dn. 9.XII.1931 r. Mieszkania i gospodarstwa domowe. Ludność. Stosunki zawodowe. Województwo Poleskie… S. 254, 268 ; Drugi powszechny spis ludności z dn. 9.XII.1931 r. Mieszkania i gospodarstwa domowe. Ludność. Stosunki zawodowe. Województwo Nowogródzkie… S. 215, 227.

[4]Марионеточное польское государство, которое было создано на территории, захваченной в конце 1920 г. войсками генерала Л. Желиговского. В марте 1922 г. оно вошло в состав Польши. Позже на территории данного государства было образовано Виленское воеводство.

[5]*Studnicki W.* Ziemia Wileńska, jej stan gospodarczy i pożądany statut. Wilno : Ludwik Chomiński, 1922. S. 25, 26.

западнобелорусского региона сохранялось на протяжении всего межвоенного периода. В конце 1930-х гг. в Виленском воеводстве в их собственности находились 53 % промышленных, 62 % торговых и 47 % ремесленных организаций. В то же время в ремесленном производстве данного воеводства христиане начали количественно преобладать только начиная с 1937 г.[6] В конце 1930-х гг. в Полесском воеводстве евреям принадлежали 60 % промышленных, 71 % торговых и 76 % ремесленных организаций, тогда как доля польских предприятий составляла 24; 16 и 10 % соответственно, доля белорусских предприятий – 16; 13 и 14 % соответственно[7]. В Белостокском воеводстве евреи являлись собственниками 80 % промышленных и 75 % торговых организаций, их представительство в различных видах ремесла составляло от 40 до 80 %[8]. Кроме того, евреи доминировали в финансовых организациях региона, в их руках фактически целиком находились развозная торговля в деревнях, закупка сельскохозяйственной продукции у крестьян и ее перепродажа в городах, убой скота и торговля мясом[9]. Максимальная концентрация евреев в неаграрных секторах экономики в границах межвоенной Польши наблюдалась именно в Западной Беларуси. В частности, в восточных воеводствах их представительство в ремесленном производстве составляло 72,8 %, тогда как средний показатель по стране был равен 39,7 %[10].

Евреи преимущественно жили в городах, являясь наиболее многочисленной национальной группой среди горожан. Во многих западнобелорусских городах они составляли абсолютное большинство жителей. Так, в конце 1930-х гг. из 12 городов Полесского воеводства христиане превалировали только в Бресте, Давид-Городке и Лунинце, в остальных городах численно преобладали евреи[11]. В 1931 г. в восточных воеводствах удельный вес евреев среди городских жителей был наибольшим по стране: если в Польше в целом евреи составляли 27,0 % горожан, то в Полесском воеводстве их доля в структуре городского населения достигала 49,2 %, в Новогрудском воеводстве – 42,6 % [5, s. 153].

Доминирование евреев в несельскохозяйственных секторах экономики вызывало недовольство правящих кругов Польши. В возрожденном польском государстве широкое распространение получили взгляды, в соответствии с которыми представители польского населения имели право на определенные экономические привилегии. В частности, на протяжении 1920-х гг. в Западной Беларуси должности в государственной администрации и на государственных предприятиях преимущественно занимали поляки, которые во многих случаях прибывали из этнически польских воеводств. Также польские колонисты получали большинство земельных участков, перераспределявшихся в ходе проведения земельной реформы. Данные процессы лежали в основе польской колонизации западнобелорусского региона. По оценке Е. Томашевского, в период с 1920 по 1931 г. в Полесское воеводство прибыло не менее 40 тыс. поляков, в первую очередь служащих местных органов государственного управления, квалифицированных работников железной дороги и почты, гражданских и военных осадников [10, s. 34–36].

В условиях экономического кризиса первой половины 1930-х гг., вызвавшего глубокое падение уровня жизни населения, как на этнических польских землях, так и в Западной Беларуси среди населения польской национальности наблюдался заметный рост антисемитских настроений. На этом фоне увеличилось количество насильственных антиеврейских акций. В частности, радикально настроенные польские националисты с середины до конца 1930-х гг. регулярно осуществляли нападения на еврейские магазины и ремесленные мастерские: они били витрины и воровали товар, пикетировали еврейские предприятия, запугивая и не пуская в них клиентов [3, s. 452, 454; 4, s. 267]. Популярным способом пикетирования было наклеивание на одежду покупателей в еврейских магазинах наклеек с надписью: «Эта свинья покупает у евреев». Возросло количество уличных нападений на евреев. В июне 1935 г. в Гродно и в мае 1937 г. в Бресте произошли еврейские погромы.

Инициатива проведения антисемитской агитации и организации насильственных антиеврейских акций обычно исходила от национальных демократов (далее – эндеки)[12] – наиболее влиятельной правой партии Польши, являвшейся основным внутриполитическим конкурентом режима санации[13]. Эндеки выдвигали открыто националистическую программу, в частности они выступали за введение квот на занятие должностей в органах местного самоуправления представителями

[6]ГАБО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 1092. Л. 6.

[7]Polski stan posiadania na Polesiu / oprac. S. Bieniawski. Brześć nad Bugiem : [s. n.], 1939. S. 56.

[8]ГАБО. Ф. 1. Оп. 10. Д. 1574. Л. 5.

[9]Polesie i jego bogactwa. Brześć nad Bugiem : Rada wojewódzka okręgowych t-w rol. Woj. Poleskiego, 1926. S. 6.

[10]*Bornstein I.* Rzemiosło żydowskie w Polsce. Warszawa : Inst. Badań Spraw Narodowościowych, 1936. S. 49 (Komitet dla zbadania potrzeb gospodarczych ludności żydowskiej w Polsce ; No. 2).

[11]Polski stan posiadania na Polesiu… S. 12.

[12]Национальная демократия (*Narodowa Demokracja*, или *endecja* – эндеция) в межвоенные годы носила названия «Народно-национальный союз» (1919–1928) и «Национальная партия» (1928–1947).

[13]Авторитарный режим в Польше, установленный в результате государственного переворота, который совершил Ю. Пилсудский в мае 1926 г. Этот режим сохранялся до начала Второй мировой войны.

национальных меньшинств, законодательное ограничение их прав на участие в различных секторах экономики и т. д. Под влиянием эндеков находились многие польские общественные и хозяйственные организации.

Государственная власть воспринимала нападения на евреев и открытую антисемитскую агитацию как нарушение общественного порядка и одновременно опасалась отдать инициативу в сфере национальной политики в руки своих основных политических конкурентов. В связи с этим власти публично осуждали и достаточно последовательно пресекали открытое насилие над евреями, виновные в нападениях обычно привлекались к ответственности. Также предпринимались действия по недопущению пикетирования еврейских магазинов, публичной демонстрации антиеврейских лозунгов, распространения нелегальной антисемитской литературы. Например, в сентябре 1937 г. исполняющий обязанности полесского воеводы К. Ролевич направил поветовым старостам Полесского воеводства письмо, в котором потребовал предпринять активные действия с целью «парализовать антиеврейскую акцию политического характера», привлечь к «немедленной ответственности» инициаторов и участников межнациональных конфликтов[14] (здесь и далее цитаты приводятся с сохранением языковых особенностей оригинала). Уже в ноябре 1937 г. брестский поветовый староста отчитывался о том, что в результате карательных действий значительно снизилось количество случаев битья окон и пикетирования еврейских магазинов[15]. В еврейской прессе с благодарностью отмечалась оперативная реакция местных властей, которые решительно пресекли нападения на евреев в д. Гольшаны (Ошмянский повет) [7, s. 559]. Одновременно с этим на государственном уровне предпринимались все более активные шаги, направленные на усиление польского влияния в экономике и, соответственно, снижение непропорционально высокого еврейского представительства в торговле и производстве. Власти стремились перехватить инициативу реализации популярных лозунгов экономической борьбы против евреев у эндеков, консолидируя вокруг себя польское общество, а также придать этой активности упорядоченный вид, не допуская нарушений общественного порядка. Также еврейское доминирование в несельскохозяйственных секторах экономики на западнобелорусских землях воспринималось как существенное препятствие на пути к полонизации региона. Будучи основными посредниками в хозяйственном обороте между городом и деревней, евреи имели значительное влияние на белорусское сельское население. В период вхождения белорусских земель в состав Российской империи евреи активно усваивали русскую культуру и во многих случаях сохраняли пророссийские настроения, в связи с чем их экономическое доминирование вызывало у польских властей беспокойство. В тайном докладе о состоянии межнациональных отношений в Полесском воеводстве, подготовленном Полесским воеводским управлением в 1939 г., указывалось, что «…[евреи] захватили практически всю хозяйственную жизнь местного сельского населения, и этим [они] оказывают на него влияние в других сферах. Используя в отношениях с полешуками искаженный русский язык, евреи способствуют русификации полешуков и затрудняют полонизацию деревни»[16] (здесь и далее перевод наш. – *А. Д.*). В рамках подобных рассуждений обеспечение для поляков преобладающих позиций в производстве и торговле воспринималось как одно из обязательных условий полонизации Западной Беларуси. Данные установки, включавшие призыв к экономической дискриминации евреев и одновременно стремление не допустить проявлений уличного насилия, были поддержаны на высшем уровне. Широкую известность получило высказывание премьер-министра Ф. С. Складковского, который в июне 1936 г. во время выступления на сейме заявил: «Экономическая борьба (с евреями. – *А. Д.*) – пожалуйста». В то же время он осудил насильственные антисемитские акции [5, s. 163–164].

Масштабы экономической дискриминации непольского населения постоянно возрастали. С середины 1930-х гг. стремление обеспечить интересы поляков фактически переросло в открытую экономическую борьбу против евреев. Это стремление проявилось в активном использовании множества средств поддержки местного польского бизнеса, поощрении переезда польских предпринимателей из других регионов страны в восточные воеводства и ограничении участия евреев в экономической деятельности с помощью административных и законодательных запретов. В частности, при поддержке местных властей организовывались специальные оптовые магазины, поставлявшие товары польским розничным магазинам по сниженной цене. Первый подобный оптовый магазин в Новогрудском воеводстве был создан в 1938 г. в Несвиже. Вскоре на территории Несвижского повета открылось еще несколько его филиалов[17]. Оказывалась поддержка в создании и организации деятельности объединений польских предпринимателей. Так, в 1936 г. в Барановичах был создан Новогрудский воеводский совет ремесленников-христиан[18]. В феврале 1938 г. был образован

[14]ГАБО. Ф. 1. Оп. 10. Д. 1302. Л. 3.
[15]Там же. Д. 1281. Л. 4.
[16]Polski stan posiadania na Polesiu… S. 12.
[17]Życie Nowogródzkie. 1938. № 7. S. 4.
[18]Ibid. S. 5.

Союз польских торговцев Новогрудского воеводства. Его центральный офис размещался в Барановичах, местные отделения были организованы в разных городах воеводства. Цель союза заключалась в оказании консультативной и организационной поддержки коммерсантам польской национальности. В том же месяце новогрудский воевода А. Корвин-Соколовский провел встречу с представителями союза, пообещав полную поддержку его деятельности со стороны государственной администрации[19]. Еще одним направлением государственной политики по поддержке польского бизнеса была организация профессионального обучения для польских ремесленников и торговцев. Важнейшим шагом в данной сфере стало открытие в 1935–1936 гг. в Пинске торговых школы и гимназии, а также общежития при них[20]. Государственная финансовая поддержка предпринимателей поступала преимущественно полякам. В феврале 1938 г. председатель Брестской ремесленной палаты[21] Я. Петрашек сообщал, что из субсидий палаты на поддержку ремесленников в Полесском воеводстве в размере 7200 злотых христианам было выделено 6500 злотых. Евреям досталось 700 злотых, т. е. менее 10 %, при этом представители данной этнорелигиозной группы составляли 80 % от общего количества ремесленников[22].

К «борьбе за станок» присоединились различные негосударственные институты и организации. Поддержка принадлежавших полякам торговых и производственных предприятий в восточных воеводствах межвоенной Польши была одним из основных направлений деятельности Товарищества развития восточных земель[23]. В конце 1930-х гг. для облегчения польским предпринимателям доступа к финансированию данное товарищество инициировало создание на западнобелорусских землях сети христианских касс беспроцентного кредита, аналогичной развитой сети институтов беспроцентного кредита, которая имелась у евреев[24]. Товарищество развития восточных земель подготовило издание специальных информационных брошюр, содержащих сведения о специализированных магазинах и ремесленных мастерских, которые будут востребованы в конкретных городах восточных воеводств. Эти брошюры были призваны облегчить предпринимателям-полякам из центральных и западных воеводств принятие решения о переезде. В конце 1930-х гг. органы поветового, городского и сельского самоуправления стали включать в расходные части своих бюджетов сравнительно большие суммы на поддержку промышленности и торговли. В эти расходы включались субсидии для христианских касс беспроцентного кредита и затраты на получение образования в сфере торговли и ремесла молодыми людьми из бедных польских семей[25]. В августе 1939 г. председатель Банка народного хозяйства, крупнейшего банка в Польше, информировал полесского воеводу о том, что из прибыли банка за 1938 г. был образован специальный резерв, который был предназначен для погашения части процентов по кредитам, выделенным на культурные и хозяйственные нужды польского населения приграничных территорий. Данный резерв включал фонд для Полесского воеводства в размере 25 тыс. злотых[26].

Наряду с поддержкой польского бизнеса власти затрудняли доступ евреев к работе в различных отраслях экономики при помощи законодательных и административных запретов. В апреле 1936 г. был принят закон, строго ограничивший соответствующий требованиям иудаизма ритуальный убой скота. Данный шаг был направлен на преодоление сложившейся во многих регионах монополии евреев на оборот крупного рогатого скота, его убой, переработку мяса и торговлю мясными продуктами [5, s. 163–164; 6, s. 213]. В межвоенной Польше для осуществления деятельности в целом ряде секторов экономики требовалось получение от органов государственной администрации специальных разрешений, называвшихся концессиями. В конце 1930-х гг. стандартными практиками стали преимущественное предоставление концессий полякам и отказ в их выдаче представителям национальных меньшинств. Так, в 1938 г. в Польше значительная часть ранее выданных евреям концессий на торговлю табачными изделиями были аннулированы, новые концессии предоставлялись в основном полякам. В конце 1930-х гг. по всей стране представители национальных меньшинств не допускались к торговле солью, алкоголем, подвергались дискриминации при выдаче концессий на пассажирские, грузовые перевозки и т. д. [4, s. 267]. В 1939 г. в отчете Виленского воеводского управления были отмечены

[19]Życie Nowogródzkie. 1938. № 6. S. 5.

[20]Sprawozdanie Towarzystwa Rozwoju Ziem Wschodnich z działalności w drugim okresie sprawozdawczym 11.X.36–22.V.38. Warszawa : [s. n.], 1938. S. 54–55.

[21]Ремесленные палаты – органы хозяйственного самоуправления, которые представляли интересы ремесленников перед органами государственной власти, собирали отраслевую статистику, содействовали развитию профессионального образования и т. д.

[22]ГАБО. Ф. 1. Оп. 10. Д. 1425. Л. 4.

[23]Созданная в Варшаве в 1933 г. общественная организация, главой которой был бывший премьер-министр Польши А. Пристор. Ее целью являлось содействие хозяйственному и культурному развитию восточных воеводств для их унификации с этнически польскими землями.

[24]Sprawozdanie Towarzystwa Rozwoju Ziem Wschodnich… S. 51–54.

[25]Życie Nowogródzkie. 1938. № 7. S. 4–5.

[26]ГАБО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1136. Л. 1.

специальные привилегии, предоставляемые местной администрацией полякам в сфере коммуникации и строительства. В частности, начиная с 1937 г. концессии на автобусные перевозки евреям не предоставлялись, что позволило увеличить общую долю концессий, полученных поляками, до 67 %, в том числе долю концессий на пассажирские перевозки (до 75 %). По состоянию на начало 1939 г. в Виленском воеводстве полякам принадлежали все судоходные предприятия, а также оптовые магазины по продаже соли, алкогольной и табачной продукции[27].

Следующим направлением политики по усилению польских позиций в экономике была городская колонизация восточных воеводств, которая в 1930-х гг. активизировалась и приобрела новые формы. Власти инициировали переезд в западнобелорусские города польских ремесленников и торговцев, оказывая им организационную и финансовую поддержку. Содействие переезду мелких предпринимателей рассматривалось как способ снижения социальной напряженности в этнически польских воеводствах в условиях масштабной безработицы и одновременно как средство полонизации восточных воеводств. К весне 1939 г. из западных воеводств в восточные переселились примерно 2 тыс. ремесленников и торговцев [3, s. 458]. Большинство колонистов прибывали из западных регионов Польши, в первую очередь из Поморского и Познанского воеводств.

Городская колонизация также была связана с активизацией во второй половине 1930-х гг. общественных работ, финансировавшихся государственными фондами[28]. На общественные работы в Западной Беларуси часто трудоустраивали безработных из этнически польских регионов государства, обычно из Силезского воеводства [10, s. 55]. Так, весной 1938 г. в Брест для участия в общественных работах прибыли 130 безработных из силезского города Заверце, что вызвало недовольство среди местных безработных, в том числе безработных поляков, которых, по сведениям брестского старосты, в Бресте и ближайшей округе насчитывалось 1,8 тыс. человек. Возмущение вылилось в демонстрации и многократные обращения делегаций безработных к властям с требованием трудоустраивать на общественные работы местных жителей[29].

В то же время описанные меры поддержки польского бизнеса имели слабый эффект, доминирование евреев в экономике региона сохранялось. Это обстоятельство было обусловлено рядом факторов. Польские торговцы и ремесленники, прибывавшие в Западную Беларусь, сталкивались с целым рядом трудностей, наиболее серьезной из которых была конкуренция со стороны многочисленных хорошо организованных еврейских предпринимателей. Политика польских властей, направленная на увеличение польского представительства в экономике региона, натолкнулась на энергичное противодействие еврейского населения. Дискриминационные меры вызвали среди евреев панические настроения, которые усилили сплоченность и взаимную поддержку общности. В еврейской среде повсеместно звучали призывы к активным действиям по защите своих экономических интересов. Например, в марте 1938 г. в еврейской газете «Пружанская жизнь» («Pruzaner Leben») была опубликована статья под названием «Еврейский лавочник должен быть организован». В ней утверждалось, что от антисемитской акции в первую очередь страдают мелкие торговцы-евреи, против которых преимущественно направлены бойкот и пикеты. Далее следовало обращение к еврейским торговцам с призывом «защищать свое место работы зубами и когтями»[30]. В мае 1938 г. в д. Телеханы (Коссовский повет) местный раввин Глик во время молитвы в синагоге призвал евреев не сдавать помещения в аренду христианам, поскольку «если торговля перейдет из еврейских рук в польские, то с евреями в Польше будет то же, что в Германии»[31].

В распоряжении евреев имелся целый ряд методов экономической борьбы. Принадлежавшие еврейским предпринимателям организации оптовой торговли поставляли товары розничным торговцам-евреям со скидкой, помогая им в конкуренции с польскими торговцами. Одновременно еврейские оптовики и производители продукции старались затруднить ведение бизнеса польскими продавцами, поставляя им сезонные товары с опозданием или полностью отказывая в поставках. В письме Полесского воеводского управления, адресованном старостам воеводства в мае 1938 г., сообщалось, что в результате требований еврейских предпринимателей Пинска фабрики кружевных изделий перестали поставлять свою продукцию действующему в городе в течение года магазину поляка Марьяна Михалкевича. Поскольку альтернативных поставщиков не было (все предприятия данной отрасли в Польше принадлежали евреям), М. Михалкевичу пришлось закрыть отдел кружевных изделий в своем магазине. Также от сотрудничества с ним отказалась находившаяся в Лодзи фабрика шелковых изделий «Эдвард Бабяцки и Ко»[32]. В связи с этим Полесское воеводское управление потребовало от данной фабрики разъяснений. Ее представители сообщили, что перестали

[27]ГАБО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 1092. Л. 6, 7, 67.

[28]В организации общественных работ основную роль играл Фонд труда, задачами которого являлось финансирование дорожных работ и возведения канализации, водопроводов, скотобоен, электростанций и других строений в целях трудоустройства безработных.

[29]ГАБО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1887. Л. 8.

[30]Там же. Ф. 1. Оп. 10. Д. 1595. Л. 6.

[31]Там же. Д. 1344. Л. 13.

[32]Там же. Л. 37, 41.

поставлять товары предприятию М. Михалкевича по причине шантажа со стороны пинских евреев-купцов, которые коллективно пригрозили разрывом деловых отношений[33]. Также еврейские торговцы организованно отказывались покупать какую-либо продукцию у предпринимателей-поляков. Так, открывшееся в апреле 1938 г. в Бресте представительство польской шоколадной фабрики «Кришталик», размещавшейся в Кротошине (Познанское воеводство), за три месяца работы не получило ни одного заказа от местных розничных торговцев-евреев[34].

Значительным преимуществом еврейских предпринимателей являлись более широкие возможности получения финансирования. Например, в конце 1930-х гг. в Бресте действовала еврейская касса беспроцентного кредита «Гемилус хесед», а также три еврейских банка, которые обслуживали исключительно еврейский бизнес. В то же время единственным источником кредита для христиан оставалась местная коммунальная сберегательная касса, финансовые возможности которой были ограничены ввиду того, что сфера ее деятельности охватывала наряду с Брестом весь Брестский повет[35]. Также общепольские еврейские деловые организации, такие как Союз еврейских купцов и Еврейский хозяйственный комитет, размещавшиеся в Варшаве, собирали добровольные взносы с богатых еврейских бизнесменов. Эти взносы распределялись среди мелких еврейских торговцев и ремесленников в виде дотаций и кредитов[36]. Финансовое преимущество позволяло еврейским предпринимателям прибегать к демпингу, отпуская товары по заниженной цене, а также активно предлагать клиентам покупку товаров в кредит. Предприятия, принадлежавшие христианам, обычно не имели возможности предоставлять своим клиентам кредит или рассрочку. Это обстоятельство стало существенным минусом, поскольку на фоне общего низкого уровня доходов многие жители были вынуждены брать товары в долг, откладывая расчет до получения очередной зарплаты[37].

Отказ в предоставлении евреям концессий на осуществление торговли и оказание услуг нередко удавалось обходить с помощью подставных лиц польской национальности, которые получали концессию на свое имя, в то время как финансирование фирмы и управление ее деятельностью находились в руках еврейских бизнесменов. В августе 1938 г. Полесское воеводское управление сообщило в министерство внутренних дел о девяти подтвержденных случаях незаконной передачи поляками евреям концессий на торговлю алкогольными изделиями[38].

Серьезной трудностью для польских предпринимателей при переезде была нехватка в городах восточных воеводств соответствующих помещений для создаваемых мастерских и магазинов. Большая часть недвижимости, особенно в центральной части городов, находилась в собственности евреев. В частности, в конце 1930-х гг. в Полесском воеводстве евреи являлись собственниками 46,2 % городских строений, белорусам принадлежало 36,2 % зданий, полякам – 16,3 % зданий[39]. Еврейские собственники противодействовали прибытию польских колонистов, отказываясь сдавать им помещения в аренду либо устанавливая завышенные ставки арендной платы.

Переселенцы, как выходцы из развитых и богатых регионов, оказывали услуги высокого качества и рассчитывали на большую прибыль, что вело к росту стоимости их продукции. В условиях ценовой конкуренции на фоне местных предпринимателей, которые за счет максимальной экономии предлагали минимальные цены, поляки оказывались в невыгодном положении. В результате польские магазины среди местных жителей считались дорогими. В упоминавшемся докладе Полесского воеводского управления указывалось, что «…ремесло на 75 % работает на деревню. Ее нужды минимальные, они ограничиваются самыми необходимыми и дешевыми товарами, ремесленники приспосабливаются к спросу и производят барахло, которое легче всего сбыть. В этом лидируют евреи и поэтому успешно конкурируют с более солидными польскими мастерскими»[40].

Желающих попробовать себя в бизнесе местных поляков и готовых к переезду в восточные воеводства выходцев из этнически польских территорий было мало, что создавало выгодные условия для евреев. Во многих регионах недоставало польских предпринимателей, которыми можно было заменить еврейских коммерсантов. В январе 1938 г. на съезде старост Полесского воеводства воевода В. Костек-Бернацкий указывал, что автобусное сообщение в воеводстве на 90 % оставалось в руках еврейских бизнесменов, и, поскольку способных заменить их поляков не было, ему приходилось продлевать соответствующие концессии. Также полесский воевода предписал старостам не назначать проведения ярмарок на дни еврейских религиозных праздников, потому что организовать полноценные ярмарки без участия евреев

[33]ГАБО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1344. Л. 42.
[34]Там же. Л. 13.
[35]Там же. Л. 5.
[36] Там же. Ф. 67. Оп. 1. Д. 2253. Л. 155 ; Там же. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1344. Л. 29 ; Там же. Д. 1436. Л. 6.
[37]Там же. Ф. 1. Оп. 10. Д. 1344. Л. 5, 15.
[38]Там же. Л. 5.
[39]Polski stan posiadania na Polesiu… S. 57.
[40]Ibid.

было невозможно, а перебои в торговле нанесли бы вред местным крестьянам. В то же время прозвучало указание ликвидировать еврейские предприятия в тех случаях, когда это не приведет к негативным последствиям для христианского населения[41].

Контрдействия, предпринятые еврейскими предпринимателями в целях сохранения своих позиций в экономике, оказались эффективными. В августе 1938 г. исполняющий обязанности полесского воеводы К. Ролевич сообщил в министерство внутренних дел, что из числа открытых в Полесском воеводстве в течение года польских предприятий 38 магазинов и ремесленных мастерских не выдержали конкуренции с евреями и закрылись, еще 4 польские организации находятся на грани банкротства[42]. Меры по организационной, административной и финансовой поддержке, оказывавшейся польским предпринимателям государственной властью, оказались недостаточными для того, чтобы преодолеть целенаправленное противодействие еврейских бизнесменов. В экономической борьбе преимущество имели евреи.

В конце 1930-х гг. Польша оказалась в уязвимой внешнеполитической ситуации. Ее соседи, Германия и Советский Союз, постепенно нарастили военную мощь и во второй половине 1930-х гг. стали доминирующими силами в Центральной и Восточной Европе. В то же время агрессивная внешняя политика Германии в конце 1930-х гг. привела к резкому ухудшению ее отношений с Польшей, а советско-польские отношения оставались напряженными на протяжении всего межвоенного периода [11, p. 19, 25–26]. На этом фоне польские власти интенсифицировали усилия, направленные на полонизацию западнобелорусского региона, в том числе на вытеснение еврейского бизнеса и его замену польскими предприятиями. Укрепление позиций поляков в восточных воеводствах стало рассматриваться как одно из главных условий обеспечения политической безопасности, поскольку только польское население воспринималось как лояльное в отношении государства и готовое встать на его защиту в случае войны. Представители государственной власти на местах, оценивая польское влияние в регионе как недостаточное, начали отстаивать использование открыто шовинистических мер, призванных в срочном порядке исправить ситуацию в экономике в пользу польского населения. В подготовленной в 1939 г. аналитической записке белостокского воеводы указывалось, что «катастрофическое положение с польским влиянием в городах и местечках диктует необходимость принятия быстрых и радикальных мер»[43].

В 1939 г. польские власти планировали переход от мер по поддержке польского населения к прямому ограничению прав национальных меньшинств в хозяйственной сфере. На уровне центральных государственных ведомств, а также руководства восточных воеводств были подготовлены программы действий, предполагавшие принудительное исключение евреев из основных секторов экономики и введение полного запрета на приобретение любого недвижимого имущества представителями национальных меньшинств. Например, в 1939 г. Полесское воеводское управление отстаивало установление запрета для еврейских предпринимателей на участие в торговле деревом, рыбой, скотом и зерном, организацию пассажирских и грузовых перевозок, а также предлагало принудительно выкупить у них мельницы, распустить еврейские хозяйственные организации и др.[44] Остальные восточные воеводы выдвигали сходные идеи. Практическому осуществлению предложений по введению прямых запретов на реализацию евреями деятельности во многих секторах экономики помешало начало Второй мировой войны.

Заключение

Доминирование евреев в несельскохозяйственных секторах экономики вызывало недовольство правящих кругов Польши. На протяжении 1930-х гг. предпринимались меры, направленные на обеспечение экономических интересов поляков за счет ущемления прав и интересов национальных меньшинств. Осуждая открытое насилие над евреями и пресекая антисемитские акции, польские власти одновременно оказывали систематическую помощь полякам в экономической конкуренции с еврейскими предпринимателями. Во второй половине 1930-х гг. фактически открыто был выдвинут курс на вытеснение еврейского бизнеса и его замену польскими предприятиями. Список используемых для этого мер включал в себя финансовую и организационную поддержку деятельности польских предпринимателей и их профессиональных объединений, организацию касс беспроцентного кредита для бизнесменов-поляков, инициирование переселения торговцев и ремесленников из этнически польских воеводств в Западную Беларусь.

Однако меры по поддержке польского населения были малоэффективными и лишь в незначительной степени позволили снизить непропорционально высокое представительство евреев в неаграрных секторах экономики. Этот результат объяснялся неудачей

[41]ГАБО. Ф. 1. Оп. 10. Д. 1436. Л. 307, 322.
[42]Там же. Д. 1344. Л. 5, 13.
[43]Там же. Д. 1574. Л. 14.
[44]Там же. Л. 155 ; Polski stan posiadania na Polesiu… S. 86, 88.

в конкуренции с евреями, которые организовали активное противодействие направленным против них дискриминационным мерам. В конце 1930-х гг. польские власти обратились к открыто шовинистическим мерам, предполагавшим установление прямых запретов на участие еврейских предпринимателей во многих видах экономической деятельности, что обозначило переход правящих кругов Польши на крайне националистические позиции, в полной мере соответствовавшие программным установкам эндеков.

Библиографические ссылки

1. Вабішчэвіч АМ. *Нацыянальна-культурнае жыццё Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.)*. Брэст: Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт; 2008. 319 с.

2. Басін Я. Практыка абмежавання рытуальнага забою жывёлы ў міжваеннай Польшчы. У: Бяляўская А, Максімоўская А, Сідаровіч А, рэдактары. *Станоўчыя практыкі захавання і папулярызацыі габрэйскай спадчыны: дапаможнік на аснове польскага і беларускага досведу. Зборнік артыкулаў навукова-практычнай канферэнцыі; 20–21 жніўня 2011 г.; Брэст, Беларусь.* Варшава: Музей гісторыі польскіх габрэяў; 2012. с. 58–62.

3. Landau Z, Tomaszewski J. *Gospodarka Polski międzywojennej, 1918–1939. Tom 4, Lata interwencjonizmu państwowego, 1936–1939*. Warszawa: Książka i wiedza; 1989. 549 s.

4. Landau Z, Tomaszewski J. *Zarys historii gospodarczej Polski, 1918–1939*. Warszawa: Książka i wiedza; 1971. 321 s.

5. Tomaszewski J. *Rzeczpospolita wielu narodów.* Warszawa: Czytelnik; 1985. 285 s.

6. Tomaszewski J. *Żydzi w II Rzeczypospolitej.* Warszawa: Neriton; 2016. 444 s. (Klasycy historiografii Warszawskiej).

7. Januszewska-Jurkiewicz J. *Stosunki narodowościowe na Wileńszczyźnie w latach 1920–1939*. 2-e wydanie. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego; 2011. 710 s.

8. Sielicki F. *Życie gospodarcze i społeczne, szkolnictwo oraz kultura wiejska na Wilejszczyźnie w okresie międzywojennym*. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego; 1991. 178 s. (Acta Universitatis Wratislaviensis; numer 1244).

9. Коваленя АА, Данилович ВВ, Боровская ОН, Вабищевич АН, Валаханович ИА, Великий АФ и др. *Рижский мир в судьбе белорусского народа, 1921–1953 гг. Книга 1*. Минск: Беларуская навука; 2014. 593 с.

10. Tomaszewski J. *Z dziejów Polesia, 1921–1939. Zarys stosunków społeczno-ekonomicznych*. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe; 1963. 208 s.

11. Kmeťová M, Syrný M. Polish foreign policy on the eve of the 4th division: between nazi Germany and the Soviet Union (1938–1939). *Journal of the Belarusian State University. History.* 2023;1:19–27. EDN: BZWUPM.

Получена 18.08.2025 / исправлена 02.07.2026 / принята 02.07.2026.
Received 18.08.2025 / revised 02.07.2026 / accepted 02.07.2026.

Всемирная история

Усеагульная гісторыя

World history

УДК 902.904

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ СОГДА И БАКТРИИ (КУШАНШАХРА, ТОХАРИСТАНА) В АНТИЧНОСТИ И РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Т. Ж. АННАЕВ[1)]***, Ж. Т. АННАЕВ***[2)]***, К. Д. АРЗИЕВ***[3)]***, М. Б. НОРМУМИНОВ***[4)]***, Ф. Н. ЭШКУРБОНОВ***[5)]

[1)]*Термезский государственный университет, ул. Баркамол авлод, 43, 190111, г. Термез, Узбекистан*
[2)]*Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека, ул. Университетская, 4, 100174, г. Ташкент, Узбекистан*
[3)]*Самаркандский институт археологии им. Яхья Гулямова, ул. Академика В. Абдуллаева, 3, 140151, г. Самарканд, Узбекистан*
[4)]*Термезский археологический музей, ул. ат-Термизий, 29а, 190100, г. Термез, Узбекистан*
[5)]*Независимый исследователь, г. Ташкент, Узбекистан*

Аннотация. На основе археологических, письменных и нумизматических данных рассматриваются историко-культурные связи между двумя древними областями – Согдом и Бактрией в эпоху Античности (IV в. до н. э. – IV в. н. э.) и раннего Средневековья (V–VII вв.). Согласно археологическим данным взаимодействие Южного Согда (современная территория Кашкадарьинской области Узбекистана) и Северо-Западной Бактрии (современная территория Сурхандарьинской области Узбекистана) становится более оживленным с середины 1-го тысячелетия до н. э. В это время формируются дороги между Северо-Западной Бактрией и Южным Согдом, которые вели через горный проход, расположенный в Байсунских горах, известный позднее в письменных источниках под названием «Железные ворота». Данные картографии археологических памятников середины 1-го тысячелетия до н. э. свидетельствуют о том, что именно по этим дорогам проходило завоевание среднеазиатского Междуречья греко-македонянами во главе с Александром Македонским. О связи между Согдом и Бактрией с I до VII–VIII вв. свидетельствуют керамические изделия (особенно изготовленные в подражание металлическим изделиям), монументальное искусство (настенная живопись с изображением чаганианских послов во дворце самаркандского правителя Вархумана), малые формы искусства (терракотовые фигуры будд), монеты кушанских и согдийских владений.

Образец цитирования:
Аннаев ТЖ, Аннаев ЖТ, Арзиев КД, Нормуминов МБ, Эшкурбонов ФН. Историко-культурные связи Согда и Бактрии (Кушаншахра, Тохаристана) в Античности и раннем Средневековье. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2026;3:30–39.
EDN: SVSJAJ

For citation:
Annaev TJ, Annaev JT, Arziev KD, Normuminov MB, Eshkurbonov FN. Historical and cultural relations of Sogd and Bactria (Kushanshahr, Tokharistan) in Antiquity and the Early Middle Ages. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2026;3:30–39. Russian.
EDN: SVSJAJ

Сведения об авторах см. на с. 39.

Information about the authors see p. 39.

Ключевые слова: Согд; Бактрия (Кушаншахр, Тохаристан); Чаганиан; проход «Железные ворота»; Старый Термез; Афрасиаб; дворец Вархумана.

Благодарность. Авторы настоящего исследования выражают благодарность руководителю группы узбекистанско-чешской археологической экспедиции К. Тошалиеву за предоставленное разрешение на упоминание нумизматических находок в научной публикации.

ГІСТОРЫКА-КУЛЬТУРНЫЯ СУВЯЗІ СОГДА І БАКТРЫІ (КУШАНШАХРА, ТАХАРЫСТАНА) У АНТЫЧНАСЦІ І РАННІМ СЯРЭДНЕВЯКОЎІ

Т. Ж. АНАЕЎ [1*], ***Ж. Т. АНАЕЎ*** [2*], ***К. Д. АРЗІЕЎ*** [3*], ***М. Б. НОРМУМІНАЎ*** [4*], ***Ф. Н. ЭШКУРБОНАЎ*** [5*]

[1*] *Тэрмезскі дзяржаўны ўніверсітэт, вул. Баркамол авлод, 43, 190111, г. Тэрмез, Узбекістан*
[2*] *Нацыянальны ўніверсітэт Узбекістана імя Мірзо Улугбека, вул. Універсітэцкая, 4, 100174, г. Ташкент, Узбекістан*
[3*] *Самаркандскі інстытут археалогіі імя Ях'я Гулямава, вул. Акадэміка В. Абдулаева, 3, 140151, г. Самарканд, Узбекістан*
[4*] *Тэрмезскі археалагічны музей, вул. ат-Тэрмізій, 29а, 190100, г. Тэрмез, Узбекістан*
[5*] *Незалежны даследчык, г. Ташкент, Узбекістан*

Анатацыя. На падставе археалагічных, пісьмовых і нумізматычных даных разглядаюцца гісторыка-культурныя сувязі паміж дзвюма старажытнымі абласцямі – Согдам і Бактрыяй у эпохі Антычнасці (IV ст. да н. э. – IV ст. н. э.) і ранняга Сярэдневякоўя (V–VII стст.). Згодна з археалагічнымі данымі ўзаемадзеянне Паўднёвага Согда (сучасная тэрыторыя Кашкадар'інскай вобласці Узбекістана) і Паўночна-Заходняй Бактрыі (сучасная тэрыторыя Сурхандар'інскай вобласці Узбекістана) становіцца больш ажыўленым з сярэдзіны 1-га тысячагоддзя да н. э. У гэты час фарміруюцца дарогі паміж Паўночна-Заходняй Бактрыяй і Паўднёвым Согдам, якія вялі праз горны праход у Байсунскіх гарах, вядомы ў пазнейшых пісьмовых крыніцах пад назвай «Жалезныя вароты». Даныя картаграфіі археалагічных помнікаў сярэдзіны 1-га тысячагоддзя да н. э. сведчаць аб тым, што менавіта па гэтых дарогах праходзіла заваёва сярэднеазіяцкага Міжрэчча грэка-македонянамі на чале з Аляксандрам Македонскім. Аб сувязі паміж Согдам і Бактрыяй з I да VII–VIII стст. сведчаць керамічныя вырабы (асабліва тыя, што створаны як імітацыя металічных вырабаў), манументальнае мастацтва (насценны жывапіс з выявай чаганіянскіх паслоў у палацы самаркандскага правіцеля Вархумана), малыя формы мастацтва (тэракотавыя фігуркі буд), манеты кушанскіх і сагдыйскіх уладанняў.

Ключавыя словы: Согд; Бактрыя (Кушаншахр, Тахарыстан); Чаганіян; праход «Жалезныя вароты»; Стары Тэрмез; Афрасіяб; палац Вархумана.

Падзяка. Аўтары даследавання выражаюць падзяку кіраўніку групы ўзбекістанска-чэшскай археалагічнай экспедыцыі К. Ташаліеву за дазвол на згадку нумізматычных знаходак у навуковай публікацыі.

HISTORICAL AND CULTURAL RELATIONS OF SOGD AND BACTRIA (KUSHANSHAHR, TOKHARISTAN) IN ANTIQUITY AND THE EARLY MIDDLE AGES

T. J. ANNAEV [a], ***J. T. ANNAEV*** [b], ***K. D. ARZIEV*** [c], ***M. B. NORMUMINOV*** [d], ***F. N. ESHKURBONOV*** [e]

[a] *Termez State University, 43 Barkamol Avlod Street, Termez 190111, Uzbekistan*
[b] *National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek, 4 Universitetskaya Street, Tashkent 100174, Uzbekistan*
[c] *Samarkand Institute of Archaeology named after Yahya Gulyamov, 3 Academika V. Abdullaeva Street, Samarkand 140151, Uzbekistan*
[d] *Termez Archaeological Museum, 29a At-Termizii Street, Termez 190100, Uzbekistan*
[e] *Independent researcher, Tashkent, Uzbekistan*

Corresponding author: J. T. Annaev (jaloliddinannaev@gmail.com)

Abstract. The article discusses the historical and cultural relations between two ancient regions which are Sogd and Bactria in Antiquity (4th century BC – 4th century AD) and the Early Middle Ages (5th–7th centuries), based on archaeological, written, and numismatic data. According to archaeological evidence, the interaction between Southern Sogd (the modern territory of the Kashkadarya Region of Uzbekistan) and Northwestern Bactria became more active from the middle of the 1st millennium BC.

In that time, roads were established connecting Northwestern Bactria (the modern territory of the Surkhandarya Region of Uzbekistan) with Southern Sogd and vice versa, passing through a mountain pass located in the Baysun Mountains, which later became known in written sources as the «Iron gates». According to cartographic data on archaeological sites from the middle of the 1st millennium BC, it was along these roads that the conquest of the Central Asian interfluve by the Greco-Macedonians under the leadership of Alexander the Great took place. From the 1st century and up to the Arab conquest (7th–8th centuries) of Sogd and Bactria, the cultural relations between these regions are reflected in types of pottery production, monumental art (wall paintings depicting Chaganian envoys in the palace of the Samarkand ruler Varkhuman), in examples of minor art forms – especially terracotta figurines of Buddhas, in coins of the Kushan and Sogdian domains, as well as in forms of pottery vessels, particularly those made in imitation of metalware.

Keywords: Sogd; Bactria (Kushanshahr, Tokharistan); Chaganian; pass «Iron gates»; Old Termez; Afrasiab; palace of Varkhuman.

Acknowledgements. The authors of this study express their gratitude to K. Toshaliev, the head of the Uzbek-Czech archaeological expedition group, for granting permission to mention the numismatic finds in the scientific publication.

Введение

Согд и Бактрия (в III в. – 383 г. Кушаншахр, позднее Тохаристан) [1, с. 207–230; 2, с. 7] представляют собой две самостоятельные историко-культурные области, сыгравшие важную роль в экономическом и культурном развитии соседних регионов и этносов. Мы не соглашаемся с мнением некоторых исследователей [3–6] о границе между Согдом и Бактрией и поддерживаем точку зрения Н. Д. Двуреченской, согласно которой границей между областями служили горные хребты Гиссар, Байсунтау и Кугитангтау, составляющие Южно-Гиссарскую горную систему [7]. Строительное дело, отдельные виды искусства и предметы материальной культуры, сфера денежного обращения, религия и религиозные представления, а также памятники письменности правобережья среднего течения Амударьи в большей степени соотносятся с древней культурной традицией левобережья Амударьи, чем с культурой Согда, включая его южные области. Комплекс эпиграфических материалов сурхандарьинского региона дает основание утверждать, что в данной части Бактрии, как и в других ее областях, уже в I в. (раньше, чем в Согде) зафиксировано использование бактрийского языка в письменной форме. Не следует забывать, что язык и письменность каждого этноса, в том числе бактрийского и согдийского, являются плодом его многовекового развития [8, с. 13].

Открытие ряда крепостей эллинистического времени в южных частях предгорья хребта Байсунтау, таких как Поенкурган (Туман-курган) [9, с. 36–37], Курганзол [10] и особенно Узундара [11; 12], позволяет по-новому рассмотреть вопрос о территориальном разграничении историко-культурных областей Согда и Бактрии [7].

Благодаря проведению интенсивных археологических исследований на территории Средней Азии, в том числе в ее древних областях, Согде и Бактрии, накоплен значительный археологический материал, свидетельствующий о связях двух соседних регионов в древности (IV в. до н. э. – IV в. н. э.). Эти связи нашли отражение в художественной культуре, градостроительстве и архитектуре, керамическом производстве, нумизматике и письменности, погребальных обрядах, что в той или иной степени было освещено в археологической литературе. В. М. Массон проанализировал взаимодействие традиций в городской культуре Согда и Бактрии (середина 1-го тысячелетия до н. э. – III в. н. э.), их близость и своеобразие, а также влияние градостроительной культуры кушанской Бактрии на Южный Согд [13, с. 59]. Б. А. Литвинский и В. С. Соловьёв сопоставили раннесредневековые города Согда и Бактрии (Кафыркала и Пенджикент) и выявили их общие и отличительные черты [14, с. 49–96; 15; 16, с. 95]. Т. Ж. Аннаев проанализировал товарно-денежные отношения в городах двух соседних стран [17, с. 75]. Б. Я. Ставиский и Т. К. Мкртычев охарактеризовали предметы буддийского искусства, обнаруженные на древних памятниках Согда, а также выявили их связь с соседней Бактрией [18, с. 103–105, 160–162; 19, с. 104–106, 223–225]. Монументальную настенную живопись Согда и Тохаристана изучали Б. И. Маршак и А. И. Косолапов [20, с. 23–31]. Тохаристано-согдийские отношения на основе нумизматических данных рассматриваются в исследованиях О. И. Смирновой [21, с. 3–92], Д. Довутова[1], Э. В. Ртвеладзе [22, с. 126–127; 23, с. 84] и Е. В. Зеймаль [24, с. 200]. Общность и взаимовлияние раннесредневековой культуры Тохаристана и Согда в массовом ремесленном производстве, в частности керамике, охарактеризовали М. Х. Исамиддинов и Р. Х. Сулейманов [25], В. С. Соловьёв [26, с. 72–73] и Т. Ж. Аннаев [27, с. 73].

Основываясь на исследованиях науса в округе Далварзинтепы, Э. В. Ртвеладзе считал, что зороастрийские наусы появились в Согде непосредственно под влиянием Бактрии [28]. Б. Я. Ставиский со-

[1] *Довутов Д.* Денежное обращение раннесредневекового Пенджикента (V–VIII вв.) : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.09. Л. : Ленингр. отд-ние Ин-та востоковедения АН СССР, 1982. С. 6.

поставлял схематические изображения воинов на астрагалах из Куюмазарского могильника (Бухарский Согд) с аналогичной находкой с городища Калаимир [29, с. 167, 224]. Отдельные предметы, в том числе украшения из египетского фаянса, обнаруженные в погребальных сооружениях, на древних городищах и памятниках других типов построек Согда и Северной Бактрии, рассматриваются Т. А. Шерковой [30, с. 62–91].

Методологическая основа исследования включает сравнительный анализ комплексов материальной и художественной культуры Согда и Бактрии в период от середины 1-го тысячелетия до н. э. до арабского завоевания (VII–VIII вв.). В качестве индикаторов материальной культуры сопоставляются данные градостроительства и архитектуры (планировочные решения, строительные приемы и конструктивные элементы), керамического производства, а также материалы, характеризующие погребальный обряд. В сфере художественной культуры анализируются терракотовая пластика и монументальная настенная живопись. Дополнительно рассматриваются типы поселений двух регионов (городские центры, укрепленные пункты, сельские поселения) и их функционально-планировочные характеристики. Результаты интерпретируются в рамках принципа историзма и подкрепляются данными нумизматики (согдийские анэпиграфные монеты, согдийские монеты с изображением лучника, кушано-сасанидские монеты и т. д.), эпиграфики (согдийская надпись в настенных росписях Афрасиаба) и письменных источников (памятник китайской литературы «Ши цзин»).

Основная часть

Существенное различие в культурном отношении между Согдом и Бактрией было ощутимо в эпоху позднего бронзового века. Однако в раннем железном веке в сфере материальной культуры, особенно в керамическом производстве, наблюдается все больше сходств, что объясняется включением территорий двух соседних областей сначала в состав Ахеменидской империи, а затем в состав эллинистических государств.

В 130-х гг. до н. э. происходит миграция кочевого народа юечжи из Семиречья в Ферганскую долину и Бактрию, а в 129–128 гг. до н. э. создается государство Да юечжи (Большие юечжи) [31, с. 156]. Общим моментом в истории государств Большие юечжи и Согд в конце II в. до н. э. – I в. н. э. является использование в государственном управлении титула «ябгу». Правящие дома Чжаову происходили от народа юечжи [32, с. 24]. По заключению Г. Фолька, юечжи с I в. до н. э. контролировали выход караванов из центра Бактрии за пределы области. Пять ябгу, а также их предки до создания Куджулой Кадфизом централизованного государства занимались торговлей и обеспечением безопасности купцов. Они охраняли центральный и южный маршрут через Памир – от начала Кунарской долины до ее низовий (до Читрала) – и путь от Гиндукуша на юг, а также путь вдоль Зеравшанского хребта на север [33, p. 44].

В степной периферии Бухарского оазиса погребальные сооружения, изученные О. В. Обельченко, в частности первая группа могильников, датируются второй половиной II в. до н. э. – I в. н. э. Важным сближающим элементом в погребальном обряде Бухарского Согда и синхронных комплексах Северной Бактрии является обычай класть монету в рот или в область груди погребенного. В частности, в кургане № 14 Кызылтепинского могильника была обнаружена монета Гелиокла, а в катакомбном кургане № 12 того же могильника была найдена серебряная монета, выполненная в подражание монетам царя Евтидема [34]. Обряд, связанный с помещением монет в рот, руку или на грудь покойного, фиксируется в могильниках Северной Бактрии конца II – I в. до н. э., оставленных этносом юечжи, которые окончательно положили конец существованию государства греков в Бактрии (Греко-Бактрийского царства). М. М. Дьяконов, впервые выявив этот обряд в могильнике Тупхона (Гиссарский оазис), связывал его с греческим влиянием [35, с. 161]. Исторические корни и своеобразие рассматриваемого обряда, получившего в археологической литературе название «Обол Харона», детально изложены в совместной работе Б. А. Литвинского и В. А. Седова [36, с. 150–161].

По мнению Э. В. Ртвеладзе, в Южном Согде с II–I вв. до н. э. до III в. н. э. чеканились монеты Артата с изображениями Геракла и Зевса, в Самаркандском Согде – серебряные монеты Аштама с изображением лучника, в Бухаре и на западе Центрального Согда в ходу были монеты Гиркода. Правители, чеканившие эти монеты, судя по отсутствию клейма (кангюйской тамги), принадлежали к дому Чжаову, т. е. к народу юечжи, и правили в Согде с II–I вв. до н. э. до VIII в. н. э. [37, с. 72].

К югу от хребта Байсунтау (в районе прохода «Железные ворота») найдены две согдийские монеты (из собрания узбекистанско-чешской археологической экспедиции), датируемые IV в. до н. э. – IV в. н. э. Одна из находок – серебряная монета неизвестного правителя. На ее лицевой стороне размещено схематическое изображение Геракла, на оборотной стороне – стоящая фигура Зевса[2]. Вторая монета также выполнена из серебра, она представляет собой экземпляр из серии раннесогдийских монет с изображением лучника[3]. Время выпуска и обращения этих монет до сих пор остается дискуссионным [24, с. 201–202].

[2]Термезский археологический музей. Ф. 2. КП 33567.

[3]Там же. Ф. 3. КП 33568.

О связях между Согдом и Бактрией (Кушаншахром) в эпоху Кушан (I в. – середина III в.) и кушано-сасанидский период свидетельствуют отдельные находки: терракотовые статуэтки с изображением Будды и другие буддийские статуэтки в Согде [18, с. 143–144], кушано-сасанидские монеты в городище Пайкенд.

Наличие на территории Самаркандского Согда раннесредневекового владения Хэ (Кушания) [32, с. 25] является своего рода свидетельством существовавших связей между государством Большие юечжи (позднее Кушанской империей) и Согдом.

В V–VII вв. связи между Бактрией (Тохаристаном) и Согдом становятся все более тесными. Эти связи и взаимовлияние культур нашли отражение в ремесле, архитектуре, письменности, сфере денежного обращения, а также на дипломатическом уровне.

В сфере денежного обращения в раннесредневековый период следует отметить, что самой ранней монетой, связанной с Согдом, является анэпиграфная монета (на одной ее стороне изображено лицо, на другой – знак). Одна из монет данной серии была обнаружена в кешке[4] цитадели Зартепа, построенной во второй половине V – первой половине VI в. [17, с. 45]. Вторая аналогичная монета была обнаружена в Дильберджине вместе с монетой Пероза. По мнению Д. Довутова, она представляет собой раннесогдийскую монету с изображением подгрудного портрета и У-образного знака[5]. О. И. Смирнова предположила, что их чеканили в Самарканде, и датировала монеты V?–VI вв. [21, с. 88–92].

В Северо-Западной Бактрии (Тохаристане) находились в обращении монеты согдийских правителей Тархуна, Гурека и Урка Вартармука, которые были обнаружены в Будраче, Исмаилтепе, Старом Термезе и Зартепе. В Зангтепе была обнаружена монета правителя Панча-Бильгя [22, с. 126]. Монета Урка Вартармука также была найдена на могильнике Биттепа [38, с. 202]. В археологических комплексах Южного Таджикистана, в частности в Аджина-Тепе, Кафыркале и Хишттепе, были выявлены согдийские монеты [23, с. 84]. В ходе раскопок поселения Имамтепа в 1958–1960 гг. также была обнаружена согдийская монета чеканки неизвестного правителя [17, с. 43], в Шурабкургане была найдена монета Шипшира, датируемая 642–655 гг. [16, с. 59]. Еще одна согдийская монета была обнаружена в погребении № 2 археологического памятника Каттатепа (бассейн среднего течения р. Сурхандарьи), позже превращенного в могильник. В области шеи покойного была найдена согдийская монета с квадратным отверстием (рис. 1) чеканки Тархуна (738–750) [39, с. 68].

Рис. 1. Бронзовая монета согдийского правителя Тархуна
Fig. 1. Bronze coin of the Sogdian ruler Tarkhun

По мнению Э. В. Ртвеладзе, эти монеты не играли существенной роли в денежном обращении Северо-Западной Бактрии (Тохаристана) и, вероятно, проникли сюда в результате торговых контактов [22, с. 126].

В Бактрии (Тохаристане), в том числе в ее северо-западной части, в V в. формируется своеобразное зодчество (возведение кешков и буддийских построек). Искусные приемы сводостроения нашли воплощение в строительстве кешка Куевкурган, датируемого второй половиной V – первой половиной VI в. [17, с. 45]. На наш взгляд, начало сводостроения в среднеазиатском Междуречье может быть отнесено к эпохе позднего бронзового века. В качестве рабочей гипотезы один из авторов настоящей статьи допускает, что обводные коридоры крепости Сапаллитепа могли быть перекрыты сводом, сооруженным способом наклонных отрезков. Поскольку соответствующие материалы пока не введены в научный оборот, данное предположение рассматривается как предварительное наблюдение, нуждающееся в дальнейшей аргументации.

В период правления Кушан и кушано-сасанидского наместничества в Бактрии (Кушаншахре) приемы сводостроения развивались и совершенствовались, ярким примером чему служит буддийский монастырь Фаязтепа, построенный в первой половине I в. [40]. В кушано-сасанидский период в Бактрии (Кушаншахре) строителями были освоены приемы возведения купольных зданий. В качестве ранних примеров зданий с купольным перекрытием можно привести постройки Дильберджина [41] и буддийское святилище, расположенное внутри крепости Чингизтепа городища Старого Термеза [42, p. 46].

[4]В историко-археологической литературе аналогичные сооружения обычно называются замками или постройками замкового типа. Как правило, сооружения этой категории являются двухэтажными, имеют центральный парадный зал, часто украшенный настенной живописью, скульптурой или деревянным декором. В письменных источниках, например в труде «История Бухары», постройки подобного типа называются кешками. Эти сооружения служили резиденциями крупной земледельческой аристократии (дехкан). В укрепленной двухэтажной части жили члены семьи дехкана – землевладельца, а вокруг внутри единой ограды располагались жилища его слуг и личной гвардии (чагиров). Мы склонны обозначать данный тип сооружений в отличие от западноевропейских построек термином «кешк».

[5]*Довутов Д.* Денежное обращение раннесредневекового Пенджикента (V–VIII вв.)… С. 6.

В V в. в монастырской части буддийского культового центра Каратепа на поверхности ранее существовавшего сооружения, т. е. первого монастыря, было возведено монументальное двухэтажное здание. Оно имеет почти правильную квадратную форму (протяженность стен с востока на запад равна 42 м, с севера на юг – 44 м, размер внутреннего двора составляет 21 × 21 м). По периметру двора располагаются широкие сводчатые коридоры. Вдоль коридоров находятся ряды купольных помещений с индивидуальными входами [43, p. 269–272].

Таким образом, истоки возведения купольных зданий восходят к практике строительства буддийских ступ и чартагов (чахартаков). Большое количество ступ найдены в буддийском культовом центре Каратепа и в буддийском монастыре Фаязтепа, а чартаг в виде отдельно стоящего купольного здания выявлен в окрестностях Старого Термеза [44].

В научных публикациях отсутствуют свидетельства о выявлении в древний период (конец IV в. до н. э. – III в. н. э.) в городских центрах Согда (Афрасиабе [45–48], Еркургане [25; 49] и поселении Кызылкыр [50, с. 60–78]) зданий со сводчатым перекрытием. Г. А. Пугаченкова и Э. В. Ртвеладзе связывали происхождение согдийских наусов с бактрийскими наземными погребальными сооружениями [51, с. 144], при возведении которых использовались приемы сводостроения. Сооружение науса, расположенного в загородной зоне Дальварзинтепа, относится к последней четверти II в. до н. э. [28].

В 437 г. Согд подчинялся хионитам, а в период между 467–470 и 480 гг. – эфталитам [52, с. 197, 200]. Их восхождение на историческую арену связано с Восточным Тохаристаном [53]. После включения Согда в состав Эфталитского государства его связи с Тохаристаном усиливаются.

Особого внимания заслуживает обнаруженная в Дильберджине монета с неизвестным портретом на лицевой стороне и У-образным знаком на оборотной стороне, бывшая в обращении наряду с серебряной монетой Пероза. Не исключено, что представители династии, правившей в Самарканде, участвовали в ирано-эфталитских войнах, достигших своего апогея в период правления шаханшаха Сасанидского Ирана Пероза (457–484), на стороне эфталитов.

Ряд образцов керамики раннесредневекового Тохаристана имеют непосредственные аналогии среди согдийской керамической продукции (прежде всего лепные курильницы цилиндрической формы с полусферической чашей в верхней части (Фаязтепа, Хосияттепа, Еркурган), лепные миски с отогнутым наружу бортиком, изготовленные вручную в специальных формах (Хосияттепа, Еркурган), чаши и кружки с рельефным бортиком (Хосияттепа, Пенджикент), выполненные в подражание металлическим изделиям [17, табл. 17а, 17б, 18]). Особым знаком (У-образной тамгой) украшен корпус одноручного кувшина из кешка Аултепа (Нахшаб-Каршинский оазис), датированного V–VI вв. [54, рис. 32.1, с. 123].

В искусстве Согда VII в. н. э. достаточно популярными являются изображения слонов. В живописи Варахши и в образцах малой терракотовой пластики Пенджикента божества, представленные сидящими на слоне либо на троне со слонами, Б. И. Маршак предположительно связывал с образом Адбага – согдийского верховного божества, иконографически сближаемого с Индрой в индийской религиозной традиции [55]. В свою очередь, терракотовые фигурки слонов с всадником и чаш представлены в археологических комплексах кушано-сасанидского периода, в частности на городище Зартепа [2, с. 227]. Судя по находкам из городища Талитагора, а также из кешков на цитадели Зартепа и городище Кучуктепа, традиция изготовления терракотовых фигурок слонов в Северной Бактрии (Тохаристане) существовала и в V–VI вв. [56, с. 49].

Образы, связанные с буддизмом и древнеиндийской мифологией, первоначально распространялись с юга, вероятно из города Бактр и прилегающих к нему территорий, на правобережье Амударьи, а затем через определенное время по кратчайшему торговому пути проникали через горный проход «Железные ворота», расположенный в Байсунских горах, на земли Согда. К числу таких мифологических образов относится терракотовая фигурка божества Ганеши, имеющего тело человека и голову слона, которая была выявлена в ходе маршрутного исследования городища Ялангтуштепа. Стратиграфия памятника, способ изготовления терракоты (ручная лепка, яркокрасное ангобное покрытие) позволяют предварительно датировать эту фигурку I в. до н. э. (рис. 2).

Важнейшим свидетельством тохаристано-согдийских связей в доисламский период является прием чаганианских послов согдийским царем Вархуманом (рис. 3).

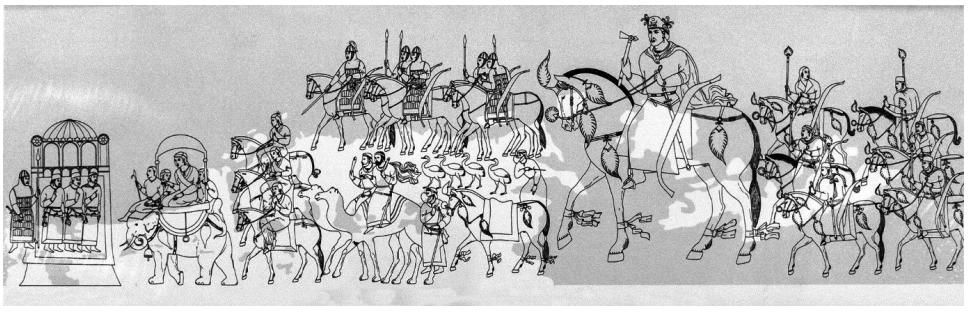

Рис. 2. Терракотовая фигурка Ганеши
Fig. 2. Terracotta figurine of Ganesha

а/a

б/b

в/c

г/d

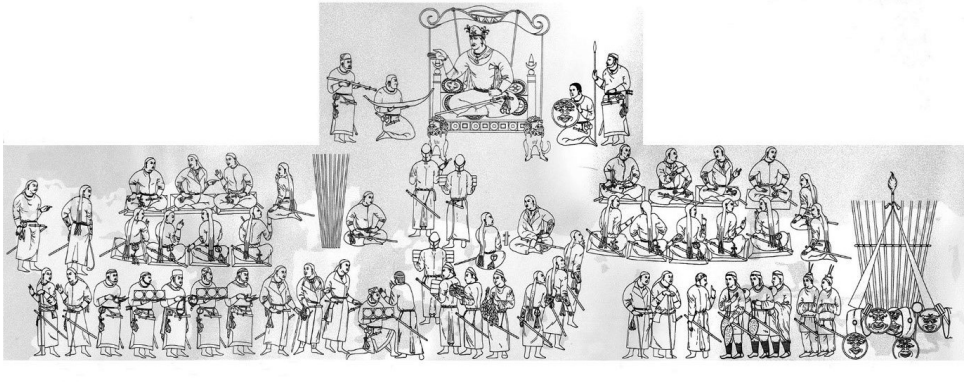

Рис. 3. Сцена приема послов во дворце согдийского правителя Вархумана. Настенная живопись. Западные и южные стены. Городище Афрасиаб (*а*, *в*). Реконструкция Ф. Ори, А. Барбет, Л. Альбаума и М. Реутовой (*б*, *г*)

Fig. 3. Audience scene of foreign envoys at the court of the Sogdian ruler Varkhuman. Wall painting. Western and southern walls. Afrasiab (*a*, *c*). Reconstruction by F. Ory, A. Barbet, L. Albaum, and M. Reutova (*b*, *d*)

Согласно надписи, прочитанной В. А. Лившицем, глава делегации произнес следующее обращение: «Вовсе не имей подозрений относительно меня – о самаркандских богах, а также о письменности я хорошо осведомлен, и я не причиню никакого зла (самаркандскому) царю» [57, с. 55–56; 58, с. 186–187].

Историко-культурные и торгово-экономические связи между Согдом и Бактрией (Тохаристаном) продолжили активно развиваться через горный проход «Железные ворота» и в эпоху становления и расцвета исламской цивилизации в среднеазиатском Междуречье.

Заключение

Проведенный анализ археологических, нумизматических и письменных источников позволяет выявить устойчивый характер историко-культурных связей между Согдом и Бактрией, формировавшихся на протяжении длительного времени (от позднего бронзового века до раннего Средневековья). Если в более ранние периоды между регионами наблюдаются существенные культурные различия, то начиная с железного века (особенно в эллинистическую эпоху) эти различия постепенно сглаживаются, чему способствует включение территорий в состав крупных империй.

Особое значение в рассматриваемом контексте имеют события, повлекшие миграцию и становление власти народа юечжи, под влиянием которой две области оказались тесно связаны в торгово-экономической и административной сферах. Археологические материалы – погребения, нумизматические находки, памятники малой терракотовой пластики и архитектурные элементы – позволяют проследить сближение форм, символов и художественных традиций рассматриваемых областей.

Буддийские мотивы, проникшие из Бактрии в Согд, и заимствования в архитектуре и ремесле свидетельствуют о сложном и многогранном процессе культурной интеграции. В совокупности полученные данные позволяют утверждать, что Согд и Бактрия представляли собой не изолированные, а активно взаимодействующие и взаимовлияющие регионы в системе трансрегиональных связей Центральной Азии периода Античности (IV в. до н. э. – IV в. н. э.) и эпохи раннего Средневековья (V–VII вв.).

Библиографические ссылки

1. Луконин ВГ. *Древний и раннесредневековый Иран: очерки истории культуры*. Москва: Главная редакция восточной литературы; 1987. 296 с.

2. Завьялов ВА. *Кушаншахр при Сасанидах (по материалам раскопок городища Зартепа)*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет; 2008. 296 с.

3. Рапэн К. Антимах I Теос и эра «Явана» по греко-бактрийским пергаментам Асангорна и Амфиполиса. В: Франкфор АП, редактор. *Археология и история Центральной Азии в трудах французских ученых. Том 2.* Самарканд: Международный институт Центральноазиатских исследований; 2014. с. 18–40.

4. Rapin C. On the way to Roxane: the route of Alexander the Great in Bactria and Sogdiana (328–327 BC). In: Hansen S, Lindström G, Tellenbach M, Wieczorek A, editors. *Zwischen Ost und West: neue Forschungen zum antiken Zentralasien. Archäologie in Iran und Turan. Bund 14.* Darmstadt: Philipp von Zabern; 2013. p. 43–82.

5. Рапэн К. Поход Александра Македонского от Бактр до Мараканд. Зариасп: границы Согдианы в исторической географии. *История и археология Турана*. 2020;5:256–287.

6. Грене Ф. Новые данные к локализации пяти «ябгу» юечжей. Политический фон маршрута купцов Мая Тициана. В: Франкфор АП, редактор. *Археология и история Центральной Азии в трудах французских ученых. Том 2.* Самарканд: Международный институт центральноазиатских исследований; 2014. с. 57–70.

7. Двуреченская НД. К вопросу о северной границе Бактрии. В: Балахванцев АС, Маккавеев НА, редакторы. *Эпоха империй. Восточный Иран от Ахеменидов до Сасанидов: история, археология, культура. Материалы Международной научной конференции, посвященной памяти Бориса Анатольевича Литвинского; 16–18 апреля 2018 г.; Москва, Россия*. Москва: Институт востоковедения Российской академии наук; 2019. с. 99–114.

8. Аннаев Т, Аннаев Ж, Арзиев К, Рахмадуллаев А. Некоторые вопросы археологии Северо-Западной Бактрии в последней четверти II и в I вв. до н. э. *Археология Узбекистана*. 2021;2:8–20 (на узб.).

9. Аннаев Т, Тиловов Б, Худойбердиев Ш. *Археологические памятники Бойсуна*. Ташкент: Издательство народного наследия имени Абдуллы Кадыри; 1999. 40 с. (на узб.).

10. Сверчков ЛМ. *Курганзол – крепость Александра на юге Узбекистана*. Ташкент: SMI-Asia; 2013. 182 с.

11. Двуреченская НД, редактор. *Бактрия. Том 1, Материалы археологических исследований эллинистической крепости Узундара в 2021 году.* Москва: Институт археологии Российской академии наук; 2023. 250 с.

12. Двуреченская НД, редактор. *Бактрия. Том 2, Материалы археологических исследований эллинистической крепости Узундара и «Великой Бактрийской стены» в 2022 году. Новые данные по восточному эллинизму.* Москва: Институт археологии Российской академии наук; 2024. 204 с.

13. Массон ВМ. Взаимодействие традиций в городской культуре Бактрии и Согда. В: Пугаченкова ГА, редактор. *Городская среда и культура Бактрии – Тохаристана и Согда IV в. до н. э. – VIII в. н. э. Тезисы докладов советско-французского симпозиума; 25–30 августа 1986 г.; Самарканд, Узбекистан*. Ташкент: Фан; 1986. с. 59–61.

14. Литвинский БА, Соловьёв ВС. *Средневековая культура Тохаристана (в свете раскопок в Вахшской долине)*. Москва: Наука; 1985. 264 с.

15. Соловьёв ВС. Раннесредневековый город Тохаристана по материалам раскопок Кафыркалы. *Российская археология*. 1999;2:172–181.

16. Соловьёв ВС. *Кафыркала и Шуробкурган*. Елец: Издательство Елецкого государственного педагогического института; 2011. 103 с.

17. Аннаев ТД. *Раннесредневековые поселения Северного Тохаристана*. Ташкент: Фан; 1988. 82 с.

18. Ставиский БЯ. *Судьбы буддизма в Средней Азии (по данным археологии)*. Москва: Восточная литература; 1998. 216 с.

19. Мкртычев ТК. *Буддийское искусство Средней Азии*. Москва: Академкнига; 2002. 286 с.

20. Косолапов АИ, Маршак БИ. *Стенная живопись Средней и Центральной Азии (историко-художественное и лабораторное исследование)*. Санкт-Петербург: Формика; 1999. 80 с.

21. Смирнова ОИ. *Сводный каталог согдийских монет. Бронза*. Москва: Главная редакция восточной литературы; 1981. 548 с.

22. Ртвеладзе ЭВ. Денежное обращение в Северо-Западном Тохаристане в раннем Средневековье. В: Пугаченкова ГА, редактор. *Городская культура Бактрии – Тохаристана и Согда: Античность, раннее Средневековье. Материалы советско-французского симпозиума; 25–30 августа 1985 г.; Самарканд, Узбекистан*. Ташкент: Фан; 1987. с. 120–130.

23. Ртвеладзе ЭВ. Согдийские монеты в Северном Тохаристане. В: Буряков ЮФ, Филанович МИ, Исамиддинов МХ, Абдуллаев К, редакторы. *Культура древнего и средневекового Самарканда и исторические связи Согда. Тезисы докладов советско-французского коллоквиума; 25–30 сентября 1990 г.; Самарканд, Узбекистан*. Ташкент: Фан; 1990. с. 83–84.

24. Зеймаль ЕВ. Монеты раннесредневековой Средней Азии. В: Брыкина ГА, редактор. *Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху Средневековья. Средняя Азия в раннем Средневековье*. Москва: Наука; 1999. с. 192–207.

25. Исамиддинов МХ, Сулейманов РХ. *Еркурган*. Ташкент: Фан; 1984. 160 с.

26. Соловьёв ВС. *Раннесредневековая керамика Северного Тохаристана*. Елец: Издательство Елецкого государственного педагогического института; 1996. 82 с.

27. Аннаев Т. Об одной группе раннесредневековой керамики Северного Тохаристана. *История материальной культуры Узбекистана*. 1987;21:72–76.

28. Ртвеладзе ЭВ. Дальверзинский наус. В: Ремпель ЛИ, редактор. *Дальверзинтепе: кушанский город на юге Узбекистана*. Ташкент: Фан; 1978. с. 97–115.

29. Ставиский БЯ. *Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры*. Москва: Наука; 1977. 296 с.

30. Шеркова ТА. *Египет и Кушанское царство (торговые и культурные контакты)*. Москва: Наука; 1991. 192 с.

31. Ходжаев А. *Из истории древних тюрков (сведения древнекитайских источников)*. Ташкент: Тафаккур; 2010. 220 с.

32. Смирнова ОИ. *Очерки из истории Согда*. Москва: Главная редакция восточной литературы; 1970. 288 с.

33. Falk H. The five Yabghus of the Yuezhi. *Bulletin of the Asia Institute*. 2014;28:1–44.

34. Обельченко ОВ. Курганные могильники эпохи Кушан в Бухарском оазисе. В: Гафуров БГ, Бонгард-Левин ГМ, Грантовский ЭА, Мирошников ЛИ, Ставиский БЯ, редакторы. *Центральная Азия в кушанскую эпоху. Труды Международной конференции по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху; 27 сентября – 6 октября 1968 г.; Душанбе, Таджикистан. Том 1.* Москва: Главная редакция восточной литературы; 1974. с. 202–210.

35. Дьяконов ММ. Работы Кафирниганского отряда. *Материалы и исследования по археологии СССР*. 1950;15:147–189.

36. Литвинский БА, Седов ВА. *Культы и ритуалы кушанской Бактрии*. Москва: Главная редакция восточной литературы; 1984. 240 с.

37. Ртвеладзе ЭВ. *Кушанское царство: династии, государство, народ, язык, письменность, религии*. Ташкент: Историческая библиотека; 2019. 130 с.

38. Ртвеладзе ЭВ. Средневековый могильник Бит-тепе в Чаганиане. *Советская археология*. 1986;4:194–209.

39. Арзиев КД, Турсунов ОЮ. Раскопки на памятнике Холниезтепа в 2023 году. *Археологические исследования в Узбекистане*. 2024;16:66–72.

40. Аннаев Д, Аннаев Т. Архитектурно-планировочная структура и датировка буддийского монастыря Фаязтепа. В: Абдуллаев К, редактор. *Традиции Востока и Запада в античной культуре Средней Азии. Сборник статей в честь Поля Бернара*. Ташкент: Noshirlik yog'dusi Press; 2010. с. 53–66.

41. Кругликова ИТ, Пугаченкова ГА. *Дильберджин (раскопки 1970–1973 гг.). Часть 2*. Москва: Наука; 1977. 136 с.

42. Leriche P, Pidaev Ch. *Termez sur Oxus: cité-capitale d'Asie centrale*. Paris: Institut français d'études sur l'Asie centrale; 2008. 163 p.

43. Pidaev Sh, Annaev T, Fussman G. *Monuments bouddhiques de Termez*. Paris: Collège de France; 2011. 280 p.

44. Альбаум ЛИ, Агзамходжаев ТА. Позднекушанское погребальное сооружение под Термезом. *Общественные науки в Узбекистане*. 1968;8:56–58.

45. Гулямов ЯГ, редактор. *Афрасиаб. Выпуск 1.* Ташкент: Фан; 1969. 331 с.

46. Гулямов ЯГ, редактор. *Афрасиаб. Выпуск 2.* Ташкент: Фан; 1973. 235 с.

47. Гулямов ЯГ, редактор. *Афрасиаб. Выпуск 3.* Ташкент: Фан; 1974. 244 с.

48. Ташходжаев ШС, редактор. *Афрасиаб. Выпуск 4.* Ташкент: Фан; 1975. 163 с.

49. Сулейманов РХ. *Древний Нахшаб. Проблемы цивилизации Узбекистана VII в. до н. э. – VII в. н. э.* Ташкент: Фан; 2000. 342 с.

50. Нильсен ВА. Кызыл-кыр (результаты раскопок 1955 г.). *История материальной культуры Узбекистана*. 1959;1:60–79.

51. Пугаченкова ГА, Ртвеладзе ЭВ. *Северная Бактрия – Тохаристан. Очерки истории и культуры (древность и Средневековье)*. Ташкент: Фан; 1990. 220 с.

52. Гафуров БГ. *Таджики: древнейшая, древняя и средневековая история*. Москва: Наука; 1972. 664 с.

53. Маршак БИ. К вопросу о восточных противниках Ирана в V в. В: Ольдерогге ДА, редактор. *Страны и народы Востока. Выпуск 10, Средняя и Центральная Азия: география, этнография, история*. Москва: Главная редакция восточной литературы; 1971. с. 58–66.

54. Кабанов СК. *Культура сельских поселений Южного Согда III–VI вв. По материалам исследований в зоне Чимкурганского водохранилища*. Ташкент: Фан; 1981. 128 с.
55. Маршак БИ. Индийский компонент в культовой иконографии Согда. В: Лесков АМ, Ставиский БЯ, Фёдоров ВВ, редакторы. *Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и Средневековье*. Москва [б. и.]; 1981. с. 107–109.
56. Абдуллаев К, Аннаев Т. Изображение слона в искусстве античной Бактрии. *Природа*. 1986;5:46–49.
57. Альбаум ЛИ. *Живопись Афрасиаба*. Ташкент: Фан; 1975. 160 с.
58. Маршак БИ. Согд V–VIII вв.: идеология по памятникам искусства. *Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху Средневековья. Средняя Азия в раннем Средневековье*. Москва: Наука; 1999. с. 175–191.

Получена 16.06.2025 / исправлена 28.06.2026 / принята 02.07.2026.
Received 16.06.2025 / revised 28.06.2026 / accepted 02.07.2026.

Авторы:
Тухташ Жураевич Аннаев – кандидат исторических наук; доцент кафедры археологии исторического факультета.
Жалолиддин Тухташевич Аннаев – кандидат исторических наук; доцент кафедры археологии и этнологии исторического факультета.
Комилжон Дониярович Арзиев – кандидат исторических наук; младший научный сотрудник отдела археологии эпохи ранних металлов и античного периода.
Мансурбек Бахтиярович Нормуминов – директор.
Фазлиддин Нуралиевич Эшкурбонов – независимый исследователь.

Authors:
Tukhtash J. Annaev, PhD (history); associate professor at the department of archaeology, faculty of history.
annaev_tuhtash@yahoo.com
https://orcid.org/0009-0007-8829-083X
Jaloliddin T. Annaev, PhD (history); associate professor at the department of archaeology and ethnology, faculty of history.
jaloliddinannaev@gmail.com
https://orcid.org/0000-0002-9464-7459
Komiljon D. Arziev, PhD (history); junior researcher at the department of archaeology of the early metal ages and the classical period.
komiljanarziyev04@gmail.com
https://orcid.org/0009-0007-8602-5477
Mansurbek B. Normuminov, director.
n.mansurbek94@gmail.com
https://orcid.org/0009-0003-6140-8659
Fazliddin N. Eshkurbonov, independent researcher.
eshqurbonov91291@mail.ru
https://orcid.org/0009-0009-3400-1013

УДК 94(47).073

ОСОБЕННОСТИ ФИНАНСИРОВАНИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА ДВОРЦА В ОРЕАНДЕ – ПЕРВОЙ КРЫМСКОЙ РЕЗИДЕНЦИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ СЕМЬИ

А. А. ЕФИМОВ[1)]

[1)]*Санкт-Петербургский институт истории РАН,*
ул. Петрозаводская, 7, 197110, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Исследуется деятельность Министерства императорского двора по созданию и обслуживанию резиденций членов императорской семьи в Крыму. На основе архивных документов раскрываются особенности финансового обеспечения строительства дворца в Ореанде. Особое внимание обращается на тот факт, что с самого начала работы оплачивались из личных сбережений императрицы Александры Федоровны в противовес широко распространенной практике выделения ассигнований из средств Кабинета Его Императорского Величества или Департамента уделов. Исчерпание этих ресурсов не повлекло немедленного привлечения сторонних ассигнований, а вынудило приостановить возведение дворца на длительный срок. Возобновление строительства произошло за счет личных средств императора Николая I и заемных средств, полученных в стороннем учреждении – Опекунском совете, а не через обращение к ресурсам учреждений Министерства императорского двора. Отмечается, что этот кредит выплачивался долгое время после завершения строительства дворца, а впоследствии по распоряжению следующего императора Александра II был реструктурирован для снижения ежегодных выплат. Доподлинно установить, был ли он погашен полностью, не удалось.

Ключевые слова: Министерство императорского двора; Ореанда; М. С. Воронцов; А. П. Шувалов; император Николай I; императрица Александра Федоровна; Опекунский совет; заем; строительство.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках государственного задания FMZM-2024-0014 «Памятники делопроизводства России Средневековья и Нового времени: источниковедческое изучение и публикация».

АСАБЛІВАСЦІ ФІНАНСАВАННЯ БУДАЎНІЦТВА ДВАРЦА Ў АРЭАНДЗЕ – ПЕРШАЙ КРЫМСКАЙ РЭЗІДЭНЦЫІ РАСІЙСКАЙ ІМПЕРАТАРСКАЙ СЯМ'І

А. А. ЯФІМАЎ[1)]

[1)]*Санкт-Пецярбургскі інстытут гісторыі РАН,*
вул. Петразаводская, 7, 197110, г. Санкт-Пецярбург, Расія

Анатацыя. Даследуецца дзейнасць Міністэрства імператарскага двара па стварэнні і абслугоўванні рэзідэнцый членаў імператарскай сям'і ў Крыме. На аснове архіўных дакументаў раскрываюцца асаблівасці фінансавага забеспячэння будаўніцтва дварца ў Арэандзе. Адмысловая ўвага звяртаецца на той факт, што з самага пачатку працы аплачваліся з асабістых зберажэнняў імператрыцы Аляксандры Фёдараўны ў процівагу шырокараспаўсюджанай практыцы вылучэння асігнаванняў са сродкаў Кабінета Яго Імператарскай Вялікасці або Дэпартамента надзелаў.

Образец цитирования:
Ефимов АА. Особенности финансирования строительства дворца в Ореанде – первой крымской резиденции российской императорской семьи. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2026;3:40–46.
EDN: PDUSTE

For citation:
Yefimov AA. Financing the construction of the palace in Oreanda – the first Crimean residence of the Russian imperial family. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2026;3:40–46. Russian.
EDN: PDUSTE

Автор:
Андрей Александрович Ефимов – кандидат исторических наук; старший научный сотрудник отдела источниковедения, заведующий научно-историческим архивом.

Author:
Andrey A. Yefimov, PhD (history); senior researcher at the department of source studies and head of the scientific and historical archive.
aaefimov5@gmail.com
https://orcid.org/0000-0001-9016-1091

Вычэрпванне гэтых рэсурсаў не прывяло да неадкладнага прыцягнення іншых асігнаванняў, а вымусіла прыпыніць узвядзенне дварца на працяглы тэрмін. Аднаўленне будаўніцтва адбылося за кошт асабістых сродкаў імператара Мікалая I і пазыковых сродкаў, атрыманых у пабочнай установе – Апякунскім савеце, а не праз зварот да рэсурсаў устаноў Міністэрства імператарскага двара. Адзначаецца, што гэты крэдыт выплачваўся доўгі час пасля завяршэння будаўніцтва дварца, а затым па распараджэнні наступнага імператара Аляксандра II быў рэструктураваны для зніжэння штогадовых выплат. Дакладна ўстанавіць, ці быў ён пагашаны цалкам, не ўдалося.

Ключавыя словы: Міністэрства імператарскага двара; Арэанда; М. С. Варанцоў; А. П. Шувалаў; імператар Мікалай I; імператрыца Аляксандра Фёдараўна; Апякунскі савет; пазыка; будаўніцтва.

Падзяка. Даследаванне выканана пры фінансавай падтрымцы Міністэрства навукі і вышэйшай адукацыі Расійскай Федэрацыі ў рамках дзяржаўнага задання FMZM-2024-0014 «Помнікі справаводства Расіі Сярэднявечча і Новага часу: крыніцазнаўчае вывучэнне і публікацыя».

FINANCING THE CONSTRUCTION OF THE PALACE IN OREANDA – THE FIRST CRIMEAN RESIDENCE OF THE RUSSIAN IMPERIAL FAMILY

A. A. YEFIMOV[a]

[a]*Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences, 7 Petrozavodskaya Street, Saint Petersburg 197110, Russia*

Abstract. This article examines the activities of the Ministry of the Imperial Court in creating and maintaining residences for members of the imperial family in Crimea. Archival documents are used to reveal the specifics of the financial support for the construction of the palace in Oreanda. Particular attention is paid to the fact that, from the very beginning, the work was financed from the personal savings of Empress Alexandra Feodorovna, as opposed to the widespread practice of allocating funds from the Cabinet of His Imperial Majesty or the Department of Appanages. It is noted that the depletion of these resources did not immediately lead to the attraction of external funds, but rather forced a long-term suspension of construction. It is noted that construction was resumed using personal funds and borrowed funds of Emperor Nicholas I obtained from an outside institution (the Welfare Council) rather than through recourse to the resources of institutions within the Ministry of the Imperial Court. It is concluded that this loan was repaid long after the completion of construction and was subsequently restructured by order of the next Emperor, Alexander II, to reduce annual payments. It was not possible to establish with certainty whether it was fully repaid.

Keywords: the Ministry of the Imperial Court; Oreanda; M. S. Vorontsov; A. P. Shuvalov; Emperor Nicholas I; Empress Alexandra Feodorovna; Welfare Council; loan; construction.

Acknowledgements. The article was prepared with the financial support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation within the framework of state assignment FMZM-2024-0014 «Monuments of paperwork of the Russian Middle Ages and Modern Era: source study and publication».

Введение

Министерство императорского двора на протяжении всего срока своего существования (1826–1917) вело активную градостроительную деятельность, географический охват которой не ограничивался столицей Российской империи Санкт-Петербургом и его пригородами. С середины XIX в. на территории Крыма при участии Министерства императорского двора было построено около десятка императорских и великокняжеских резиденций, первой из которых стал дворец в Ореанде. В историографии Ореанды преобладают труды искусствоведческой и культурологической направленности, в которых роль министерства, выступавшего в качестве заказчика, организатора и одновременно исполнителя строительства, оказывается недостаточно изученной. В то же время проблема управления строительством дворца во всей своей полноте, в том числе организация его финансирования, сохраняет свое значение и в настоящее время, а принимавшиеся тогда управленческие решения могут с определенными допущениями использоваться в современных условиях.

Материалы и методы исследования

Настоящая статья основана в первую очередь на изучении (анализе и синтезе) массива материалов официального делопроизводства, хранящегося в фондах Российского государственного исторического архива (РГИА) в Санкт-Петербурге. В ходе исследования использовались материалы официальной

переписки чиновников Министерства императорского двора, Канцелярии императрицы Александры Федоровны, новороссийского и бессарабского генерал-губернатора М. С. Воронцова, а также служащих местных комитетов и комиссий, контролировавших ход строительства резиденции на месте. В своей работе автор придерживается общеисторических методологических основ, таких как принципы историзма, научной объективности и опоры на исторические источники. Он использует проблемно-хронологический метод, подразумевающий разделение темы на ряд подтем-сюжетов с их рассмотрением в хронологической последовательности, а в ходе работы с историческими источниками применяет элементы контент-анализа и условно-документоведческий метод. Целью настоящего исследования является освещение особенностей финансового обеспечения строительства первой крымской резиденции российской императорской семьи. Соответственно, необходимо раскрыть источники ассигнований и механизм их выделения на протяжении всего срока строительства резиденции (10 лет), а также представить и исследовать связанные с этим процессом проблемы и трудности, показав уникальность способа финансирования строительства дворца в Ореанде.

При обращении к историографии Ореанды в первую очередь стоит выделить капитальный труд Т. А. Петровой, включающий целый раздел об истории создания дворца в Ореанде, книгу Н. Калинина и М. Земляниченко [1; 2]. Необходимо отметить монографию Е. М. Коляды [3], а также диссертацию И. В. Манцыгиной [4]. Кроме того, нельзя обойти вниманием отдельные статьи Ю. Я. Арбатской, А. С. Лосевой, О. В. Линниковой, Т. И. Кулаковой, Г. Г. Филатовой, Е. С. Шинтяпиной, А. А. Ефимова, Н. Н. Калинина [5–13]. Упоминания заслуживают книга Н. Лозбень и А. Пальчиковой, монография Е. М. Литвиновой [14; 15]. Проведенное изучение работ позволило заключить, что историография Ореанды представлена исследованиями, в которых создание резиденции анализируется преимущественно с позиций искусствоведения, истории архитектуры и истории искусства. Следовательно, в них основное внимание уделяется описанию внешнего и внутреннего убранства зданий. Исключениями из этого ряда являются монографии Т. А. Петровой, Н. Калинина и М. Земляниченко, в которых раскрываются отдельные организационные вопросы строительства дворца. Однако ни в одном из исследований по ряду причин в полной мере не представлены особенности организации работ по созданию дворца в Ореанде (не раскрывается взаимодействие архитектора, заказчика и непосредственных исполнителей проекта), а специальных исследований по экономике строительства этой резиденции в историографии нет[1].

Результаты и их обсуждение

Император Александр I приобрел имение Ореанда у графа А. Г. Кушелева-Безбородко[2] в 1825 г., однако юридическое оформление покупки произошло уже при императоре Николае I. В период с 1826 по 1837 г. имение, в первую очередь сад, постепенно благоустраивалось. В 1837 г. Николай I подарил имение Ореанда своей супруге Александре Федоровне. С этого момента началось проектирование будущей резиденции, порученное сначала известному немецкому зодчему К. Ф. Шинкелю, а затем А. И. Штакеншнейдеру.

Строительство дворца стартовало в начале сентября 1842 г. Его возведение должно было осуществляться путем использования личных средств императрицы Александры Федоровны в размере 400 000 руб. ассигнациями под непосредственным контролем генерал-губернатора М. С. Воронцова. В то же время стоимость строительства предполагалось ограничить указанной суммой, поскольку это были все личные средства императрицы. Исходный, скорректированный М. С. Воронцовым и фактический графики выделения средств на строительство дворца в Ореанде из Канцелярии императрицы Александры Федоровны представлены в табл. 1 [3].

Таблица 1

Исходный, скорректированный М. С. Воронцовым и фактический графики выплат средств на строительство дворца в Ореанде

Table 1

Original, adjusted by M. S. Vorontsov and actual payment schedules for the construction of the palace in Oreanda

Номер выплаты	Исходный график выплат		Скорректированный М. С. Воронцовым график выплат		Фактический график выплат	
	Срок	Сумма в рублях ассигнациями	Срок	Сумма в рублях ассигнациями	Срок	Сумма в рублях ассигнациями
1	Сентябрь 1842 г.	50 000	Сентябрь 1842 г.	50 000	3 сентября 1842 г.	50 000
2	Май 1843 г.	50 000	Май 1843 г.	50 000	8 мая 1843 г.	50 000

[1]Отдельные проблемы финансового обеспечения строительства и реконструкций императорских дворцов в Ливадии и Массандре ранее исследовал автор настоящей работы. Результаты исследований отражены в статьях [11; 12] и сборнике исследований и документов [16].

[2]В начале XIX в. часть земель Южного берега Крыма была пожалована командиру охранного батальона Ф. Д. Ревелиоти, у которого граф А. Г. Кушелев-Безбородко и приобрел эти владения [10, с. 69].

Окончание табл. 1
Ending of the table 1

Номер выплаты	Исходный график выплат		Скорректированный М. С. Воронцовым график выплат		Фактический график выплат	
	Срок	Сумма в рублях ассигнациями	Срок	Сумма в рублях ассигнациями	Срок	Сумма в рублях ассигнациями
3	Сентябрь 1843 г.	100 000	Сентябрь 1843 г.	100 000	1 сентября 1843 г.	100 000
4	Май 1844 г.	50 000	Май 1844 г.	50 000	1 мая 1844 г.	50 000
5	Сентябрь 1844 г.	50 000	Сентябрь 1844 г.	100 000	4 сентября 1844 г.	50 000
6	Май 1845 г.	50 000	Май 1845 г.	50 000	4 ноября 1844 г.	35 000
7	Сентябрь 1845 г.	50 000	–	–	8 декабря 1844 г.	15 000
8	–	–	–	–	20 мая 1845 г.	50 000
Всего	*7 выплат*	*400 000*	*6 выплат*	*400 000*	*8 выплат*	*400 000*

Последнее ассигнование состоялось в мае 1845 г., когда по распоряжению Таврической губернской казенной палаты главе ореандской строительной комиссии полковнику С. Т. Ягницкому из Симферопольского уездного казначейства было выдано 50 000 руб. ассигнациями. Таким образом, была израсходована полная сумма (400 000 руб. ассигнациями), указанная в графике 1842 г. М. С. Воронцовым. Более того, дальнейшие подсчеты фактически понесенных затрат показали перерасход (18 000 руб. ассигнациями), который пришлось покрыть из личных средств генерал-губернатора. Также окончательная отделка дворца и постройка служебных зданий потребовали бы дополнительных расходов на сумму до 600 000 руб. ассигнациями, найти которые в сжатые сроки оказалось невозможно. Обустройство дворца выполнялось за счет собственного капитала императрицы, который был совершенно исчерпан. Для продолжения финансирования работ было необходимо или использовать приданое императрицы Александры Федоровны, оценивавшееся в 150 000 руб. серебром (525 000 руб. ассигнациями), или просить императора об издании особого указа о выделении ассигнований. Однако ни то ни другое сделано не было. Работы в Ореанде де-факто остановились в 1845 г., и простой продолжался до 1849 г. Возобновление строительства в имении сопровождалось кардинальными переменами в управлении и финансировании [11, с. 4].

Автор проекта резиденции архитектор А. И. Штакеншнейдер, лично посетивший Ореанду в 1848 г., по возвращении в Санкт-Петербург представил рапорт с планами, чертежами и сметами расходов на завершение работ по обустройству имения. Сведения о сметных суммах, произведенных и предстоящих ассигнованиях, полученные по результатам обсуждения рапорта А. И. Штакеншнейдера, представлены в табл. 2.

Таблица 2

Сметные суммы, произведенные и предстоящие ассигнования на строительство дворца в Ореанде в рублях серебром

Table 2

The estimated sum, made and upcoming allocations for the construction of the palace in Oreanda in silver rubles

Расходы	Первоначальная строительная смета	Дополнительная строительная смета	Смета на меблировку	Всего
Сметные суммы	248 813 руб. 46 коп.	133 921 руб. 52 коп.	119 696 руб. 50 коп.	502 431 руб. 48 коп.
В том числе:				
произведенные ассигнования	114 429 руб. 60 коп.	–	–	114 429 руб. 60 коп.
предстоящие ассигнования	134 383 руб. 86 коп.	133 921 руб. 52 коп.	119 696 руб. 50 коп.	388 001 руб. 88 коп.

Из требуемой к ассигнованию суммы (388 001 руб. 88 коп. серебром) в 1849 г. надлежало выделить 145 000 руб. серебром, в 1850 г. – еще 123 000 руб. серебром, а затраты на меблировку Николай I согласился взять на себя[3]. Однако указанной для выплаты в 1849 и 1850 гг. суммы (268 000 руб. серебром) в наличии не было. Для изыскания необходимых на завершение возведения дворца денежных средств был выбран нетрадиционный для работ, связанных с обустройством резиденций членов императорской семьи, вариант. Вместо обращения к ресурсам Кабинета Его Императорского Величества или Департамента уделов государь дал распоряжение министру императорского двора поручить статс-секретарю

[3]РГИА. Ф. 1338. Оп. 1. № 20/78. Д. 6. Л. 2–2 об., 79 об., 97 об., 110–111 ; Там же. Ф. 759. Оп. 30. Д. 1155. Л. 1–2 об.

А. Л. Гофману обратиться в Опекунский совет для получения двух займов (145 000 руб. серебром на 1849 г. и до 123 000 руб. серебром на 1850 г.). Погашать эти кредиты предполагалось из суммы, ежегодно отпускавшейся на содержание имения (24 142 руб. 85 коп. серебром)[4]. Чиновники подготовили раскладки платежей по двум возможным срокам займов – 26 и 37 лет. В рамках первого срока займа годовой платеж составлял 18 781 руб. серебром, что с учетом обязательных расходов на нужды имения вызвало бы дефицит в размере 2816 руб. 25 коп. серебром. Второй срок займа предусматривал ежегодный платеж в размере 16 098 руб. серебром с превышением расходов над ассигнованиями на 133 руб. 25 коп. серебром[5].

Параллельно с решением финансового вопроса шла перестройка системы управления строительством резиденции. Еще в 1848 г. решением императора эти работы были переданы под общее управление Собственной Его Императорского Величества конторы (далее – Собственная Е. И. В. контора). Гофмаршал граф А. П. Шувалов, возглавлявший указанную контору, 15 июля 1849 г. обратился к императрице Александре Федоровне. Он предложил сначала сделать заем на обязательно требующуюся сумму (145 000 руб. серебром), а впоследствии занять ту сумму, которая действительно будет необходима. Такое разделение позволило бы избежать перерасхода установленной на содержание имения Ореанда суммы по крайней мере в первые несколько лет. Деньги следовало переводить от лица Собственной Е. И. В. конторы через министерство финансов и выдавать ореандской строительной комиссии из местного уездного казначейства. Императрица одобрила представленные расчеты. Через неделю, 23 июля 1849 г., А. П. Шувалов направил статс-секретарю А. Л. Гофману письмо. В нем гофмаршал распорядился обратиться в Опекунский совет за кредитом на сумму 145 000 руб. серебром сроком на 37 лет с перечислением средств в Собственную Е. И. В. контору. Также в письме сообщалось, что императрица согласовала предложение занять из необходимой в дальнейшем суммы ту часть, которая действительно понадобится для проведения работ[6]. Со своей стороны статс-секретарь в тот же день, еще до получения письма, обратился к А. П. Шувалову за разъяснениями относительно того, какие займы следует производить, и сообщил об условиях кредитования Опекунского совета. Согласно условиям при получении ссуды на 37 лет взимается сбор (1,5 % от ее суммы), а сам кредит выдается при предоставлении гарантийного письма главы ведомства-заемщика с обязательным указанием источника его погашения[7]. В ответ на письмо А. Л. Гофмана 2 августа 1849 г. А. П. Шувалов сообщил, что в общей сложности предполагается занять до 268 000 руб. серебром. Он распорядился немедленно взять ссуду на 145 000 руб. серебром, а впоследствии обратиться за той суммой, которая действительно будет необходима. Гофмаршал сообщил, что отпуск кредита надлежит произвести в Собственную Е. И. В. контору, а погашать его следует из средств, ежегодно выделяемых на содержание имения Ореанда[8].

В соответствии с полученными распоряжениями статс-секретарь подготовил указ, который 17 августа 1849 г. был подписан Николаем I. Согласно указу «на окончательное возведение дворцовых зданий в принадлежащем государыне императрице крымском имении Орианда[9]» Опекунскому совету предписывалось «отпустить из Санкт-Петербургской сохранной казны заимообразно на счет Собственной… конторы под обязательство Главноуправляющего оной гофмаршала графа Шувалова 145 000 рублей серебром на правилах 37-летних займов с взятием узаконенной премии»[10] (цитаты приводятся с сохранением языковых особенностей оригинала). После выплаты установленного сбора сумма займа составила 142 825 руб. серебром. Эти средства были выданы в начале сентября 1849 г. Собственная Е. И. В. контора представила подписанное А. П. Шуваловым гарантийное письмо – обязательство погашать кредит, ежегодный платеж по которому в течение 36 лет составлял 8700 руб. серебром, а в последний год – 6338 руб. 80 коп. серебром[11].

Обращение за вторым кредитом произошло в начале 1851 г. Надежда на снижение размера займа (123 000 руб. серебром) не оправдалась: потребовалось получить эту сумму в полном объеме. 26 января 1851 г. из Собственной Е. И. В. конторы последовало обращение к А. Л. Гофману с просьбой подготовить необходимые для получения займа документы. Процедура оформления бумаг и предоставления кредита заняла полторы-две недели: 3 февраля 1851 г. был подписан соответствующий указ, составленный по образцу предыдущего, а спустя несколько дней состоялось перечисление средств[12]. Получение кредитов позволило в 1852 г. успешно завершить работы по обустройству имения Ореанда, ставшего первой резиденцией Романовых в Крыму.

[4]РГИА. Ф. 759. Оп. 30. Д. 1155. Л. 2–2 об ; Ф. 1338. Оп. 1. № 20/78. Д. 6. Л. 2 об., 3, 80–80 об., 98, 110 об., 111.

[5]Там же. Ф. 1338. Оп. 1. № 20/78. Д. 6. Л. 80 об., 81.

[6] Там же. Ф. 759. Оп. 30. Д. 1155. Л. 10–10 об. ; Там же. Ф. 1338. Оп. 1. № 20/78. Д. 6. Л. 97, 98–98 об., 106–106 об.

[7] Там же. Ф. 1338. Оп. 1. № 20/78. Д. 6. Л. 109–109 об. ; Ф. 759. Оп. 30. Д. 1155. Л. 11–12 об.

[8] Там же. Ф. 759. Оп. 30. Д. 1155. Л. 13–13 об. ; Там же. Ф. 1338. Оп. 1. № 20/78. Д. 6. Л. 133–133 об.

[9]Название имения в документах XIX в.

[10]РГИА. Ф. 1338. Оп. 1. № 20/78. Д. 6. Л. 163.

[11] Там же. Ф. 759. Оп. 30. Д. 1155. Л. 15 ; Там же. Ф. 1338. Оп. 1. № 20/78. Д. 6. Л. 162–167, 171–172.

[12]Там же. Ф. 1338. Оп. 1. № 20/78. Д. 6. Л. 164–166 ; Там же. Ф. 759. Оп. 30. Д. 1155. Л. 13–13 об., 18–22 об.

Итоговая стоимость дворца в Ореанде составила более 500 000 руб. серебром, из которых порядка 383 000 руб. серебром ушло на строительно-отделочные работы и около 120 000 руб. серебром – на меблировку. Однако эти издержки были значительно меньше сумм, затраченных на строительство столичных великокняжеских резиденций в 1840–50-х гг. Стоимость санкт-петербургских дворцов составляла от одного до нескольких миллионов рублей серебром. Сопоставим по стоимости с дворцом в Ореанде созданный в 1839–1842 гг. небольшой дворец великой княгини Марии Николаевны, располагавшийся в имении Сергиевка, которое находилось под Санкт-Петербургом между Петергофом и Ораниенбаумом. В то же время значительный перерасход наблюдался в процессе возведения практически всех дворцов, однако вопрос недостатка средств нигде не вставал так остро и решался за счет внутренних резервов Министерства императорского двора, в первую очередь за счет средств Департамента уделов как основного источника финансирования дворцового строительства.

Первоначально погашение сделанных займов, как и планировалось, велось из средств Собственной Е. И. В. конторы. Однако после смерти Николая I и восшествия на престол Александра II обязательство перешло к Конторе Собственного Его Величества Николаевского дворца (в середине XIX в. так именовался Аничков дворец). В конце 1856 г. министр императорского двора постановил, что после планировавшегося в 1858 г. упразднения данной конторы выплаты по кредитам (16 080 руб. серебром в год) должны производиться непосредственно из Государственного казначейства. Указанную сумму надлежало вычитать из средств, выделяемых на содержание имения Ореанда (21 000 руб. серебром). Однако Александр II распорядился о реструктуризации оставшейся суммы обоих займов (245 787 руб. 40 коп. серебром), т. е. о распределении выплат данной суммы на 56 лет без взимания сборов. Вместе с этим император запросил от выдавшей кредиты Санкт-Петербургской сохранной казны новый расчет погашения задолженности[13].

Информации о дальнейшей судьбе этих кредитов, в том числе о том, были ли переданы обязанности по их погашению унаследовавшему имение Ореанда великому князю Константину Николаевичу и прекратились ли платежи после гибели дворца в 1881 г. в пожаре, обнаружить не удалось. Соответственно, можно заключить, что расплачиваться за строительство дворца пришлось бы до начала Первой мировой войны. Полный расчет за возведение первого дворца Романовых в Крыму мог состояться после завершения ассигнований на строительство последнего крымского дворца Романовых – усадьбы Кичкине, принадлежавшей великому князю Дмитрию Константиновичу.

Заключение

Дворец в Ореанде, в отличие от других великокняжеских резиденций, строительство которых финансировалось из средств учреждений Министерства императорского двора, изначально возводился за счет личных накоплений императрицы Александры Федоровны, поскольку это имение считалось частным владением государыни. В то же время фактический график ассигнований, как это часто случается, не совпал с запланированным. Распространенная особенность крупных строительных проектов, связанная с перерасходом средств, привела в данном случае к необычным результатам. С учетом ограниченности ресурсов при исчерпании средств не было предпринято мер по немедленному привлечению новых ассигнований. Вследствие этого работы были приостановлены на длительный срок. Для возобновления строительства также было выбрано нестандартное решение. Были задействованы как личные средства императора Николая I, так и кредит в сторонней организации (Опекунский совет), при этом традиционные каналы финансирования (учреждения Министерства императорского двора, такие как Кабинет Его Императорского Величества и Департамент уделов) не использовались. Кроме того, кредит был рассрочен на долгие годы. Он не был погашен специальными ассигнованиями из казны или удельного капитала, а переходил по наследству как при смене названия учреждения-заемщика, так и при передаче имения новому владельцу.

Представленная схема финансирования строительства дворца в Ореанде оказалась уникальной для Министерства императорского двора. Ни прежде, ни впоследствии министерство не прибегало ни к займам на стороне, ни к длительному возвращению средств, полученных сверх первичной сметы, поскольку денежные вопросы решались за счет привлечения внутренних резервов на безвозвратной основе.

Библиографические ссылки

1. Петрова ТА. *Архитектор А. И. Штакеншнейдер.* Санкт-Петербург: Издательство Государственного Эрмитажа; 2012. 573, [2] с.

2. Калинин Н, Земляниченко М. *Романовы и Крым. «У всех нас осталась тоска по Крыму…».* Симферополь: Бизнес-информ; 2018. 320 с.

[13]РГИА. Ф. 759. Оп. 30. Д. 1155. Л. 25–26 об.

3. Коляда ЕМ. *Сады и парки Крыма XIX – начала XX века. История создания и стилистический анализ.* Санкт-Петербург: Невский институт управления и дизайна; 2009. 151 с. EDN: RXYALT.

4. Манцыгина ИВ. *Архитектура усадеб Царского берега в Крыму в XIX – начале XX в.* [диссертация]. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина; 1999. 214 с. EDN: QDCQYN.

5. Арбатская ЮЯ. Ореанда – первое императорское имение на Южном берегу Крыма. В: Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского. *Проблемы и перспективы развития современной ландшафтной архитектуры. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием; 25–28 сентября 2017 г.; Симферополь, Россия.* Симферополь: Ариал; 2017. с. 8–13. EDN: ZKZFIB.

6. Лосева АС. Петергоф и Ореанда эпохи романтизма. *Вопросы искусствознания*. 1996;2:92–107.

7. Линникова ОВ. Проект К. Ф. Шинкеля для дворца в императорском имении Ореанда. *Вопросы всеобщей истории архитектуры.* 2018;1:245–260. EDN: YSEDQL.

8. Кулакова ТИ. Имение Нижняя Ореанда в истории дома Романовых и биографиях деятелей русской культуры. *Причерноморье. История, политика, культура.* 2012;9:113–122. EDN: XWBDIL.

9. Филатова ГГ. *Дворец и храм в Нижней Ореанде.* Симферополь: Н. Оріанда; 2021. 96 с.

10. Шинтяпина ЕС. Архитектурно-историческое наследие поселка Ореанда на Южном берегу Крыма. *Культурное наследие России*. 2019;1:68–73. EDN: LPFIAB.

11. Ефимов АА. Начальный этап строительства резиденции Ореанда – первой резиденции Романовых в Крыму. *Ученые записки Новгородского государственного университета.* 2022;5:498–501. DOI: 10.34680/2411-7951.2022.5(44).498-501.

12. Ефимов АА. Реорганизация системы управления строительством императорской резиденции Ореанда. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки.* 2022;8(3):3–12. EDN: FSIXPM.

13. Калинин НН. Дворец в Ореанде. Шинкель и Штакеншнейдер. В: Ялтинский городской объединенный историко-литературный музей. *III Дмитриевские чтения. История Южного берега Крыма: факты, документы, коллекции, литературоведение, мемуары.* Симферополь: Таврия-плюс; 1999. с. 38–40.

14. Лобзень Н, Пальчикова А. *Ливадия. Ореанда. Очерк-путеводитель.* Симферополь: Сонат; 2007. 192 с. (Новый крымский путеводитель).

15. Литвинова ЕМ. *Царская семья в Крыму.* Симферополь: Рубин-плюс; 2011. 480 с. Совместно с издательством «Амазонка-Крым».

16. Ефимов АА, составитель. *Императорские резиденции Ливадия и Массандра: экономика создания и развития. Исследования и документы.* Санкт-Петербург: Историческая иллюстрация; 2024. 376 с.

Получена 20.08.2025 / исправлена 02.07.2026 / принята 02.07.2026.
Received 20.08.2025 / revised 02.07.2026 / accepted 02.07.2026.

УДК 316.022, 392.7

ПОЛИТИКА АРМЕНИИ В СФЕРЕ ОХРАНЫ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ: ОТ КУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИК ДО СПИСКОВ ПРИЗНАНИЯ

М. Р. ГАБРИЕЛЯН[1), 2)]***, Р. А. ЦАТУРЯН***[1), 2)]

[1)]*Ереванский государственный университет, ул. А. Манукяна, 1, 0025, г. Ереван, Армения*
[2)]*Институт археологии и этнографии НАН Республики Армения, ул. Чаренца, 15, 0025, г. Ереван, Армения*

Аннотация. Анализируется политика Армении в сфере охраны нематериального культурного наследия в контексте формирования национальных перечней элементов наследия и включения этих элементов в списки ЮНЕСКО. Включение элементов наследия в национальные перечни и списки ЮНЕСКО рассматривается как механизм охраны и как форма символического признания, культурной репрезентации и институциональной легитимации наследия. На материале армянских заявок на включение элементов наследия в Репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества прослеживается, каким образом локальный культурный язык в процессе подготовки номинационных досье переводится на язык международных дискурсов, приобретая обобщенную, национально универсализированную форму. Отмечается, что включение элементов наследия в списки ЮНЕСКО является символическим направлением культурной политики, связанным с задачами репрезентации и повышения видимости наследия, а также с культурной дипломатией.

Ключевые слова: культура; ЮНЕСКО; конвенция; нематериальная культура; перечни; наследие; сохранение; Армения; независимость.

ПАЛІТЫКА АРМЕНІІ Ў СФЕРЫ АХОВЫ НЕМАТЭРЫЯЛЬНАЙ КУЛЬТУРНАЙ СПАДЧЫНЫ: АД КУЛЬТУРНЫХ ПРАКТЫК ДА СПІСАЎ ПРЫЗНАННЯ

М. Р. ГАБРЫЭЛЯН[1*, 2*]***, Р. А. ЦАТУРАН***[1*, 2*]

[1*]*Ерэванскі дзяржаўны ўніверсітэт, вул. А. Манукяна, 1, 0025, г. Ерэван, Арменія*
[2*]*Інстытут археалогіі і этнаграфіі НАН Рэспублікі Арменія, вул. Чаранца, 15, 0025, г. Ерэван, Арменія*

Анатацыя. Аналізуецца палітыка Арменіі ў сферы аховы нематэрыяльнай культурнай спадчыны ў кантэксце фарміравання нацыянальных пералікаў элементаў спадчыны і ўключэння гэтых элементаў у спісы ЮНЕСКА. Уключэнне элементаў спадчыны ў нацыянальныя пералікі і спісы ЮНЕСКА разглядаецца як механізм аховы і як форма сімвалічнага

Образец цитирования:
Габриелян МР, Цатурян РА. Политика Армении в сфере охраны нематериального культурного наследия: от культурных практик до списков признания. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2026; 3:47–56.
EDN: WSZUSE

For citation:
Gabrielyan MR, Tsaturyan RA. The Armenia's policy of intangible cultural heritage protection: from cultural practices to lists of recognition. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2026;3:47–56. Russian.
EDN: WSZUSE

Авторы:
Мхитар Размикович Габриелян – кандидат исторических наук; декан факультета истории, заведующий лабораторией этнографических и антропологических исследований Института социальных и гуманитарных исследований[1)], старший научный сотрудник отдела этнографии[2)].
Рузанна Артаковна Цатурян – преподаватель кафедры археологии и этнографии факультета истории[1)], научный сотрудник отдела этнографии[2)].

Authors:
Mkhitar R. Gabrielyan, PhD (history); dean of the faculty of history, head of the laboratory of ethnographic and anthropological research, Institute of Humanities Research[a], and senior researcher at the ethnography department[b].
m.gabrielyan@ysu.am
https://orcid.org/0009-0005-2698-6052
Ruzanna A. Tsaturyan, lecturer at the department of archaeology and ethnography, faculty of history[a], and researcher at the ethnography department[b].
r.tsaturyan@ysu.am
https://orcid.org/0009-0003-1213-2721

CC BY NC

прызнання, культурнай рэпрэзентацыі і інстытуцыйнай легітымацыі спадчыны. На матэрыяле армянскіх заявак на ўключэнне элементаў спадчыны ў Рэпрэзентатыўны спіс нематэрыяльнай культурнай спадчыны чалавецтва прасочваецца, якім чынам лакальная культурная мова ў працэсе падрыхтоўкі намінацыйных дасье перакладаецца на мову міжнародных дыскурсаў, набываючы абагульненую, нацыянальна ўніверсалізаваную форму. Адзначаецца, што ўключэнне элементаў спадчыны ў спісы ЮНЕСКА з'яўляецца сімвалічным напрамкам культурнай палітыкі, звязаным з задачамі рэпрэзентацыі і павышэння бачнасці спадчыны, а таксама з культурнай дыпламатыяй.

Ключавыя словы: культура; ЮНЕСКА; канвенцыя; нематэрыяльная культура; спадчына; спісы; захаванне; Арменія; незалежнасць.

THE ARMENIA'S POLICY OF INTANGIBLE CULTURAL HERITAGE PROTECTION: FROM CULTURAL PRACTICES TO LISTS OF RECOGNITION

M. R. GABRIELYAN[a, b]***, R. A. TSATURYAN***[a, b]

[a]*Yerevan State University, 1 A. Manukyana Street, Yerevan 0025, Armenia*
[b]*Institute of Archaeology and Ethnography,*
National Academy of Sciences of the Republic of Armenia,
15 Charents Street, Yerevan 0025, Armenia

Corresponding author: M. R. Gabrielyan (m.gabrielyan@ysu.am)

Abstract. This article analyses the Armenia's policy of intangible cultural heritage protection in the context of the development of national inventories of heritage elements and their inscription on UNESCO lists. The inclusion of heritage elements on national and UNESCO lists is examined as a safeguarding mechanism and a form of symbolic recognition, cultural representation, and institutional legitimation of heritage. Using Armenian nominations for the Representative List of the Intangible Cultural Heritage of Humanity, it explores how local cultural language is translated into the language of international discourses during the preparation of nomination dossiers, acquiring a generalised, nationally universalised form. The inclusion of elements on UNESCO lists is viewed as a symbolic aspect of cultural policy, linked to the objectives of representing and enhancing the visibility of heritage, as well as to cultural diplomacy.

Keywords: culture; UNESCO; convention; intangible culture; heritage; lists; preservation; Armenia; independence.

Введение

Конвенция об охране нематериального культурного наследия[1] (далее – Конвенция) была принята ЮНЕСКО 17 октября 2003 г. Ее принятие стало ключевым этапом в формировании глобальной культурной политики в сфере охраны нематериального культурного наследия. В настоящей статье эта политика рассматривается не просто как совокупность нормативных документов и управленческих процедур, а как социальная арена, в рамках которой взаимодействуют и договариваются различные акторы: государственные структуры, эксперты, исследователи и носители наследия. Такой подход позволяет показать, каким образом международные категории, термины и принципы в сфере охраны нематериального культурного наследия приобретают локальные значения, наполняются специфическим социальным и политическим содержанием. Опираясь на результаты проведенных исследований, авторы настоящей статьи показывают, что политика Армении в сфере охраны нематериального культурного наследия может быть охарактеризована как гибридный режим, в рамках которого международные стандарты и локальные практики взаимодействуют через структуры власти, знания и символического капитала.

Теоретической рамкой исследования выступает концепция авторизованного дискурса наследия, предложенная Л. Смит [1]. В соответствии с данной концепцией наследие рассматривается не как объективно существующая категория, а как результат дискурсивных и институциональных процессов, в которых доминирующую роль играют определенные группы акторов. Международную и национальную политику Армении в сфере охраны нематериального культурного наследия авторы настоящего исследования анализируют с позиции данного подхода, при этом сама политика понимается как особая форма культурной практики. В контексте регулятивных механизмов ЮНЕСКО наследие определяется и интерпретируется акторами,

[1]Конвенция об охране нематериального культурного наследия // Организация Объединенных Наций : сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml?ysclid=mszvgrf8oq328840699 (дата обращения: 01.03.2026).

обладающими ресурсами власти (экспертами, исследователями, представителями государственной бюрократии). Эти акторы, опираясь на установленные ЮНЕСКО критерии и процедуры, действующие как механизмы институционального регулирования, определяют, что именно на локальном уровне признается наследием, каким образом оно должно быть описано, представлено и сохранено. Только в процессе подготовки номинационных досье конкретный элемент наследия получает возможность участвовать в национальных и международных конкурсах на признание в качестве нематериального культурного наследия. Несмотря на то что в Конвенции ключевая роль отводится носителям наследия, которые формально могут выражать согласие или несогласие с включением элементов наследия в различные перечни, ЮНЕСКО взаимодействует исключительно с государственными органами. В связи с этим определение реальной роли носителей наследия остается в компетенции авторизованного дискурса и институтов, обладающих правом представительства. Вместе с тем данный теоретический подход также может быть предметом критического обсуждения. Даже в условиях формального участия носителей культурных практик политика в сфере охраны нематериального культурного наследия обладает потенциалом для инициирования процессов переосмысления локальных культур, а также может выступать триггером для появления новых исследовательских направлений и форм локальной рефлексии.

Другой теоретический подход, используемый в данном исследовании, связан с антропологическим анализом политики. В рамках этого подхода политика рассматривается не только как совокупность нормативных документов, но и как особый процесс переговоров, в котором задействованы специфические культурные языки, символические формы и структуры. В настоящей статье анализируется, каким образом стремление к включению в международную повестку и глобальные механизмы регулирования формирует необходимость перевода локального культурного языка на язык международных дискурсов. Этот процесс перевода, в свою очередь, имеет двойственный характер и порождает как возможности для повышения видимости и институционального признания локальных культурных практик, так и новые формы символического и административного контроля.

С учетом данных теоретических оснований проведен анализ национальных и международных документов, регулирующих политику в сфере охраны нематериального культурного наследия. Культурная политика, как институционализированное отношение государства к культуре, является важной составляющей государственной политики и существенно различается от страны к стране [2; 3]. При анализе подходов к культурной политике стран Южного Кавказа (Армения, Грузия, Азербайджан), а также других республик бывшего СССР принципиально важно учитывать советское наследие в сфере управления культурой, а также институциональные и идеологические трансформации, начавшиеся после распада СССР [4–9]. Культурная политика являлась одной из ключевых составляющих советской политики. Идеи культурной революции и борьбы с пережитками прошлого формировали повестку как на общесоюзном, так и республиканском уровне. Проект создания «советского человека», к реализации которого стремилось государство, предполагал прежде всего воспитание носителя новой культуры, обладающего нормативно заданными ценностями, моделями поведения и представлениями о социально допустимом поведении. Эти установки целенаправленно транслировались и закреплялись через систему образования, деятельность культурных учреждений и массовые практики уже на ранних этапах социализации человека [10–12].

Распад СССР и создание независимых государств привели к глубоким трансформациям в сфере культурной политики. Армения не стала исключением: в стране были пересмотрены базовые принципы государственной культурной политики и подходы к управлению культурным наследием.

Материалы и методы исследования

Методологической основой исследования является качественный анализ политики в сфере охраны нематериального культурного наследия, основанный на антропологическом подходе. В рамках данного подхода внимание сосредоточено не только на содержании нормативных документов, но и на логике их производства, интерпретации и применения, а также на тех формах знания и представительства, которые институционально закрепляются в процессе реализации политики.

Эмпирическую базу исследования составляют национальные и международные нормативно-правовые и методические документы. В частности, анализируются положения Конвенции, операционные директивы и методические материалы, национальное законодательство Армении, подзаконные акты и методические рекомендации по формированию национальных перечней нематериального культурного наследия и подготовке номинационных досье для представления в ЮНЕСКО. В корпус источников также включены формы заявок, критерии отбора элементов наследия, инструкции по подготовке номинаций, используемые в рамках национальных процедур включения элементов в перечни. Дополнительным эмпирическим источником стали материалы, содержащие информацию об исследовательском и экспертном участии авторов данного исследования в процессах формирования и реализации политики Армении в сфере охраны

нематериального культурного наследия. Они включают наблюдения за практиками инвентаризации, экспертными обсуждениями, подготовкой национальных и международных номинационных досье, накопленные в ходе деятельности авторов в 2018–2024 гг. В частности, Р. А. Цатурян участвовала в подготовке номинационных досье на элементы нематериального культурного наследия Армении, что рассматривается как форма включенного наблюдения и рефлексивного анализа институциональных процедур.

Результаты и их обсуждение

Национальное собрание Республики Армения ратифицировало Конвенцию в 2006 г. Конвенция, как базовый документ в сфере охраны нематериального культурного наследия, предусматривает реализацию присоединившимися странами конкретных действий и мероприятий. Так, ст. 11 Конвенции определяет роль государств-участников следующим образом: «Каждому государству-участнику надлежит… принимать необходимые меры для обеспечения охраны нематериального культурного наследия, имеющегося на его территории… в рамках мер по охране, указанных в пункте 3 статьи 2, идентифицировать и определять различные элементы нематериального культурного наследия… при участии сообществ, групп и соответствующих неправительственных организаций»[2]. Одним из ключевых инструментов реализации Конвенции является формирование национальных перечней нематериального культурного наследия. Таким образом, Конвенция обязывает присоединившиеся страны адаптировать международную политику, создавая национальные (местные) инструменты и механизмы охраны нематериального культурного наследия.

После ратификации Конвенции последовало создание необходимого национального инструментария для реализации ее положений. 7 октября 2009 г. был принят закон «О нематериальном культурном наследии»[3], который адаптирует основные положения Конвенции к местной специфике. Хотя армянский закон и является локальным откликом на Конвенцию, в своем наименовании он не содержит слова «охрана». Функция охраны отражена непосредственно в тексте закона. В законе определяются области его применения: фольклор; народная музыка; народный танец; народный театр; народные праздники; обычаи, связанные с жизненными циклами человека; обычаи, связанные с общественными, родственными и семейными отношениями; национальные верования и обрядовые практики и др.[4] После принятия закона были разработаны методологические подходы к классификации элементов нематериального культурного наследия и критерии, используемые для включения этих элементов в перечни [13]. В соответствии с законодательством Армении в сфере охраны нематериального культурного наследия используются три типа перечней: 1) перечни нематериального культурного наследия; 2) перечни нематериального культурного наследия, нуждающегося в срочной охране; 3) перечни культурных пространств. Согласно установленным критериям подготовка заявки на включение того или иного элемента наследия предполагает проведение исследовательской работы, направленной на поиск его научного и обобщенного наименований, локальных названий, информации о носителях и сфере бытования, а также на создание краткой исторической справки о формировании элемента и его упоминаниях в различных источниках. Кроме того, требуется собрать данные о современном состоянии элемента наследия, факторах, представляющих угрозу для его дальнейшего существования, функциях, культурном, экономическом и социальном значении, процессах развития и трансформации, а также предоставить подробную характеристику.

Локальные перечни должны были создать формальную возможность для привлечения внимания к местному культурному наследию и его последующего мониторинга через международную оптику. Согласно Конвенции для включения элемента наследия в государственные перечни ЮНЕСКО необходимо заранее обеспечить его охрану на национальном уровне. Лишь после выполнения этого условия элемент может быть представлен для включения в Репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества, Список нематериального культурного наследия, нуждающегося в срочной охране, или Реестр передового опыта по сохранению нематериального культурного наследия. Соблюдение данного регламента стало для государств обязательным условием для включения элементов наследия в так называемые списки признания.

Роль списков признания в сфере охраны нематериального культурного наследия. После присоединения к Конвенции в Армении было составлено два перечня нематериального культурного наследия: 1) перечень нематериального культурного наследия; 2) перечень нематериального культурного наследия, нуждающегося в срочной охране. Первый

[2]Конвенция об охране нематериального культурного наследия // Организация Объединенных Наций : сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml?ysclid=mszvgrf8oq328840699 (дата обращения: 01.03.2026).

[3]О нематериальном культурном наследии : Закон Респ. Армения, 7 окт. 2009 г. // ARLIS : сайт. URL: https://www.arlis.am/hy/acts/54526 (дата обращения: 01.03.2026) (на арм.).

[4]Там же.

перечень включает 68 элементов наследия. Он охватывает 13 областей культуры:

1) фольклор (3 элемента);
2) народную музыку (8 элементов);
3) народный танец (4 элемента);
4) народные праздники (8 элементов);
5) обычаи, связанные с жизненными циклами человека (6 элементов);
6) обычаи, связанные с общественными, родственными и семейными отношениями (1 элемент);
7) национальные верования и обрядовые практики (4 элемента);
8) национальную кухню (13 элементов);
9) знания о природе (2 элемента);
10) навыки, связанные с хозяйственной жизнью (3 элемента);
11) знания, связанные с традиционными ремеслами (12 элементов);
12) национальный язык (3 элемента);
13) национальные игры (1 элемент).

Включение элемента наследия в данный перечень представляет собой строго формализованный и регламентированный бюрократический процесс. Несмотря на то что обоснование значимости элементов наследия в рамках Конвенции требует их признания носителями, сам процесс включения элемента в перечень остается государствоцентричным. Это обстоятельство обусловливает приоритет включения легитимного, официального знания, а также институциональное переосмысление знаний, формулируемых носителями наследия.

Формированию рассмотренного перечня нематериального культурного наследия предшествовала разработка методических критериев и процедур включения в него элементов. Предложения по включению элементов в данный перечень в большинстве случаев представлялись в виде экспертного знания, в результате чего они были ориентированы на наиболее узнаваемые и репрезентативные компоненты армянской культуры, обладающие высоким символическим потенциалом.

В вышеуказанный перечень входят фактически все элементы нематериальной культуры, которые функционируют на территории Армении. Периодически данный перечень обновляется. Требование регулярного обновления перечней, вытекающее из регламентов ЮНЕСКО, в определенном смысле представляет собой позитивное институциональное принуждение участников Конвенции, формирующее у них более внимательное отношение к элементам нематериального культурного наследия.

Второй перечень включает элементы наследия, которые находятся в опасности и подлежат срочной охране. В данный перечень входят 32 элемента наследия. Он охватывает 8 областей культуры:

1) фольклор (3 элемента);
2) народную музыку (9 элементов);
3) народные праздники (1 элемент);
4) народный театр (2 элемента);
5) знания о природе (3 элемента);
6) национальную кухню (3 элемента);
7) национальные игры (4 элемента);
8) знания, связанные с традиционными ремеслами (7 элементов).

Этот перечень оказался одним из наиболее сложных для наполнения, поскольку было необходимо сместить акцент с авторитетности элементов наследия на их уязвимость. Сама Конвенция изначально была принята как инструмент устранения рисков, угрожающих фольклору и накопленному человечеством культурному опыту. Одним из первых элементов, включенных в Список нематериального культурного наследия, нуждающегося в срочной охране, стал представленный Беларусью обряд «Колядные цари», или «Рождественские цари» (2009).

Функционирование нематериального культурного наследия зависит от многих факторов: особенностей исторической памяти, природного и культурного ландшафта, политики, возможностей носителей наследия сохранить и передать его. Армянская культура прошла сложную эволюцию. Со второй половины XIX в. развитие армянской культуры зависело от политической ситуации. Культура на территории Восточной Армении, которая входила в состав Российской империи, оказалась в лучшей ситуации, чем культура на территории Западной Армении, которая входила в состав Османской империи и находилась под сильным прессом турецкой политики. Армянские погромы и геноцид в Османской империи в 1915 г. поставили под сомнение сам факт возможности функционирования культуры на исторической родине. Культура «переместилась»: часть спасшихся от геноцида армян сформировали диаспору, а часть армян обосновались на территории Российской империи, которая позже вошла в состав Первой Республики Армения и Советской Армении. Этот процесс привел к уничтожению огромной части материальной культуры на территории Западной Армении, а также оказал сильное влияние на механизмы сохранения и передачи нематериального культурного наследия. В советский период под воздействием процессов индустриализации и урбанизации, а также господствующей идеологии различные области армянской народной культуры тоже понесли существенные утраты. Модель советской культурной политики, основанная на представлении о государстве как об архитекторе культуры, по инерции продолжала воспроизводиться и в последующий период, однако новые институциональные возможности, а также политические и социальные трансформации не столько компенсировали, сколько в ряде случаев дополнительно усложняли задачу сохранения нематериального культурного наследия. Данная модель культурной политики не исчезла с распадом СССР. Сформированный

в советское время институциональный хабитус управления культурой продолжает определять ожидания как государственных структур, так и экспертного сообщества в отношении ведущей роли государства в сфере охраны нематериального культурного наследия. В результате именно экспертно-административные структуры рассматриваются как легитимные посредники между локальными носителями наследия и международными институтами, включая ЮНЕСКО. Такая исторически обусловленная ориентация на государственную опеку и экспертное посредничество объясняет сохраняющуюся государствоцентричность современной политики Армении в сфере охраны нематериального культурного наследия.

В то же время применение логики авторизированного дискурса наследия к армянскому контексту не предполагает жесткого противопоставления экспертного знания и представлений носителей наследия. В ряде случаев наблюдается значительное сходство экспертных интерпретаций и локальных восприятий практикующих сообществ. Носители наследия нередко разделяют и воспроизводят экспертное мнение о ценности, уникальности и значимости традиций, а также активно участвуют в подготовке номинационных досье. Тем не менее даже при наличии такого сходства отбор, формулирование и признание элементов нематериального культурного наследия остаются в компетенции экспертно-административных структур. Следовательно, армянские списки признания формируются в условиях структурной асимметрии.

Элементы нематериальной культуры Армении, вошедшие в Репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества. Различные списки и реестры нематериального культурного наследия призваны служить сохранению культурного наследия. Однако нередко для государства они превращаются либо в списки гордости, либо в формальные документы, становясь аргументом в пользу присоединения к Конвенции. Между тем исследователи отмечают, что, когда тот или иной элемент наследия включается в Репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества, он превращается в метакультурный артефакт. Инвентаризация и последующая объективация культурного феномена трансформируют его восприятие исключительно как элемента локальной культуры [10, с. 166–169]. Включение элемента наследия в список является весьма наглядным, малозатратным и наиболее удобным для правительств способом сделать что-либо символом страны. Однако этот процесс четко регламентирован[5].

В настоящей статье элементы наследия Армении, представленные в Репрезентативном списке нематериального культурного наследия человечества, рассматриваются в последовательности их включения в данный перечень. Такой порядок позволяет проследить не только институциональную динамику участия Армении в реализации положений Конвенции, но и изменения в принципах репрезентации элементов наследия, подходах к формулированию этих принципов и аргументации значимости элементов.

Первым достоянием нематериальной культуры Армении, включенным в Репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества, стал элемент наследия «Дудук и его музыка» (2008). Еще в 2001 г. данный элемент вошел в список, составленный в рамках программы ЮНЕСКО «Шедевры устного и нематериального культурного наследия». Фактически эта программа предшествовала Конвенции. В ее рамках отобраны 90 элементов, которые впоследствии были перенесены в Репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества.

Армянский народный инструмент дудук является одним из важных составляющих идентичности не только для коренных армян, но и для армянской диаспоры. Музыка дудука звучит фактически на всех мероприятиях, включая праздничные и поминальные. Лучших музыкантов-дудукахаров знает вся Армения, дудук продается во всех сувенирных магазинах и обязательно предлагается туристам как национальный армянский инструмент. На одной из центральных улиц Еревана стоит памятник легендарным дудукахарам – Дживану Гаспаряну, Левону Мадояну и Вече Овсепяну[6].

В 2010 г. в рассматриваемый список был включен знаковый для армян элемент наследия «Искусство армянских камней-крестов. Символика и мастерство изготовления хачкаров». Хачкар[7] известен в армянской культуре с раннего Средневековья [14; 15, с. 10–73]. В советский период в силу политики атеизма изготовление хачкаров фактически

[5]Report of the expert meeting on criteria for inscription on the lists established by the 2003 Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage. Paris, 5–6 December 2005 / UN Educ., Sci. and Cult. Organ. // UNESCO : website. URL: https://ich.unesco.org/doc/src/00035-EN.pdf (date of access: 01.03.2026).

[6]Памятник Дживану Гаспаряну и двум другим великим армянским дудукистам открылся в Ереване // Агентство международной информации «Новости-Армения» : сайт. URL: https://newsarmenia.am/news/armenia/pamyatnik-dzhivanu-gasparyanu-i-dvum-drugim-velikim-armyanskim-dudukistam-otkrylsya-v-erevane/ (дата обращения: 24.02.2026).

[7]Хачкар представляет собой вертикальную каменную стелу, воздвигнутую на открытом воздухе, с точной ориентацией по четырем сторонам света. Западная плоская поверхность хачкара занята центральным крестом, украшенным растительными и геометрическими орнаментами, а иногда и композициями, включающими изображения птиц, животных и человеческие скульптурные рельефы [13; 14]. Хачкар является результатом оригинального развития армянской культуры, одним из наиболее характерных символов армянской идентичности. Благодаря своим великолепной скульптурной композиции, символике искупления, воплощенной в кресте, расположению под открытым небом и ощущению вечности, навеянному камнем, хачкар был самым ценным и доступным священным объектом для армянских верующих.

прекратилось или было ограничено религиозной сферой. В 1990-х гг. началось возрождение искусства изготовления хачкара не только как надгробного камня. Он стал символом непрерывного сохранения армянской идентичности и целостности армянской культуры. Трепетное отношение к сохранившимся хачкарам привело к популяризации этого элемента армянской культуры. Начиная со второй половины 1980-х гг. стали изготавливаться новые хачкары. Как правило, новые хачкары ставятся в память о каком-нибудь человеке или событии: геноциде армян, погромах в Сумгаите или Баку, карабахской войне, погибших солдатах и т. д. Много хачкаров возводят представители армянской диаспоры. За последние десятилетия новые хачкары были поставлены фактически во всех армянских общинах (от армянских общин в России до армянских общин в США). Сегодня хачкары также используются как надгробные камни[8] [14; 15].

В 2012 г. ЮНЕСКО зарегистрировало элемент наследия «Исполнение армянского эпоса “Сасунские удальцы”, или “Давид Сасунский”». В 1939 г. не только в Советской Армении, но и во всем СССР было торжественно отмечено тысячелетие армянского эпоса. Начиная со второй половины XIX в. армянские этнографы и фольклористы собрали сотни вариантов эпоса на разных диалектах. Проводились международные конференции, посвященные данной теме, а исследованием разных аспектов армянского эпоса занимались не только специалисты из Армении, но и ведущие исследователи со всего мира. Данный факт доказывает, что эпос и знания о нем тесно связаны с национальной идентичностью. Таким образом, его включение в перечень мирового наследия неслучайно.

В 2014 г. в список был включен элемент наследия «Лаваш: приготовление, значение и бытование традиционного хлеба как выражение культуры Армении»[9]. В этнографических исследованиях доказано, что национальная кухня играет важнейшую роль в сохранении и передаче идентичности народа, а многие составляющие этой кухни считаются традиционными компонентами культуры [16, с. 189–254; 17, с. 233–247; 18]. Исследователи отмечают, что «…традиционная пища армян, как и у всех народов мира, формировалась в тесной связи с преобладающим среди них хозяйственно-культурным типом, представляющим на Армянском нагорье сочетание пашенного зернового земледелия с отгонно-пастбищным и оседлым скотоводством. В соответствии с этим в национальной пище армян… сочетаются растительные (зерновые) и животные (мясо-молочные) продукты» [19, с. 119]. Лаваш распространен во многих регионах Советской Армении, а также на территории Западной Армении. Техника и культура приготовления лаваша на территории Армянского нагорья имеют долгую историю [18; 19, с. 119–120]. Известные этнографы С. А. Арутюнов и Ю. И. Мкртумян в статье «Вершина хлебопечения – лаваш» описывают отношение к хлебу в армянской культуре следующим образом: «Уважительное, даже благоговейное отношение к хлебу – одна из традиций армянской культуры, но в отношении к лавашу эта традиция проявляется особенно ярко в сравнении с отношением к подовому хлебу массового производства» [18, с. 201].

В течение многих веков в жизни армян важную роль играла традиционная танцевальная культура. Средневековые источники и этнографические материалы свидетельствуют о распространении среди армян десятка танцев. С важной ролью танца связана также подача заявки на включение элемента наследия «Кочари. Традиционный групповой танец» (2017) в Репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества. Кочари является традиционным групповым танцем, исполняемым во время праздников, торжественных событий, семейных церемоний и других мероприятий как на открытом воздухе, так и в помещениях. В данном танце могут участвовать все желающие независимо от пола, возраста или социального положения. Музыкальное сопровождение осуществляется с помощью традиционных духовых и ударных инструментов – зурны и дхола. Танцоры держатся за руки и двигаются синхронно, выстраиваясь в прямую или изогнутую линию; их ноги отбивают ритм, колени сгибаются, а плечи двигаются в такт музыке [20; 21]. Во время общественных мероприятий исполнение кочари обычно начинает небольшая группа желающих (до 10 человек), откликающихся на узнаваемую мелодию, которая воспринимается как приглашение к танцу. Зрители подбадривают танцоров, аплодируя в такт музыке. Согласно одной из интерпретаций первоначального смысла танца ритмичные удары ногами, синхронные движения рук и плеч, а также громкие возгласы призваны имитировать движения козлов, символизирующих плодородие природы и общины, гармоничные отношения человека с природой, а также идею единства армянского народа и его стремление к победе. Исполнение кочари традиционно является эмоциональной кульминацией семейных и общественных праздников. Армяне считают, что этот танец воплощает идентичность и солидарность народа, способствует сохранению и передаче исторической, культурной и этнической памяти [20; 21].

В 2019 г. в список был включен элемент наследия «Армянское буквенное искусство и его культурные проявления». Данный элемент наследия основан на армянском алфавите, созданном в 405 г. Месропом

[8]Этнографические материалы, использованные в статье, собраны авторами настоящего исследования в ходе полевых экспедиций, проведенных в период с 1996 по 2025 г. в Армении и Нагорно-Карабахской Республике.

[9]Лаваш – хлеб толщиной до 2–3 мм, выпекаемый в виде овального листа длиной 90–110 см, шириной 40–45 см, весом не более 250 г. Он быстро высыхает на воздухе и может долго храниться в сухом виде. Достаточно слегка спрыснуть его водой, завернуть в полотняную ткань, и через 15–20 мин его свежесть и гибкость восстановятся.

Маштоцем по принципу «одна буква – один звук». К 36 буквам алфавита позже были добавлены еще 3 буквы. Этот алфавит используется до сих пор. Таким образом, письменная культура армян имеет 16-вековую историю. В течение этого времени армянский язык прошел несколько этапов развития. Примерами армянского буквенного искусства являются прежде всего средневековые письменные памятники. Средневековая армянская миниатюра богата разными выражениями и образами письма. В армянских церквах данного периода также найдено чрезвычайно много каменных надписей. Многовековое искусство армянских букв представляет собой совокупность армянских письмен, богатую культуру украшения букв и их разнообразное использование в жизни людей, искусстве, науке и других сферах. Армянское буквенное искусство также отличается широким разнообразием орнаментальных стилей письма. Обычно они классифицируются по форме: узелковое, антропоморфное, зооморфное письмо и т. д. Подобные декоративные буквы и сегодня применяются в ковроткачестве, резьбе по дереву, скульптуре, вышивке, ювелирном искусстве и других сферах. Можно утверждать, что искусство армянских букв в различных культурных проявлениях проникло почти во все слои общества, а также в народное творчество и стало одним из важнейших выражений армянской культуры.

Как показывает проведенный анализ, для армянского контекста характерна устойчивая ориентация на репрезентацию элементов нематериального культурного наследия в обобщенной, национально универсализированной форме. Включение элементов наследия в национальные перечни и списки ЮНЕСКО, как правило, обусловлено необходимостью в их национальной символической репрезентации, в рамках которой культурные практики интерпретируются прежде всего как общенациональные маркеры культурной идентичности. В то же время данная логика нередко противоречит современной экспертной повестке ЮНЕСКО, ориентированного на локализованные, сообщественно центрированные и территориально укорененные описания элементов. В результате в процессе подготовки номинационных досье для большинства элементов наследия осуществляется институциональный перевод локального культурного языка на язык международных дискурсов, в рамках которого территориальная укорененность элементов наследия декларируется, однако их репрезентация сохраняет обобщенную, национально универсализированную форму. Однако в данной практике есть исключения. Первым исключением выступает армяно-иранский элемент наследия «Паломничество в монастырь Святого Фаддея», в рамках которого при описании и репрезентации нематериальной культуры структурообразующими становятся принципы локализованности и трансграничной укорененности. Вторым исключением является элемент наследия «Традиция кузнечного ремесла в Гюмри», в рамках которого локальная профессиональная среда и городское сообщество выступают в качестве ключевого смыслового и репрезентационного ядра.

Согласно политике ЮНЕСКО совместные заявки считаются приоритетными. В 2020 г. была зарегистрирована первая совместная заявка Армении и Ирана «Паломничество в монастырь Святого Фаддея». Популярное среди иранских армян ежегодное паломничество проводится на северо-западе Ирана, рядом с д. Кара-Келиса. Паломничество практикуется в очень символичном и значимом месте, которое в 2008 г. было включено правительством Ирана в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Армянский монастырский комплекс составляют монастырь Святого Фаддея, монастырь Святого Степаноса и часовня монастыря Дзордзор [22]. В Тебризе (Иран) расположена епархия армянской церкви, где собираются паломники перед посещением монастырского комплекса. Значимость этого места высока для всех армян, так как, по преданию, здесь захоронен святой Фаддей. Трехдневное паломничество к монастырю Святого Фаддея является ежегодным событием. Оно представляет собой общинное празднование, проводящееся в июле при участии армянских общин Ирана, Армении и других стран. Паломничество открыто для всех желающих. В Иране автобусы доставляют людей из Тегерана, Исфахана, Тебриза, Сельмаса и Урмии в монастырь. На месте ставятся сотни палаток для более чем 6 тыс. паломников. Паломничество посвящено двум выдающимся святым – святому Фаддею и святой Сандухт, первой христианской женщине-мученице. Поминальная церемония включает особые литургии, процессии, молитвы, проповеди и пост. Она завершается Божественной литургией (Святой мессой) с причастием и освящением воды.

В 2023 г. в Репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества был включен элемент наследия «Традиция кузнечного дела в Гюмри[10]» [23]. Кузнечное дело в Армении считалось одним из местных ремесел. Кузнецы из Гюмри являлись лучшими мастерами. В Гюмри городское кузнечное дело существенно отличалось не только от сельского кузнечного дела, но и от кузнечного дела других городов. Это обстоятельство было связано с тем, что, помимо изготовления необходимых бытовых принадлежностей, здесь большое внимание уделялось художественной обработке железа и виду изделий. В годы индустриализации кузнечные изделия были заменены фабричными, и кузнечное ремесло как таковое в Армении почти прекратило свое существование. В отличие от других мест в Гюмри благодаря устойчивым кузнечным традициям оно сохранилось.

[10]Гюмри – второй по величине город Армении, известный своими ремесленными традициями.

Заключение

Представленные элементы нематериального культурного наследия отражают эволюцию международной политики ЮНЕСКО. Если ранее в перечни нематериального культурного наследия включались шедевры культурного наследия определенной страны, то сейчас поощряются совместные заявки, а акцент смещается с универсализированных элементов наследия на территориально укорененные культурные практики (например, традиция кузнечного дела в Гюмри). Эти изменения трансформировали локальные культурные политики и одновременно стимулировали поиск новых смыслов и языков репрезентации культурного наследия в глобальной конкурентной среде. В то же время культурные практики, которые в локальных контекстах были узнаваемыми, понятными и не требовали специальных разъяснений, пройдя через правовые, экспертные и междисциплинарные фильтры, все чаще стали представляться в «переведенном» виде, адаптированном к международным нормативным и институциональным требованиям.

Изменение политики в сфере охраны нематериального культурного наследия повысило культурную ценность и символический статус элементов наследия в Армении, создав иллюзию их институциональной защищенности. В результате вопросы дальнейшего сохранения наследия и противодействия новым вызовам, таким как чрезмерная коммерциализация и утрата контекста, нередко оказывались на периферии внимания.

На практике включение элементов наследия в списки ЮНЕСКО часто является в значительной степени символическим направлением культурной политики, а не результатом долгосрочной обоснованной деятельности по их сохранению. Во многих случаях элементы наследия отбираются для номинации не потому, что уже продемонстрирована эффективность существующих мер по их защите, и не потому, что включение в списки ЮНЕСКО является непосредственным ответом на ранее выявленные риски. Прежде всего элементы наследия номинируются потому, что они считаются удобными для международной репрезентации, повышения видимости наследия страны и культурно-дипломатического позиционирования. Включение в список ЮНЕСКО становится основным механизмом признания и легитимации элемента наследия, тогда как повседневные практики его сохранения оказываются вторичными с административной и концептуальной точек зрения. В итоге сохранение наследия трактуется как формальное требование, выполняемое в рамках процедуры номинации, а не как непрерывный публичный политический процесс, на который должна опираться данная процедура.

Библиографические ссылки

1. Smith L. *Uses of heritage.* 1st edition. New York: Routledge; 2006. XIV, 368 p. DOI: 10.4324/9780203602263.

2. Драгичевич-Шешич М, Стойкович Б. *Культура: менеджмент, анимация, маркетинг*. Даниленко Л, переводчик. Новосибирск: Тигра; 2000. 227 с.

3. Драгичевич-Шешич М. Перспективы культурного развития: новые модели общей культурной политики. *Обсерватория культуры*. 2006;2:29–32. EDN: KVMPLF.

4. Антонян Ю, составитель и редактор. *Советская армянская культура: концепт, восприятие и проявления*. Ереван: Издательство Ереванского государственного университета; 2023. 332 с. (на арм.). DOI: 10.46991/YSUPH/9785808426016.

5. Худавердян К. Культурное строительство в Советской Армении в годы первой пятилетки. *Историко-филологический журнал.* 1960;3:65–75 (на арм.).

6. Мирзаханян РК. *Культурная жизнь Советской Армении, 1956–1990 гг.* Лаврой Б, редактор. Ереван: Издательство «Гитутюн» НАН Республики Армения; 2009. 354 с. (на арм.).

7. Мирзаханян РК. Первые шаги формирования культуры Советской Армении (декабрь 1920 г. – февраль 1921 г.). *Вестник общественных наук.* 2015;1:306–317 (на арм.).

8. Мурадян А. Культурная политика Советской Армении в 1950–1960-х гг. *История и культура.* 2018;1:376–383 (на арм.).

9. Меньковский ВИ, Шмигель М, Жеребцов ИЛ. Центральная Азия как исторический регион. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2023;4:54–62. EDN: KOZVZZ.

10. Kirshenblatt-Gimblett B. Intangible heritage as metacultural production. *Museum International.* 2014;66(1–4):163–174. DOI: 10.1111/muse.12070.

11. Lenoe M. *Closer to the masses: Stalinist culture, social revolution, and Soviet newspapers.* Cambridge: Harward University Press; 2004. 325 p. (Russian Research Center studies). DOI: 10.2307/j.ctv1smjv5k.

12. Белошапка НВ. *Государство и культура в СССР: от Хрущева до Горбачева.* Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет»; 2012. 320 с.

13. Саргсян А, Тадевосян А, редакторы. *Нематериальное культурное наследие: классификация и критерии.* Ереван: Издательство «Гитутюн» НАН Республики Армения; 2009. 127 с. (на арм.).

14. Петросян ГЛ. *Хачкар.* Багдасарян Л, переводчик. Ереван: Зангак; 2015. 76 с.

15. Петросян ГЛ. *Хачкар: происхождение, функции, иконография, семантика.* Ереван: Принтинфо; 2008. 406 с. (на арм.).

16. Маркарян ЭС, Арутюнов СА, Барсегян ИА, Енгибарян СЕ, Мелконян ЭЛ, Мкртумян ЮИ и др. *Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования (на материалах армянской сельской культуры).* Арутюнов СА, Маркарян ЭС, редакторы. Ереван: Издательство АН Армянской ССР; 1983. 319 с.

17. Варданян ЛМ, Саркисян ГГ, Тер-Саркисянц АЕ, редакторы. *Армяне.* Москва: Наука; 2012. 648 с. (Народы и культуры).

18. Арутюнов СА, Мкртумян ЮИ. Вершина хлебопечения – лаваш. В: Арутюнов СА, Воронина ТА, редакторы. *Хлеб в народной культуре: этнографические очерки.* Москва: Наука; 2004. с. 200–209.

19. Тер-Саркисянц АЕ. Традиционная пища армян. В: Арутюнов СА, Воронина ТА, редакторы. *Традиционная пища как выражение этнического самосознания.* Москва: Наука; 2001. с. 119–132.

20. Лисициан СС. *Старинные пляски и театральные представления армянского народа*. *Том 1*. Ереван: Издательство Академии наук Армянской ССР; 1958. XVI, 613 с.

21. Лисициан СС. *Старинные пляски и театральные представления армянского народа*. *Том 2*. Еремян СТ, редактор. Ереван: Издательство Академии наук Армянской ССР; 1972. XI, 501 с.

22. Ахназарян А. *Три монастыря Артаза*. Ереван: Фонд исследования армянской архитектуры; 2012. 368 с. (Научные исследования армянской архитектуры; том 15) (на арм.).

23. Тадевосян А. *Кузнечное культурное наследие города Гюмри.* Ереван: Издательство «Гитутюн» НАН Республики Армения; 2021. 72 с. (на арм.).

Получена 26.03.2026 / исправлена 27.06.2026 / принята 09.07.2026.
Received 26.03.2026 / revised 27.06.2026 / accepted 09.07.2026.

УДК 930(47)«1953/1964» + 930.1(049.3)

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АППАРАТ ИССЛЕДОВАНИЙ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИИ ПОСЛЕ СТАЛИНА

В. И. МЕНЬКОВСКИЙ[1)]

[1)]*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*

Аннотация. Рассматривается методологическая проблема выбора терминологии для обозначения советской истории после смерти И. В. Сталина. Анализируется различие между хронологическим понятием «послесталинский период» и концептуальным термином «постсталинизм», заимствованным из философского лексикона постструктурализма и постмодернизма. Показывается, что термин «постсталинизм» позволяет фиксировать не просто хронологический переход, а качественное состояние общества, обусловленное предшествующим периодом, его внутреннюю противоречивость и циклический характер возвращения к сталинскому наследию. Особое внимание уделяется влиянию постструктуралистской методологии на изучение советской истории, в частности формированию школы советской субъективности в англоязычной историографии (работы С. Коткина, И. Халфина, Й. Хелльбека, А. Юрчака). Делается вывод о том, что выбор между понятиями «послесталинский период» и «постсталинизм» является выбором между хронологическим описанием и концептуальным анализом, а использование префикса *пост-* в исторических исследованиях свидетельствует о зрелости дисциплины, ее способности к саморефлексии и междисциплинарному диалогу.

Ключевые слова: сталинизм; постсталинизм; постструктурализм; постмодерн; послесталинский период; советская субъективность; историческая память; политика памяти.

Благодарность. Работа выполнена в рамках государственной программы научных исследований Республики Беларусь на 2026–2030 гг. «Социально-экономическая, политическая и национально-культурная безопасность белорусской государственности» (задание «Исторические регионы Российской империи, Советского Союза и постсоветской Евразии»).

ТЭРМІНАЛАГІЧНЫ АПАРАТ ДАСЛЕДАВАННЯЎ САВЕЦКАЙ ГІСТОРЫІ ПАСЛЯ СТАЛІНА

В. І. МЕНЬКОЎСКІ[1*]

[1*]*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь*

Анатацыя. Разглядаецца метадалагічная праблема выбару тэрміналогіі для абазначэння савецкай гісторыі пасля смерці І. В. Сталіна. Аналізуецца адрозненне паміж храналагічным паняццем «паслясталінскі перыяд» і канцэптуальным тэрмінам «постсталінізм». Паказваецца, што тэрмін «постсталінізм» дазваляе фіксаваць не проста храналагічны пераход, а якасны стан грамадства, абумоўлены папярэднім перыядам, яго ўнутраную супярэчлівасць і цыклічны характар вяртання да сталінскай спадчыны. Асаблівая ўвага надаецца ўплыву постструктуралісцкай метадалогіі на вывучэнне савецкай гісторыі, у прыватнасці фарміраванню школы савецкай суб'ектыўнасці ў англамоўнай гістарыяграфіі

Образец цитирования:
Меньковский ВИ. Терминологический аппарат исследований советской истории после Сталина. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2026;3:57–62 (на англ.).
EDN: IOSVUK

For citation:
Menkouski VI. The terminological framework for research on Soviet history after Stalin. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2026;3:57–62.
EDN: IOSVUK

Автор:
Вячеслав Иванович Меньковский – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры истории России исторического факультета.

Author:
Viachaslau I. Menkouski, doctor of science (history), full professor; professor at the department of Russian history, faculty of history.
menkovski@bsu.by
https://orcid.org/0000-0003-3417-4589

CC BY NC

(працы С. Коткіна, І. Халфіна, Ё. Хельбека, А. Юрчака). Робіцца выснова аб тым, што выбар паміж паняццямі «паслясталінскі перыяд» і «постсталінізм» з'яўляецца выбарам паміж храналагічным апісаннем і канцэптуальным аналізам, а выкарыстанне прэфікса *пост-* у гістарычных даследаваннях сведчыць пра сталасць дысцыпліны, яе здольнасць да самарэфлексіі і міждысцыплінарнага дыялогу.

Ключавыя словы: сталінізм; постсталінізм; постструктуралізм; постмадэрн; паслясталінскі перыяд; савецкая суб'ектыўнасць; гістарычная памяць; палітыка памяці.

Падзяка. Праца выканана ў рамках дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў Рэспублікі Беларусь на 2026–2030 гг. «Сацыяльна-эканамічная, палітычная і нацыянальна-культурная бяспека беларускай дзяржаўнасці» (заданне «Гістарычныя рэгіёны Расійскай імперыі, Савецкага Саюза і постсавецкай Еўразіі»).

THE TERMINOLOGICAL FRAMEWORK FOR RESEARCH ON SOVIET HISTORY AFTER STALIN

V. I. MENKOUSKI[a]

[a]*Belarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

Abstract. The article examines the methodological problem of choosing terminology to designate Soviet history after the death of J. Stalin. The author analyses the distinction between the chronological concept of the «post-Stalin period» and the conceptual term «post-Stalinism». It is shown that the term «post-Stalinism» allows us to capture not merely a chronological transition, but a qualitative condition of society conditioned by the preceding period, its internal contradictions, and the cyclical nature of the return to Stalin's legacy. Special attention is paid to the influence of poststructuralist methodology on the study of Soviet history, particularly the formation of the Soviet subjectivity school in Anglophone historiography (the works of S. Kotkin, I. Halfin, J. Hellbeck, and A. Yurchak). The article concludes that the choice between terms «post-Stalin period» and «post-Stalinism» is a choice between chronological description and conceptual analysis, and that the use of the prefix *post-* in historical research indicates the maturity of the discipline, its capacity for self-reflection and interdisciplinary dialogue.

Keywords: Stalinism; post-Stalinism; poststructuralism; postmodernism; post-Stalin period; Soviet subjectivity; historical memory; politics of memory.

Acknowledgements. This work was carried out within the framework of the state programme of scientific research of the Republic of Belarus for 2026–2030 «Socio-economic, political and national-cultural security of Belarusian statehood» (research assignment «Historical regions of the Russian Empire, the Soviet Union and post-Soviet Eurasia»).

Introduction

For researchers, the death of J. Stalin on 5 March 1953 is not merely a chronological boundary in the history of the Soviet Union. For historians this event poses the following methodological question: how to define what began «after»? Can we speak of a qualitatively different condition of society and the state, and how to designate terminologically the historical time under consideration? The choice between the terms «post-Stalin period» and «post-Stalinism» is not a matter of stylistics, it is a choice of research optics that determines the angle of view on an entire era.

The term «post-Stalin period» performs an important but limited function. It establishes the initial chronological framework: Stalin was – Stalin passed away. This framework is convenient for describing the sequence of events: the struggle for power in the Presidium of the Central Committee of Kommunist Party, N. Khrushchev's report at the 20th Party Congress, the rehabilitation of victims of repressions, reforms in the economy and culture. However, such an approach does not provide an answer to the duration of the post-Stalin period question, which, like any period of time, cannot be infinite. It may create the illusion of an instantaneous and complete break with the past, as if with the disappearance of the dictator's figure the system he created also disappears. By focusing on the «new», it leaves in the shade the question of what exactly from the «old» continues to exist, transforming and adapting. In reality, after J. Stalin's death the Soviet system waged a constant struggle with its own foundations, trying to modernise without changing its fundamentals. To capture this reality, it is more accurate to apply the concept of «post-Stalinism».

This term indicates not just chronology, but a new state conditioned by the preceding period. The prefix *post-* captures the dialectic: the new society is simultaneously a consequence of Stalinism, a reaction to it, and an attempt to overcome it. This is a concept borrowed from the philosophical lexicon of poststructuralism and postmodernism.

Research methodology

The research employs a historical-genetic method, which allows us to trace the evolution of the prefix *post-* in the humanities from a simple temporal marker to a full-fledged epistemological concept. This is complemented by a comparative approach, which enables a juxtaposition of how different schools of thought (positivism historiography *vs* the new cultural history) interpret the nature of the Soviet regime after 1953. A key element of the methodology is the analysis of key concepts, revealing how the semantic shift from «post-Stalin period» to «post-Stalinism» entails a fundamental change in research optics: from describing the politics of the successor leadership to analysing the deep-seated structures of everyday life, identity, and the politics of memory.

Finally, the research is based on the principle of interdisciplinarity. To deconstruct the «authorised discourse» of the late Soviet and post-Soviet eras, the study draws on the conceptual tools of poststructuralism (the works of M. Foucault on power or knowledge, J. Derrida on deconstruction) and borrows from the arsenal of Soviet subjectivity studies, as developed in the works of S. Kotkin, I. Halfin, and J. Hellbeck. This integrated approach allows the article to move from a purely historiographical description of terminology to an explanation of the cyclical nature of post-Stalinist historical consciousness.

Poststructuralism or postmodernism

The fundamental theoretical works (classics of poststructuralism) traditionally include the studies of J. Derrida [1; 2], M. Foucault [3; 4], G. Deleuze and F. Guattari [5; 6]. J. Derrida laid the foundations of the poststructuralist approach to text and the analysis of writing, to the methodology of deconstructing historical sources. M. Foucault laid the foundations for the discursive analysis of history, showing the temporal (epochal) differences in the structures of thinking that determine the possibility of knowledge. G. Deleuze and F. Guattari focused their attention on the critique of linear models of history.

The theoretical basis of postmodernist historiography was formed by the works of J.-F. Lyotard [7], who shaped the philosophical foundations of postmodernism, R. Barthes [8], who proclaimed the «death» of the author as the sole source of the meaning of the text, H. White [9], who showed that the historical work is a narrative subject to the laws of literature (the linguistic turn in historiography), and F. Ankersmit [10; 11], who explored the role of metaphor in historical knowledge. The prefix *post-* in contemporary historiography has ceased to be merely a simple marker of chronological sequence. It has been transformed into a conceptual tool, denoting not so much about «time after» as about a qualitative break, a critical rethinking and a methodological challenge to the preceding period, paradigm or structure.

Let us briefly dwell on the main ideas of poststructuralism and postmodernism borrowed by historical science in the study of Stalinism and post-Stalinism. First of all, let us note that for these philosophical paradigms the very assertion «history is a science» is unacceptable or, in a milder form, highly controversial. For them, history is to a greater extent a literary narrative, a discourse and a struggle over memory. They consider it impossible to find the only correct truth about the past and to construct universal theories of historical development. Thus, in the interpretation of poststructuralism and postmodernism, history ceases to be a science in the classical (positivist) sense, but can be viewed as a special form of discourse or narrative.

We use the term «discourse» in the sense of a historically and culturally conditioned system of language use that is inextricably linked to power. Discourse does not simply describe reality, but constructs it, creating the categories in which people think (for example, progress or regress, revolution or counterrevolution, allies or adversaries, one's own or alien). The word «narrative» in history means not just a form of exposition, but a way of giving meaning to the past. Postmodern theory asserts that the historian deals with a chaotic set of facts, documents, and testimonies. This set in itself has no meaning. Meaning appears only when the historian arranges these facts into a coherent narrative, when they create a narrative.

Soviet subjectivity

In Anglophone historiography of Soviet studies from the mid-1990s onwards, the influence of poststructuralism was most vividly manifested within the framework of the «new cultural history», which studied Soviet subjectivity, i. e. the formation of Soviet people's identity under the influence of authoritative discourse (the official language of the party and the state). Proponents of this approach believe that the binary opposition *power – society* (or *Stalinist regime – population*) does not allow explaining the complexity of Soviet transformations. Instead of studying resistance or adaptation, the focus of research should shift to analysing the strategies of mastering «Sovietness», turning it into an element of the Stalin-era people's own «self».

The first fundamental study in this direction was S. Kotkin's monograph «Magnetic mountain: Stalinism as a civilization» [12] (a brief Russian-language retelling of the monograph, proposed by the author, is available

in No. 1 of 2011 Ural Historical Journal). Although S. Kotkin did not position his work as poststructuralist, it became fundamental for subsequent research. He introduced the concept of «speaking in Bolshevik manner», denoting the desire of Soviet people to use the official language to maintain or gain a solid position in Stalinist society[1]. One can assume that the author was here reinterpreting the concept of «doublethink» by G. Orwell, used in his famous book «Nineteen eighty-four» [13].

Studies of Soviet subjectivity rely on poststructuralist methodology for analysing how Soviet people constructed themselves through language and practices. Doublethink appears not as a deviation, but as a normal mode of functioning of the subject in conditions where official discourse requires simultaneous belief in contradictions, i. e., not as a pathology, but as an adaptive mechanism. The analysis of Soviet subjectivity is especially important for understanding of the poststructuralist influence on the study of Stalinism and post-Stalinism. Researchers turned to ego-documents (diaries, letters, autobiographies) from the Stalin era to show how Soviet people «from within» perceived and absorbed ideology.

The best-known researchers in this direction are I. Halfin and J. Hellbeck. When formulating the tasks of the new direction in the study of Stalinist subjectivity, they turned precisely to S. Kotkin's monograph [14]. The scholarly stances of I. Halfin and J. Hellbeck were further articulated in the forum «Analysis of subjectivisation practices: thinking theoretically about the cultural and linguistic turns in Soviet studies»[2]. Then I. Halfin [15–17] applied poststructuralist epistemology to the analysis of party purges, class consciousness and the discourse of salvation in the early Soviet period, showing how language defined the bounds of the permissible in Soviet realities. J. Hellbeck [18] rejects the notion of a «public or private» dichotomy in the Stalin era, of Soviet people as passive victims of propaganda, and seeks to prove that many of them sincerely wanted to transform themselves into «new people» worthy of living under socialism. The collection of articles on autobiographical practices in Russia, including works by key authors of the direction is also noteworthy [19].

A fitting place in the context of discussions around the new research direction is occupied by S. Fitzpatrick's work «Tear off the masks! Identity and imposture in twentieth-century Russia» [20]. In the historiographical part, the author writes about her attitude towards the works of historians of the Soviet subjectivity school. She confirms her commitment to the school of social history, but at the same time emphasises that she does not intend to refute or support the new generation of historians. Her goal is to show her own understanding of the socio-cultural processes of the Stalin period, focusing attention on the identification and self-identification of Soviet people in class society. The author's idea is based on the recognition of the extreme importance of class stratification for the everyday life of Soviet people. She is sceptical about J. Stalin's interpretation of Marxist class theory, but takes seriously the class stratification of citizens carried out by the state. The subject of the study is not the question of the existence or non-existence of classes in their Soviet understanding, but the dependence of a person's life on the class (whether existing or non-existing) to which the state assigned them.

A synthesis of microhistory, intellectual history and the examination of Soviet subjectivity of a specific elite social group was provided by Yu. Slezkine's monograph «The House of Government: a saga of the Russian revolution» [21]. The historian describes the degeneration of the Soviet elite through the fates of the inhabitants of the «House on the embankment» (which became a symbol of the era thanks to Yu. Trifonov's book) in Moscow. The use of the poststructuralist approach allowed the author to show the transit of this social group from an exalted revolutionary ideology first to the routine of everyday life, and then to the tragedy of repression and terror.

One of the key studies of post-Stalinist, late Soviet subjectivity was A. Yurchak's book «Everything was forever, until it was no more: the last Soviet generation» [22]. The author shows how the last Soviet generation, starting from the 1950s, lived simultaneously inside the system and outside it, creating its own meaningful reality in which a fundamental transformation («the shift») in the perception of the official language of ideological discourse occurred at the level of ideology, language and rituals. External loyalty ceased to signify internal agreement.

Undoubtedly, the named studies do not exhaust the list of fundamental works analysing Stalinist and post-Stalinist historical time. But they allow us to identify the key contradictions of post-Stalinism as a stage of Soviet history. The institutional legacy, i. e. the party-state apparatus, the power structures, the mechanisms of the planned economy created or finally taking shape under J. Stalin, were not dismantled. The socio-psychological, mental state of a society that had experienced the trauma of terror, war and total control could not change instantaneously. As it adapted to the new conditions, the sense of fear weakened, but the psychology of anxiety persisted, and finally, the erosion of the ideological basis of power. The critique of the cult of personality at the 20th Communist Party Congress gave rise to a strategic crisis, doubts about the true nature of the system. These contradictions determined the most important characteristic of post-Stalinism as a cyclical

[1] A brief Russian-language summary of the monograph of S. Kotkin «Stalinism as a civilization» // Ural Hist. J. 2011. No. 1. P. 77–81 (in Russ.).

[2] Analysis of subjectivisation practices: thinking theoretically about the cultural and linguistic turns in Soviet studies // Ab Imperio. 2002. No. 3. P. 209–417.

process of partial return to J. Stalin's legacy, rather than a linear path from Stalinism to modernity.

The author and his colleagues have already demonstrated the productivity of the poststructuralist lens when applied to the post-Soviet space: a historical region, in contrast to an administrative unit, is a mental construct shaped by complex narratives, memory, and the discursive practices of power [23].

Several stages can be clearly distinguished in this cyclical process. Note that we use precisely the term «stage», since it denotes a qualitative temporal characteristic of a process. The boundaries of a stage are determined by qualitative shifts, they always presuppose movement, transition, development, indicating a stage of development or attenuation of a process. The term «period» is used as a chronological framework, and in historical research these concepts are complementary: a period is divided into stages, stages combine to form a period.

After J. Stalin's death, the authorities condemned mass terror, blaming it personally on the leader (and selectively on some persons from his entourage), liquidated the camp system and carried out mass rehabilitation. Although many researchers rightly emphasise the limited nature of the regime's criticism of J. Stalin's personal power, from our point of view this stage should be regarded as a qualitative change in the moral-psychological state of society. If the Stalinist system was based on a combination of fear and faith, the new Soviet leadership relegated fear to the background (though it did not abandon its use), attempting to bring to the forefront faith, a return to the Leninist norms of socialism. The political and economic foundations of the regime remained virtually unchanged.

After the change of the Soviet leadership in the mid-1960s, criticism of J. Stalin's personality is curtailed, and a partial rehabilitation of his era as a time of order and sovereign power takes place. However, it should be noted that J. Stalin does not return to the areopagus of national heroes. Mass terror does not return either. A special role in the legitimisation of power is assumed by the image of V. Lenin, while the victory in the Great Patriotic War, along with the victory of the Great October Socialist Revolution, are positioned as the most important events of the Soviet era. The political and economic foundations of the regime remain unchanged as before.

A radical critique of J. Stalin and Stalinism was undertaken after a new change of Soviet leadership in the mid-1980s. At this time, the image of J. Stalin was transmitted to the mass consciousness as the image of a tyrant, one of the cruelest rulers in world history. For the first time, the authorities attempted to dismantle the foundations of the Stalinist system, but were unable to keep the process under their control. The Soviet Union ceased to exist, the new independent post-Soviet states became the actors of the historical process.

The new stage of post-Stalinism can no longer be regarded as a single process across the post-Soviet space. The preservation (or, conversely, the dismantling) of the institutional framework of the Stalinist system and the formation of historical memory about J. Stalin and Stalinism in post-Soviet states are categorically different. The multi-vector nature of this process allows us to see the deep connection of post-Stalinism with the phenomenon of post-Sovietness and to recognise the inevitability of a multiplicity of paths out of both «posts».

Conclusions

In a comparative perspective, the viability of the term «post-Stalinism» is becoming increasingly evident. It embeds the Soviet experience into a range of global historical processes analysed through the prism of prefix *post-*, the most well-known of which are post-Soviet and post-imperial (post-colonial) paradigms.

Of course, the widespread dissemination of the post-paradigm has not been without serious criticism. Excessive emphasis on fragmentation, in the opinion of a number of scholars, makes generalisation and social analysis impossible, depriving history of its critical and explanatory functions. Moreover, there is a danger that prefix *post-* is turning into a fashionable label, mechanically stuck onto any topic.

However, despite the criticism, the post-approach is becoming increasingly in demand among researchers. Most historians today adopt a «golden mean» position: they recognise the constructive nature of the historical narrative and the influence of discourse, but do not abandon the search for reliable facts and explanatory models based on thorough work with sources.

The prefix *after* (*post-*) has undergone an evolution from a simple chronological indicator to a profound epistemological concept. It marked the transition from a belief in objective, linear history to an understanding of history as a field of interpretations, a struggle over memory and the production of identities. The derivatives of this paradigm have made it possible to focus on the consequences of major historical ruptures, the problem of legacy, and the complex processes of deconstructing old and constructing new meanings.

Post-Stalinism reminds us that the task of the historian consists not only in the (extremely problematic) attempt at an objective description and evaluation of the past, but also in understanding how society comprehends its past, how it copes (or fails to cope) with trauma, how it constructs its identity. In this sense, the use of prefix *post-* in historical research signifies the maturity of the discipline, its capacity for self-reflection and openness to interdisciplinary influences.

References

1. Derrida J. *De la grammatologie*. Paris: Les Éditions de Minuit; 1967. 448 p.
2. Derrida J. *L'écriture et la différence*. Paris: Aux Éditions du Seuil; 1967. 439 p.
3. Foucault M. *L'Archéologie du savoir*. Paris: Éditions Gallimard; 1969. 288 p.
4. Foucault M. *Les Mots et les Choses: une archéologie des sciences humaines*. Paris: Éditions Gallimard; 1966. 400 p.
5. Deleuze G. *Différence et répétition*. Paris: Presses Universitaires de France; 1969. 412 p.
6. Deleuze G, Guattari F. *L'Anti-Œdipe: capitalisme et schizophrénie*. Paris: Les Éditions de Minuit; 1972. 494 p.
7. Lyotard J-F. *La condition postmoderne: rapport sur le savoir*. Paris: Les Éditions de Minuit; 1979. 128 p.
8. Barthes R. La mort de l'auteur. *Manteia*. 1968;5:61–67.
9. White H. *Metahistory: the historical imagination in nineteenth-century Europe*. Baltimore: Johns Hopkins University Press; 1973. 448 p.
10. Ankersmit FR. *History and tropology: the rise and fall of metaphor*. Berkeley: University of California Press; 1994. 336 p.
11. Ankersmit FR. *Narrative logic: a semantic analysis of the historian's language*. The Hague: Martinus Nijhoff; 1983. 265 p.
12. Kotkin S. *Magnetic mountain: Stalinism as a civilization*. Berkeley: University of California Press; 1995. 639 p.
13. Orwell G. *Nineteen eighty-four*. London: Secker and Warburg; 1949. 312 p.
14. Halfin I, Hellbeck J. Rethinking the Stalinist subject: Stephen Kotkin's «Magnetic mountain» and the state of Soviet historical studies. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1996;3:456–463.
15. Halfin I. *From darkness to light: class, consciousness, and salvation in revolutionary Russia*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press; 2000. 474 p.
16. Halfin I. *Intimate enemies: demonizing the Bolshevik opposition, 1918–1928*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press; 2007. 416 p.
17. Halfin I. *Stalinist confessions: messianism and terror at the Leningrad Communist University*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press; 2009. 496 p.
18. Hellbeck J. *Revolution on my mind: writing a diary under Stalin*. Cambridge: Cambridge University Press; 2006. 448 p.
19. Hellbeck J, Heller K, editors. *Autobiographical practices in Russia*. Göttingen: V &R Unipress; 2004. 288 p.
20. Fitzpatrick S. *Tear off the masks! Identity and imposture in twentieth-century Russia*. Princeton: Princeton University Press; 2005. 332 p.
21. Slezkine Yu. *The House of Government: a saga of the Russian revolution*. Princeton: Princeton University Press; 2017. 1104 p.
22. Yurchak A. *Everything was forever, until it was no more: the last Soviet generation*. Princeton: Princeton University Press; 2005. 352 p.
23. Меньковский ВИ, Шмигель М, Жеребцов ИЛ. Центральная Азия как исторический регион. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2023;4:54–62. EDN: KOZVZZ.

Received 06.05.2026 / revised 05.07.2026 / accepted 09.07.2026.

Тематический раздел

Тэматычны раздзел

Special topic section

Великая Отечественная война в исторической памяти Беларуси

Вялікая Айчынная вайна ў гістарычнай памяці Беларусі

The Great Patriotic War in the historical memory of Belarus

УДК 94(476-074)«1942/1944» + 343.337.5(476-074)(091)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БЕЛОРУССКОГО ШТАБА ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ ПО ФИКСАЦИИ ФАКТОВ НАЦИСТСКОГО ГЕНОЦИДА НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В 1942–1944 гг.

С. В. КУЛИНОК[1), 2)]

[1)]*Национальный архив Республики Беларусь, пр. Независимости, 116, 220114, г. Минск, Беларусь*
[2)]*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*

Аннотация. Выявлены и датированы ранее неизвестные факты совершения нацистскими оккупантами и их пособниками преступлений против гражданского населения Беларуси в 1942–1944 гг. Определены несколько основных групп преступлений, зафиксированных в отчетных документах Белорусского штаба партизанского движения: уничтожение

Образец цитирования:
Кулинок СВ. Деятельность Белорусского штаба партизанского движения по фиксации фактов нацистского геноцида на оккупированной территории Беларуси в 1942–1944 гг. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2026;3:63–70.
EDN: MWVPUX

For citation:
Kulinok SV. The activities of the Belarusian Headquarters of the Partisan Movement to record the facts of the nazi genocide in the occupied territory of Belarus in 1942–1944. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2026;3:63–70. Russian.
EDN: MWVPUX

Автор:
Святослав Валентинович Кулинок – кандидат исторических наук; заместитель директора[1)], доцент кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени исторического факультета[2)].

Author:
Svyatoslav V. Kulinok, PhD (history); deputy director[a] and associate professor at the department of the history of Belarus of new and contemporary times, faculty of history[b].
zam2dir@mail.narb.by

CC BY NC

сельских населенных пунктов, истязание и уничтожение мирных жителей, проведение карательных операций, угон гражданского населения на принудительные работы, создание лагерей смерти и мест принудительного содержания, проведение «Акции-1005». Установлено, что в Белорусском штабе партизанского движения полученные сведения анализировались и перепроверялись, затем включались в состав отчетных документов – оперативных и разведывательных сводок, которые рассылались во все военно-политические органы и организации (Главное разведывательное управление Генерального штаба ВС СССР, Центральный штаб партизанского движения, ЦК КП(б)Б, Народный комиссариат государственной безопасности БССР, оперативные отделы фронтов и др.), в результате чего на государственном уровне осуществлялась фиксация преступлений оккупантов по горячим следам.

Ключевые слова: Белорусский штаб партизанского движения; Великая Отечественная война; геноцид; уничтожение деревень; оперативная сводка; разведывательная сводка.

ДЗЕЙНАСЦЬ БЕЛАРУСКАГА ШТАБА ПАРТЫЗАНСКАГА РУХУ ПА ФІКСАЦЫІ ФАКТАЎ НАЦЫСЦКАГА ГЕНАЦЫДУ НА АКУПАВАНАЙ ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ Ў 1942–1944 гг.

С. В. КУЛІНОК[1*, 2*]

[1*]*Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь, пр. Незалежнасці, 116, 220114, г. Мінск, Беларусь*
[2*]*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь*

Анатацыя. Выяўлены і датаваны раней невядомыя факты ўчынення нацысцкімі акупантамі і іх памагатымі злачынстваў супраць грамадзянскага насельніцтва Беларусі ў 1942–1944 гг. Вызначаны некалькі асноўных груп злачынстваў, зафіксаваных у справаздачных дакументах Беларускага штаба партызанскага руху: знішчэнне сельскіх населеных пунктаў, катаванне і знішчэнне мірных жыхароў, правядзенне карных аперацый, згон грамадзянскага насельніцтва на прымусовыя працы, стварэнне лагераў смерці і месцаў прымусовага ўтрымання, правядзенне «Акцыі-1005». Устаноўлена, што ў Беларускім штабе партызанскага руху атрыманыя звесткі аналізаваліся і перапраўляліся, затым уключаліся ў склад справаздачных дакументаў – аператыўных і разведвальных зводак, якія рассылаліся ва ўсе ваенна-палітычныя органы і арганізацыі (Галоўнае разведвальнае ўпраўленне Генеральнага штаба УС СССР, Цэнтральны штаб партызанскага руху, ЦК КП(б)Б, Народны камісарыят дзяржаўнай бяспекі БССР, аператыўныя аддзелы франтоў і інш.), у выніку чаго на дзяржаўным узроўні ажыццяўлялася фіксацыя злачынстваў акупантаў па гарачых слядах.

Ключавыя словы: Беларускі штаб партызанскага руху; Вялікая Айчынная вайна; генацыд; знішчэнне вёсак; аператыўная зводка; разведвальная зводка.

THE ACTIVITIES OF THE BELARUSIAN HEADQUARTERS OF THE PARTISAN MOVEMENT TO RECORD THE FACTS OF THE NAZI GENOCIDE IN THE OCCUPIED TERRITORY OF BELARUS IN 1942–1944

S. V. KULINOK[a, b]

[a]*National Archives of the Republic of Belarus, 116 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220114, Belarus*
[b]*Belarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

Abstract. Previously unknown facts of crimes committed by the nazi occupiers and their accomplices against the civilian population of Belarus in 1942–1944 have been identified and dated. Several main groups of crimes, which are recorded in the reporting documents of the Belarusian Headquarters of the Partisan Movement, have been identified: destruction of rural settlements, torture and extermination of civilians, deportation of the civilian population for forced labour, conducting punitive operations, creation of death camps and places of forced detention, implementation of «Action-1005». It was established that the information received at the Belarusian Headquarters of the Partisan Movement was analysed and rechecked, then included in the reporting documents – operational and intelligence reports, which were sent to all military-political bodies and organisations (the Main Intelligence Directorate of the General Staff of the USSR Armed Forces, the Central Headquarters of the Partisan Movement, the Central Committee of the Communist Party (Bolsheviks) of Belarus, the People's Commissariat of State Security of the BSSR, operational departments of the fronts, etc.), as a result of which, at the state level, the crimes of the occupiers were recorded while they were still fresh.

Keywords: Belarusian Headquarters of the Partisan Movement; Great Patriotic War; genocide; destruction of villages; operational summary; intelligence summary.

Введение

Актуальность темы настоящей статьи определяется тем, что за весь послевоенный период не было проведено ни одного системного и глубокого научного исследования истории Белорусского штаба партизанского движения (БШПД) и той значительной работы по фиксации фактов преступлений нацистов и их пособников против гражданского населения Беларуси, которую он осуществлял. Характерной особенностью советской историографии являлось развитие историко-партийного направления, акцентировавшего внимание на эффективности партизанских действий, изучении руководящей роли коммунистической партии в организации всенародной борьбы и интернациональном характере партизанского движения. Большинство работ того времени носили описательный характер. Публикации находились под пристальным вниманием участников партизанской войны, которые имели свой взгляд на военные события, а историография характеризовалась относительной узостью источниковой базы. Советские историографы стремились показать, что БШПД, как руководящий орган партизанского движения, подчинялся ЦК КП(б)Б, а не Центральному штабу партизанского движения (ЦШПД). Однако данное положение верно лишь отчасти. Действительно, роль партии и ее влияние на работу партизанского штаба были значительными, но БШПД подчинялся непосредственно ЦШПД. Это подчинение хорошо прослеживается на примере документооборота: первые экземпляры отчетов, оперативных и разведывательных сводок, донесений БШПД отправлял именно в ЦШПД, а не в партийные органы.

Обзор историографии БШПД необходимо начать с научных работ руководителей партизанского движения П. З. Калинина и П. К. Пономаренко [1; 2], опубликованных в 1970-х гг. В них авторы показывают процесс централизации партизанской борьбы и отдельные аспекты работы БШПД и ЦШПД, акцентируя внимание на руководящей роли коммунистической партии.

Продолжалось изучение деятельности БШПД и в 1980-х гг. Итогом работы группы белорусских историков стал выход фундаментального 3-томного издания «Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны» [3–5]. В данном труде отражены создание на оккупированной территории партизанских отрядов и групп, их боевая деятельность, ведение партизанами и подпольщиками разведки и контрразведки, удары по коммуникациям противника, разгромы вражеских гарнизонов, партизанские рейды и другие аспекты всенародной борьбы.

В 1980 г. была издана монография белорусского историка В. К. Киселева, посвященная разведывательной деятельности белорусских партизан [6]. На основе большого количества архивных документов ученый описал процессы формирования, развития разведывательных органов партизанских соединений и штабов, результаты их деятельности за сентябрь 1943 – июль 1944 г. В исследовании отмечены основные направления деятельности БШПД по активизации разведывательной работы партизан. Также В. К. Киселев всячески подчеркивал главенствующую роль партийного руководства в разведывательной деятельности.

В 1984 г. была опубликована статья В. К. Киселева «Борьба партизан с подрывной деятельностью фашистских спецслужб в Белоруссии» [7], в которой рассмотрено противостояние партизанской разведки и контрразведки немецким секретным органам. В работе затронуты вопросы деятельности БШПД по организации контрразведывательных мероприятий в отрядах и бригадах.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. тема партизанского движения получила новое развитие. В рассматриваемый период у историков и исследователей появилась возможность работы с новыми документами, была устранена идеологическая цензура, увеличилось число конструктивных дискуссий и научных споров о новых направлениях исследований, в том числе исследований источниковедческого характера [8–10].

Начиная с 2000-х гг. непосредственными объектами исследований становятся руководящие органы партизанского движения – ЦШПД и БШПД [11–18]. Стоит отметить, что работы, посвященные им, опубликованы в форме научных статей и небольших по объему брошюр. Комплексного изучения данной темы белорусские ученые до настоящего времени не провели.

Сегодня центрами исследования темы партизанского движения являются Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ), Институт истории НАН Беларуси, а также исторический факультет Белорусского государственного университета [19]. Источниковая база рассматриваемой проблемы представлена прежде всего документами фонда № 1450 (Белорусский штаб партизанского движения) НАРБ. В настоящий момент фонд состоит из 24 описей и 11 108 дел. Необходимо отметить, что весь корпус документов поддается различным типам классификации (видовой, хронологической, тематической классификации, а также классификации по месту создания и др.), что позволяет выделять группы документов в зависимости от целей и задач исследования. Кроме того, ряд архивных материалов по

обозначенной теме были опубликованы в сборниках документов[1].

Проведенный обзор исследований позволяет заключить, что деятельность БШПД до настоящего времени не получила системного и комплексного изучения. В фокусе внимания исследователей оказались отдельные направления деятельности штаба и сюжеты, связанные с его работой. Данное обстоятельство и обусловило выбор темы настоящего исследования.

Основная часть

С первых дней оккупации Беларуси нацисты начали проводить на захваченной территории политику геноцида. На основе данных Генеральной прокуратуры Республики Беларусь установлено, что за годы войны нацисты и их пособники провели не менее 187 крупных карательных операций. Пострадали и были разрушены (частично или полностью) не менее 12 868 сельских населенных пунктов. Для уничтожения мирного населения и советских военнопленных были созданы 578 лагерей смерти и мест принудительного содержания[2]. Партизаны по горячим следам фиксировали факты совершенных оккупантами преступлений (составляли акты, указывали сведения в отчетных документах и т. д.) и направляли эту информацию в ЦК КП(б)Б. После создания штабов партизанского движения значительная часть информации начала аккумулироваться именно в них.

БШПД был образован постановлением Государственного комитета обороны СССР от 9 сентября 1942 г. № 2285сс. В документе указывалось:

«1. В целях усиления связи и руководства партизанскими отрядами в Белоруссии и дальнейшего развития движения образовать Белорусский штаб партизанского движения.

2. Белорусский штаб партизанского движения подчинить Центральному штабу партизанского движения.

3. Назначить начальником Белорусского штаба партизанского движения тов. Калинина П. З. (второй секретарь ЦК КП(б) Белоруссии)»[3] (здесь и далее цитаты приводятся с сохранением языковых особенностей оригинала).

В соответствии с табелем срочных донесений от 10 октября 1942 г. партизанские формирования с определенной периодичностью направляли различного рода отчетные документы, которые аккумулировались в разведывательном и оперативном отделах БШПД[4]. На основании поступивших из партизанских формирований материалов готовились итоговые отчетные документы – оперативные и разведывательные сводки БШПД. Следует отметить, что оперативные и разведывательные сводки составлялись в нескольких экземплярах (от 7 до 12) и отправлялись во все важнейшие военные и партийные органы: Главное разведывательное управление Генерального штаба ВС СССР, ЦШПД, ЦК КП(б)Б, Народный комиссариат государственной безопасности БССР, оперативные отделы фронтов и др. Оперативные и разведывательные сводки БШПД составлялись каждые 3 дня. Согласно рекомендациям ЦШПД по созданию разведывательных сводок в них необходимо было отражать данные о подготавливаемых немецким командованием операциях против партизанских отрядов, в том числе карательных операциях, и расположении мест принудительного содержания с указанием количества военнопленных, их настроения, сведений о режиме и охране этих лагерей[5]. В рекомендациях от 3 июля 1943 г. к этим пунктам добавились требования по фиксации информации о «мобилизации и угоне гражданского населения» и «борьбе противника с партизанами»[6].

Отметим, что БШПД тщательно относился к отбору соответствующих сведений и их размещению в отчетных документах. Разведывательные данные

[1]Белорусский штаб партизанского движения, сентябрь – декабрь 1942 года : док. и материалы / Департамент по арх. и делопроизводству М-ва юстиции Респ. Беларусь, Нац. арх. Респ. Беларусь, Рос. гос. арх. соц.-полит. истории ; сост.: В. Д. Селеменев [и др.]. Минск : Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 2017. 460, [1] с. ; Оперативные сводки Белорусского штаба партизанского движения, январь – июль 1944 г. : док. и материалы / Департамент по арх. и делопроизводству М-ва юстиции Респ. Беларусь, Нац. арх. Респ. Беларусь, фонд «Историческая память» ; сост.: В. Д. Селеменев [и др.]. Минск : Нац. арх. Респ. Беларусь, 2019. 380 с. ; Оперативные и разведывательные сводки Белорусского штаба партизанского движения: 1944 год [Электронный ресурс]. Минск : Нац. арх. Респ. Беларусь, 2019. 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM) (Партизанский архив) ; Сводки и спецсообщения руководящих органов партизанского движения в Беларуси: 1942 год [Электронный ресурс] : сб. док. Минск : Нац. арх. Респ. Беларусь, 2020. 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM) (Партизанский архив) ; Оперативные и разведывательные сводки Белорусского штаба партизанского движения: 1943 год [Электронный ресурс] : сборник. Минск : Нац. арх. Респ. Беларусь, 2020. 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM) (Партизанский архив).

[2]Расследование уголовного дела о геноциде // Генеральная прокуратура Республики Беларусь : сайт. URL: https://www.prokuratura.gov.by/ru/activity/rassledovanie-ugolovnogo-dela-o-genotside/ (дата обращения: 16.05.2026).

[3]Беларусь в постановлениях и распоряжениях Государственного комитета обороны СССР, 1941–1945 гг. : справочник / Департамент по арх. и делопроизводству М-ва юстиции Респ. Беларусь [и др.] ; сост.: В. Д. Селеменев [и др.]. Минск : Нац. арх. Респ. Беларусь, 2008. С. 23.

[4]НАРБ. Ф. 1450 (Белорусский штаб партизанского движения). Оп. 17. Д. 1. Л. 10–11 об.

[5]Там же. Оп. 1. Д. 1. Л. 21–21 об.

[6]Там же. Л. 19.

по одному или нескольким близким вопросам или темам перепроверялись посредством сравнения информации из разных источников (донесений нескольких бригад и не связанных между собой агентов). В ряде случаев делались запросы в партизанские формирования в целях дополнительного уточнения полученных сведений.

Анализ 115 оперативных и 176 разведывательных сводок за период с сентября 1942 по июль 1944 г. позволил определить, что в 76 сводках (26 %) зафиксированы факты совершения нацистами и их пособниками преступлений. Можно выделить следующие группы геноцидных практик, отраженных в указанных документах: 1) уничтожение сельских населенных пунктов; 2) истязание и уничтожение мирных жителей; 3) проведение карательных операций; 4) угон гражданского населения на принудительные работы; 5) создание лагерей смерти и мест принудительного содержания; 6) проведение «Акции-1005».

Так, в сентябре 1942 г. на территории Витебской области была проведена карательная операция «Рысь». В разведывательной сводке от 19 октября 1942 г. № 18 отмечалось, что с 20 по 26 сентября «…в Сенненском, Витебском и Бешенковичском районах передвигался карательный отряд силой до 1500 человек – казачье-кавалерийская часть и пехота из “русской национальной армии”… В Витебском и Бешенковичском районах данный карательный отряд занимался повальным грабежом местного населения. В частности, в д[еревнях] Тебрешево и Полтево у населения забрали весь крупный рогатый и мелкий скот и отправили, куда не известно»[7]. По состоянию на 16 сентября 1942 г. «за содействие партизанам со стороны местного населения карательный отряд (до 100 человек) в д. Приветки расстрелял 30 человек мужчин и 8 человек женщин, часть населения бежала в леса»[8]. 30 января 1943 г. карательный отряд из 10 немцев и 90 полицаев совершил внезапный налет на д. Лучицы. Каратели расстреляли 6 мирных жителей, сожгли 5 дворов и угнали скот[9].

В феврале 1943 г. в БШПД из партизанской бригады «Неуловимые» поступили сведения о том, что в ноябре 1942 г. немцы послали большой карательный отряд численностью до 20 000 человек в треугольник Молодечно – Мядель – Свирь. Результаты этой экспедиции зафиксированы в оперативной сводке БШПД от 16 февраля 1943 г. № 11: «…было сожжено 35 деревень со всем населением. Часть жителей сгорела живьем, часть расстреляна»[10].

Итоги проведения нацистской карательной операции «Шаровая молния» отражены в оперативной сводке БШПД от 1 апреля 1943 г. № 12: «В Суражском и Городокском районах гитлеровцы выжгли все деревни в Щелбовских лесах, истребили до 30 000 местных жителей, забрали весь крестьянский скарб, до 1500 подвод хлеба, 7000 голов скота, связали оставшимся людям руки, увезли и угнали с собой в глубокий тыл»[11].

Кроме того, БШПД зафиксировал факт использования гражданского населения для разминирования минных полей. Так, в ходе проведения нацистской карательной операции «Весенний праздник» на территории Полоцко-Лепельской партизанской зоны (март – апрель 1944 г.) «немцы гнали впереди наступающих частей местных жителей – женщин и детей»[12].

В отчетных документах БШПД отражен ряд фактов применения оккупантами авиации для уничтожения белорусских деревень[13]. В феврале 1943 г. в результате авиабомбардировок были «сожжены населенные пункты Черемшице, Луже»[14]. 31 марта и 1 апреля 1943 г. с помощью авиации была наполовину сожжена д. Славковичи, ранены и убиты некоторые ее жители[15]. В мае этого же года противники посредством зажигательных бомб сожгли д. Валавск Ельского района, посредством авиации – 120 дворов в д. Персток[16]. В оперативной сводке БШПД от 11 августа 1943 г. № 30 зафиксировано, что 27 июля 1943 г. «…два немецких бомбардировщика бомбили д. Майзнорово (10 км южнее Червеня). Сожжены 19 домов… три немецких бомбардировщика бомбили д. Гребенец (13 км южнее Червеня). Сожжены 40 домов»[17]. По сообщению командира 3-й Белорусской бригады А. Я. Марченко, «бомбардировщик противника с 1 августа ежедневно с 6–8 часов утра бомбит и обстреливает деревни Полоцкого района: Козьи Горки, Кобыльники и Заболотье»[18]. В конце сентября 1943 г. немецкие самолеты уничтожили деревни Большие Белевичи, Малые Белевичи, Борок, Красная Слобода Могилёвского района, а также осуществили бомбардировку населенных пунктов

[7]НАРБ. Ф. 1450 (Белорусский штаб партизанского движения). Оп. 3. Д. 20. Л. 73–73 об.
[8]Там же.
[9]Там же. Д. 175. Л. 27–28.
[10]Там же. Оп. 1. Д. 4. Л. 43.
[11]Там же. Оп. 3. Д. 175. Л. 59.
[12]Там же. Оп. 2. Д. 7. Л. 323.
[13]Названия населенных пунктов приводятся с сохранением языковых особенностей оригинала. Их современные названия и территориальная принадлежность могут отличаться от указанных в настоящем исследовании.
[14]НАРБ. Ф. 1450 (Белорусский штаб партизанского движения). Оп. 3. Д. 175. Л. 40.
[15]Там же. Л. 71.
[16]Там же. Л. 110, 148.
[17]Там же. Оп. 2. Д. 957. Л. 133.
[18]Там же. Оп. 1. Д. 4. Л. 283.

Бегомльского, Плещеницкого и Логойского районов, сожгли деревни Череповщина, Красное, Двиноса, Ходак и Рогозин[19]. С 28 декабря немецкая авиация систематически производила «бомбардировку и обстрел населенных пунктов и партизанских баз в районе Швабовки, Заполья, Михедов (20–25 км западнее Борисова)», в результате чего была полностью уничтожена д. Швабовка[20]. С 12 по 14 мая 1944 г. противник ежедневно (4–5 раз в день) бомбил деревни Песочное, Свинка, Роспа, Судки, Палядзи (10–18 км южнее и юго-западнее Узды). В документах отмечается, что в ходе «бомбардировок сожжены более 260 домов и хозяйственных построек», ранены 94 человека и убиты 7 человек из числа местного населения[21].

На системной основе БШПД фиксировал факты уничтожения белорусских деревень в ходе карательных операций и акций возмездия. Так, в оперативных и разведывательных сводках отмечается, что в сентябре – ноябре 1942 г. нацисты и их пособники разрушили сельские населенные пункты Мишино, Халамерье, Моисеево, Стаи[22]. В деревнях Корбаново и Залужье (Витебская область) немцы «расстреляли 10 человек мирных жителей, после чего сожгли деревни и в огонь вбросили несколько детей»[23]. В январе 1944 г. нацисты уничтожили деревни Крынки и Красная Дуброва Речицкого района[24], деревни Понизовье, Березовка, Плоскошь, Алексеевка, Озерки, Шаблы, Заборье-1, Гречишино и другие населенные пункты Суражского, Городокского, Витебского и Лиозненского районов, при этом в деревнях Заборье-1, Хатово и Гречишино были «убиты и сожжены 260 человек мирных жителей – женщин, стариков и детей»[25]. В феврале 1944 г. каратели сожгли деревни Клишево, Железники и Буево (Витебская область)[26], в марте – населенные пункты Залесье и Замошье (16 км западнее Плещениц)[27]. В апреле 1943 г. войска противника уничтожили деревни Казимировка, Буда Казимировская Мозырского района и населенный пункт Вимынь Ельского района. В результате проведения данных карательных операций «сгорели около 700 человек»[28]. В мае в д. Рубежи Стародорожского района немцы сожгли 78 домов, 145 сараев и расстреляли 29 человек[29]. В июне в Журавичском районе Гомельской области карательные отряды противника в д. Каменке сожгли 94 двора из 106 и убили 150 человек, в д. Рисное сожгли 161 двор из 210 и убили 24 человека, а д. Лужск полностью уничтожили. Весь скот и имущество из этих деревень они увезли в Гомель[30]. В марте 1944 г. оккупанты ограбили и сожгли деревни Слобода, Моконь, Стриево, Заболотье, Замостье, Дубники (28–36 км южнее Борисова)[31]. В оперативной сводке БШПД от 20 мая 1944 г. № 30 отмечалось, что в период экспедиции противника с 30 апреля по 10 мая 1944 г. против партизан Червенского и Пуховичского районов в д. Ореховичи немцы сожгли заживо 169 человек, в том числе 76 детей и 92 (?) старика, в д. Очижа – 150 человек, в д. Усоки – 300 человек, в деревнях Новина, Осиновый Мост и Ясная Поляна – более 250 человек, в д. Междуречье – 12 человек[32].

Кроме того, БШПД фиксировал отдельные факты наиболее жестоких преступлений оккупантов. Так, в оперативной сводке БШПД от 24 апреля 1943 г. № 16 указаны подробности гибели семьи колхозника Юхновича, члены которой после зверских издевательств были сожжены. В этой сводке отмечено, что «…многих жителей немцы предварительно калечили, выкручивали и ломали им руки, ноги и живыми бросали в реку Свольна. Девушек насиловали и зверски убивали»[33]. 23 марта 1943 г. в районе д. Горьково Суражского района партизаны обнаружили «…две груды трупов в количестве 137 человек гражданского населения, в том числе много детей в возрасте от 3 до 6 лет. У многих трупов руки были завязаны назад. Трупы обезображены до того, что невозможно установить… личность»[34]. В первой половине мая свыше 700 женщин и детей из д. Коровaтичи Речицкого района были обманным путем собраны в деревне, расстреляны и сожжены карателями[35]. В июле 1943 г. БШПД зафиксировал факт отправки 5 вагонов

[19]НАРБ. Ф. 1450 (Белорусский штаб партизанского движения). Оп. 1. Д. 4. Л. 212, 216.
[20]Там же. Оп. 2. Д. 960. Л. 189.
[21]Там же. Д. 7. Л. 323.
[22]Там же. Д. 1247. Л. 11 об.
[23]Там же. Д. 961. Л. 17.
[24]Там же. Оп. 3. Д. 175. Л. 7.
[25]Там же. Л. 15–18.
[26]Там же. Л. 34.
[27]Там же. Л. 43.
[28]Там же. Д. 20. Л. 110.
[29]Там же. Оп. 1. Д. 4. Л. 277.
[30]Там же. Л. 146.
[31]Там же. Оп. 2. Д. 960. Л. 35.
[32]Там же. Д. 961. Л. 13.
[33]Там же. Оп. 3. Д. 175. Л. 89.
[34]Там же. Оп. 1. Д. 4. Л. 114.
[35]Там же. Оп. 2. Д. 956. Л. 203.

с детьми «для взятия крови с целью переливания ее раненым солдатам и офицерам»[36].

В отчетных документах БШПД нашли отражение и факты реализации на территории Беларуси «Акции-1005», направленной на сокрытие нацистами следов своих преступлений. На местах массового уничтожения населения проводилась эксгумация тел, которые затем сжигались в портативных крематорных печах. Местами проведения этой операции стали Орша[37], Бобруйск[38], д. Еловики Бобруйского района, д. Малый Тростенец Минского района[39], Борисов, Смолевичи[40]. С 27 мая 1944 г. в Березе «немцы приступили к раскопкам массовых могил расстрелянных ими советских граждан и сжиганию трупов», которое производилось «в монастыре и на месте расстрелов»[41].

Также БШПД зафиксировал факты создания нацистами лагерей смерти и мест принудительного содержания[42], насильственного захвата гражданского населения для отправки на работы в Германию и страны Западной Европы[43]. В оперативной сводке БШПД от 24 апреля 1943 г. № 16 указывалось, что «в Освейском районе фашисты в феврале – марте 1943 г. зверски истребили и угнали на каторжные работы 6254 человека из местного населения и сожгли все деревни этого района»[44]. Информация о деятельности дулагов в Бобруйске, Пинске и Бресте содержится в разведывательной сводке БШПД от 8 января 1944 г. № 2 (199)[45].

Заключение

Отчетные документы БШПД (оперативные и разведывательные сводки) составлялись по горячим следам на основе донесений и отчетов партизанских формирований, поэтому они содержат точные датировки и подробности происходивших в 1942–1944 гг. событий. Достоверность полученных материалов тщательно проверялась работниками оперативного и разведывательного отделов БШПД, лишь после этого сведения включались в итоговые сводки. Указанные материалы рассылались во многие руководящие военно-политические органы БССР и СССР, а впоследствии использовались в работе Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, коллективным хозяйствам (колхозам), общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям. Введение этих материалов в научный оборот позволяет верифицировать и дополнить ряд исторических событий, связанных с геноцидом белорусского народа в годы Великой Отечественной войны.

Библиографические ссылки

1. Калинин ПЗ. *Партизанская республика.* 3-е издание. Минск: Беларусь; 1973. 367 с.

2. Пономаренко ПК. Централизация руководства партизанским движением. В: Юденков АФ, редактор. *Партия во главе народной борьбы в тылу врага (1941–1944 гг.).* Москва: Мысль; 1976. с. 191–215.

3. Аржаева ЛВ, Доморад КИ, Игнатенко ИМ, Ильящук ГИ, Купреева АП, Лазебников ВС и др. *Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны. Том 1, Начало войны – осень 1942 г.* Минск: Беларусь; 1983. 590, [1] с.

4. Аржаева ЛВ, Доморад КИ, Иванов ВМ, Крючок РР, Лазебников ВС, Лемешонок ВИ и др. *Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны. Том 2, Ноябрь 1942 г. – декабрь 1943 г.* Минск: Беларусь; 1984. 550, [1] с.

5. Аржаева ЛВ, Гоцман КМ, Доморад КИ, Игнатенко ИМ, Колтунов ГА, Лемешонок ВИ и др. *Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны. Том 3, Сентябрь 1943 г. – июль 1944 г.* Минск: Беларусь; 1985. 530, [1] с.

6. Киселев ВК. *Партизанская разведка, сентябрь 1943 – июль 1944.* Минск: БГУ; 1980. 128 с.

7. Киселев ВК. Борьба партизан с подрывной деятельностью фашистских спецслужб в Белоруссии. *Вопросы истории.* 1984;3:42–56.

8. Пономаренко ПК. *Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков, 1941–1944.* Самсонов АМ, редактор. Москва: Наука; 1986. 439 с.

9. Доморад КИ. *Разведка и контрразведка в партизанском движении в Белоруссии, 1941–1944 гг.* Игнатенко ИМ, редактор. Минск: Навука і тэхніка; 1995. 254, [2] с.

[36]НАРБ. Ф. 1450 (Белорусский штаб партизанского движения). Оп. 1. Д. 4. Л. 196.

[37]Там же. Оп. 2. Д. 957. Л. 154.

[38]Там же. Оп. 1. Д. 4. Л. 521.

[39]Там же. Л. 529.

[40]Там же. Оп. 2. Д. 7. Л. 133–134.

[41]Там же. Л. 391.

[42]Там же. Оп. 1. Д. 4. Л. 60 ; Там же. Оп. 2. Д. 7. Л. 19–20, 295, 364, 391.

[43]Там же. Оп. 3. Д. 175. Л. 88 ; Там же. Оп. 1. Д. 4. Л. 12, 140, 163, 448–449, 489 ; Там же. Оп. 2. Д. 7. Л. 32–33, 133, 351 ; Там же. Д. 957. Л. 4.

[44]Там же. Оп. 3. Д. 175. Л. 88–89.

[45]Там же. Оп. 2. Д. 7. Л. 19–20.

10. Паўлаў ЯС, Літвін АМ, рэдактары. *Беларусь у гады Вялікай Айчыннай вайны. Праблемы гістарыяграфіі і крыніцазнаўства*. Мінск: Беларуская навука; 1999. 251, [2] с.

11. Козел ДА. Белорусский штаб партизанского движения: создание, начало деятельности (сентябрь – ноябрь 1942 г.). *Вести Института современных знаний.* 2008;4:20–24.

12. Літвін АМ. Беларускі партызанскі… Да 65-й гадавіны стварэння Беларускага штаба партызанскага руху. *Беларускі гістарычны часопіс.* 2007;9:3–10.

13. Літвін АМ. Цэнтральны штаб партызанскага руху і Беларусь. *Беларускі гістарычны часопіс.* 2007;5:3–12.

14. Иоффе ЭГ. *Белорусский штаб партизанского движения*. Минск: Республиканский институт высшей школы; 2009. 52 с.

15. Кулинок С. Разведывательные документы Белорусского штаба партизанского движения: виды, структура, информативность (по материалам фонда № 1450 Национального архива Республики Беларусь). *Архивы и делопроизводство.* 2013;4:131–138.

16. Кулинок СВ. Фонд Белорусского штаба партизанского движения: формирование, состав, использование. По документам Национального архива Республики Беларусь. К 75-летию создания БШПД. *Вестник архивиста.* 2017;3:84–98. EDN: ZEOGEB.

17. Шумейко М. Делопроизводство в партизанских отрядах Беларуси в годы Великой Отечественной войны. *Архивы и делопроизводство.* 2005;2:60–66.

18. Кулинок С. Делопроизводство и документооборот в Белорусском штабе партизанского движения в годы Великой Отечественной войны (к 75-летию создания БШПД). *Архивы и делопроизводство.* 2017;5:29–38.

19. Кохановский АГ. Научно-инновационный потенциал исторического факультета Белорусского государственного университета: традиции и современность. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2024;4:7–13. EDN: ZGCHYH.

Получена 29.05.2026 / исправлена 27.06.2026 / принята 02.07.2026.
Received 29.05.2026 / revised 27.06.2026 / accepted 02.07.2026.

УДК 94(476)

НАЦИСТСКИЕ ДЕТСКИЕ ЛАГЕРЯ НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ (1941–1944): К ВОПРОСУ ТИПОЛОГИИ

А. И. КОРСАК[1)]

[1)]*Полоцкий государственный университет им. Евфросинии Полоцкой, ул. Блохина, 29, 211440, г. Новополоцк, Беларусь*

Аннотация. С опорой на архивные документы и материалы расследования уголовного дела о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны, возбужденного Генеральной прокуратурой Республики Беларусь, политика нацистской Германии, проводившаяся в отношении детей на оккупированной территории Беларуси в 1941–1944 гг., определена как часть системной политики эксплуатации и уничтожения белорусского народа. Проанализированы подходы к типологизации нацистских детских лагерей, функционировавших на оккупированной территории Беларуси, в отечественной и зарубежной историографии. На основе накопленного опыта и исследования комплекса архивных документов предложена типология мест принудительного содержания детей. Выделены следующие типы мест принудительного содержания детей: детское гетто, детский донорский лагерь, детский пересыльный лагерь, донорско-распределительный детский лагерь и специализированный детский лагерь.

Ключевые слова: нацистские детские лагеря; детский донорский лагерь; детский пересыльный лагерь; геноцид; Великая Отечественная война; Беларусь.

НАЦЫСЦКІЯ ДЗІЦЯЧЫЯ ЛАГЕРЫ НА АКУПАВАНАЙ ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ (1941–1944): ДА ПЫТАННЯ ТЫПАЛОГІІ

А. І. КОРСАК[1*]

[1*]*Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт імя Еўфрасінні Полацкай, вул. Блахіна, 29, 211440, г. Наваполацк, Беларусь*

Анатацыя. З апорай на архіўныя дакументы і матэрыялы расследавання крымінальнай справы аб генацыдзе насельніцтва Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны, узбуджанай Генеральнай пракуратурай Рэспублікі Беларусь, палітыка нацысцкай Германіі, якая праводзілася ў адносінах да дзяцей на акупаванай тэрыторыі Беларусі ў 1941–1944 гг., вызначана як частка сістэмнай палітыкі эксплуатацыі і знішчэння беларускага народа. Прааналізаваны падыходы да тыпалагізацыі нацысцкіх дзіцячых лагераў, якія функцыянавалі на акупаванай тэрыторыі Беларусі, у айчыннай і замежнай гістарыяграфіі. На аснове назапашанага вопыту і даследавання комплексу архіўных дакументаў прапанавана тыпалогія месцаў прымусовага ўтрымання дзяцей. Выдзелены наступныя тыпы месцаў прымусовага ўтрымання дзяцей: дзіцячае гета, дзіцячы донарскі лагер, дзіцячы перасыльны лагер, донарска-размеркавальны дзіцячы лагер і спецыялізаваны дзіцячы лагер.

Ключавыя словы: нацысцкія дзіцячыя лагеры; дзіцячы донарскі лагер; дзіцячы перасыльны лагер; генацыд; Вялікая Айчынная вайна; Беларусь.

Образец цитирования:
Корсак АИ. Нацистские детские лагеря на оккупированной территории Беларуси (1941–1944): к вопросу типологии. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2026;3:71–79.
EDN: DMKPCX

For citation:
Korsak AI. Nazi children's camps in the occupied territory of Belarus (1941–1944): on the question of typology. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2026;3:71–79. Russian.
EDN: DMKPCX

Автор:
Алеся Иосифовна Корсак – кандидат исторических наук, доцент; проректор по идеологической и воспитательной работе.

Author:
Alesya I. Korsak, PhD (history), docent; vice-rector for ideological and educational work.
a.korsak@psu.by

CC BY NC

Журнал Белорусского государственного университета. История. 2026;3:71–79
Journal of the Belarusian State University. History. 2026;3:71–79

NAZI CHILDREN'S CAMPS IN THE OCCUPIED TERRITORY OF BELARUS (1941–1944): ON THE QUESTION OF TYPOLOGY

A. I. KORSAK[a]

[a]*Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk,*
29 Blahina Street, Navapolack 211440, Belarus

Abstract. Drawing on archival documents and the investigation materials of the Prosecutor General's Office of the Republic of Belarus into the criminal case on the genocide of the Belarusian population during the Great Patriotic War, this article identifies nazi Germany's policy towards children in the occupied territory of Belarus from 1941 to 1944 as part of a systemic policy of extermination and exploitation of the Belarusian people. Approaches to the classification of nazi children's camps in the occupied territory of Belarus in domestic and international historiography are analysed. Based on accumulated experience and a study of a comprehensive set of archival documents, a typology of places of forced detention of children in the occupied territory of Belarus is proposed. The following types of places of forced detention of children are distinguished: children's ghetto, children's donor camp, children's transit camp, donor-distribution children's camp and specialised children's camp.

Keywords: nazi children's camps; children's donor camp; children's transit camp; genocide; Great Patriotic War; Belarus.

Введение

В исторической науке и общественном сознании утвердилось понимание событий Второй мировой войны как величайшей трагедии XX в. Многие аспекты данной трагедии продолжают раскрываться и сегодня, спустя 85 лет с начала Великой Отечественной войны. Долгое время одной из самых болезненных и наименее изученных остается проблема нацистских детских лагерей, функционировавших на оккупированной территории Советского Союза. В Беларуси, где погиб каждый третий житель, эта тема приобретает особое значение, становясь не только предметом исторического исследования, но и важнейшим направлением государственной исторической политики по сохранению памяти жертв нацистской политики геноцида. Результаты расследования уголовного дела о геноциде населения Беларуси в период Великой Отечественной войны, возбужденного Генеральной прокуратурой Республики Беларусь в апреле 2021 г., позволили систематизировать и дополнить уже известные факты, а также выявить малоизвестные места принудительного содержания детей, ввести в научный оборот архивные документы и дать историко-правовую оценку преступлениям, совершенным нацистскими преступниками и их пособниками на оккупированной территории Беларуси в 1941–1944 гг. Под нацистским детским лагерем автор настоящей статьи понимает место принудительного содержания детей в возрасте от 2 до 16 лет, созданное для использования несовершеннолетних в качестве объектов исследования в различных медицинских экспериментах и доноров для солдат вермахта, а также для их привлечения к непосильной физической работе [1, с. 8].

Материалы и методы исследования

Историография проблемы преступлений против детей, совершенных нацистами на оккупированной территории Беларуси, включает публикации советского периода, издания современной отечественной историографии (с 1991 г. по настоящее время) и работы зарубежных историков. В советский период изучение нацистской оккупационной политики проводилось преимущественно в рамках общего нарратива о преступлениях нацистов и их пособников против мирного населения. В фокусе внимания исследователей находились крупные лагеря, существовавшие на территории Беларуси в 1941–1944 гг.: лагерь смерти Тростенец, комплекс лагерей Озаричи, Минское гетто и др.[1] [2; 3]. В целом проблема детства периода Великой Отечественной войны не выделялась в отдельное направление, а рассматривалась в контексте трагедии советского народа.

После распада Советского Союза и обретения Республикой Беларусь независимости появились первые специализированные научные исследования о системе мест принудительного содержания гражданского населения в годы Великой Отечественной войны [4]. Были изданы труды источниковедческого характера об угоне населения Беларуси на принудительные работы на территории нацистской Германии, в которых поднимался вопрос использования детского труда [5]. В полной мере изучен вопрос уничтожения еврейского населения Беларуси[2] [6]. Новый импульс получило исследование темы нацистских карательных операций [7; 8] и лагерей для

[1] *Романовский В. Ф.* Немецко-фашистская оккупационная политика и ее крах в Белоруссии (1941–1944 гг.) : автореф. дис. … д-ра ист. наук : 07.00.02. Минск, 1974. С. 20.

[2] *Корсак А. І.* Генацыд яўрэйскага насельніцтва на тэрыторыі Віцебскай вобласці, 1941–1943 гг. : аўтарэф. дыс. … канд. гіст. навук : 07.00.02. Мінск, 2008. 25 с. ; *Розенблат Е. С.* Нацистская политика геноцида в отношении еврейского населения западных областей Беларуси, 1941–1944 гг. : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. Минск, 1999. 20 с.

военнопленных [9], а также темы уничтоженных и пострадавших сельских населенных пунктов[3]. Стоит отметить, что в контексте данных исследований фрагментарно рассматривалась трагедия детей, которые уничтожались наряду со взрослыми.

Отдельные работы, раскрывающие истории жизни детей в условиях нацистской оккупации Беларуси в 1941–1944 гг., впервые появились в начале 2000-х гг. в виде документальных очерков [10], которые позже с учетом новых достижений исторической науки были дополнены и переизданы [11]. Впервые проблема положения детей на оккупированной территории Витебской области в годы Великой Отечественной войны была поднята в рамках круглого стола. На данном мероприятии научное сообщество и музейные работники рассматривали вопросы функционирования детских домов, воспитанники которых по ряду причин не были эвакуированы в начале военных действий, в условиях нацистской оккупации, а также вопросы угона детей на принудительные работы, использования их труда и т. д. [12].

Своего рода уникальным изданием современной белорусской историографии является работа «Детство войны 1941–1945 гг.: живые свидетельства Беларуси». Аналитический раздел данного издания представлен статьей К. И. Козака о германском оккупационном режиме, действовавшем в Беларуси в 1941–1944 гг. Также в работе раскрыта история детского лагеря, созданного на базе санатория «Крынки» [13].

В 2013 г. вышла монография В. Е. Бездель, в которой впервые в белорусской историографии была комплексно проанализирована нацистская политика геноцида, проводившаяся в отношении детей на территории Беларуси. В работе нашли отражение вопросы германизации подрастающего поколения, принуждения детей к выполнению рабочей повинности, их вывоза на принудительные работы в Германию. Исследователь также показал другую сторону военного детства – активное участие детей в антифашистской борьбе [14].

Зарубежная историография представлена рядом исследований, раскрывающих историю функционирования нацистских концентрационных лагерей в Германии и на оккупированных ею территориях. В этих исследованиях также уделено внимание вопросам массового использования детей из Польши и Советского Союза для принудительных работ в Германии [15; 16]. Как неотъемлемая часть общей трагедии системы концентрационных лагерей, вопрос детей, разделивших всю тяжесть нацистского террора, также освещен в работе Н. Вахсмана [17].

Примером комплексного исследования по смежной тематике выступает коллективная монография «Ленинградские дети в условиях оккупации Северо-Запада РСФСР в период Великой Отечественной войны (1941–1944 гг.)», которая является результатом реализации научного проекта под руководством российского ученого Е. Е. Красноженовой. По мнению Е. Е. Красноженовой, карательная политика нацистских оккупантов была в первую очередь направлена на уничтожение гражданского населения, в том числе детей и подростков, на оккупированной территории Северо-Запада РСФСР [18]. В одной из работ немецкого историка Б. Кьяри через призму школьного образования, детских домов, беспризорничества также показана проблема детства на оккупированной территории Беларуси [19].

Гражданское население Беларуси массово вывозилось и уничтожалось в крупнейших концентрационных лагерях, функционировавших на территории Польши (лагеря Освенцим, Майданек, Треблинка и др.). Подробно данная тема раскрыта в фундаментальном многотомном издании «Место террора. История нацистских концентрационных лагерей» («Der Ort des Terrors. Geschichte der nationalsozialistischen Konzentrationslager») под редакцией В. Бенца и Б. Дистель [20]. В нем охарактеризована система концентрационных лагерей, в порядке создания описаны все основные концентрационные лагеря и их филиалы.

Нельзя обойти вниманием концентрационный лагерь Саласпилс, функционировавший на территории Латвии. В нем содержалось гражданское население, принудительно вывезенное в 1942–1944 гг. из Беларуси, в частности с территории Витебской области. Одним из наиболее дискуссионных вопросов истории лагеря Саласпилс является трагедия содержавшихся в нем детей: несовершеннолетних использовали в качестве доноров крови для немецких солдат, над ними ставили медицинские эксперименты, в результате чего погибло огромное количество детей. Данной теме посвящены работы российского историка С. В. Аристова [21; 22], в которых ученый дает аргументированный отпор попыткам латвийских исследователей переписать историю лагеря (отрицание детского донорства, минимизация числа жертв) [23; 24]. Таким образом, несмотря на значительные успехи отечественных и зарубежных историков в изучении преступлений против детей, совершенных нацистами в годы Великой Отечественной войны, системного исследования мест их принудительного содержания, функционировавших на территории Беларуси, до настоящего времени не проводилось.

В основу настоящего исследования положен комплекс источников. Важнейшую роль в документировании преступлений нацистов сыграла Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков (далее – ЧГК), созданная в 1942 г. Материалы ЧГК содержат многочисленные свидетельства гибели

[3]Белорусские деревни, сожженные в годы Великой Отечественной войны (пострадавшие, частично или полностью уничтоженные) : электрон. база данных. URL: https://db.narb.by/ (дата обращения: 24.06.2026).

детей различных национальностей (евреи, цыгане, белорусы и т. д.), существования мест их принудительного содержания, насильственного угона несовершеннолетних в Германию и проведения над ними медицинских экспериментов[4].

В 2020 г. было опубликовано первое издание серии «Без срока давности», посвященное Витебской области[5]. На протяжении последующих двух лет вышли в свет другие издания серии, представляющие собой фундаментальные научные сборники архивных документов и материалов[6]. Каждый сборник состоит из двух разделов. В первый раздел включены акты ЧГК и сопутствующие им материалы, документирующие преступления нацистов, во второй раздел – материалы послевоенного расследования их злодеяний, в частности материалы судебных процессов над преступниками и их пособниками, которые принимали активное участие в геноциде населения Беларуси в 1941–1944 гг. Также сборники содержат списки карательных операций, уничтоженных деревень, мест принудительного содержания гражданского населения и мест массового уничтожения евреев.

Отдельно следует выделить материалы расследования уголовного дела о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны, возбужденного Генеральной прокуратурой Республики Беларусь, которые носят комплексный историко-правовой характер. В ходе расследования было допрошено более 20 тыс. свидетелей, из которых свыше 8 тыс. свидетелей являлись бывшими узниками концентрационных лагерей и очевидцами карательных операций. Осмотрено более 500 мест происшествий, проведены работы по эксгумации тел погибших, полевые работы в местах массового уничтожения и захоронения гражданского населения, в том числе в ранее малоизвестных и неизвестных местах массовых убийств[7]. Содержание материалов позволяет говорить о том, что на территории Беларуси нацисты и их пособники проводили систематическую политику геноцида, направленную на частичное физическое уничтожение белорусского народа, при этом геноцид детей, проживавших на территории Беларуси, имел преднамеренный характер[8].

К сожалению, для полноты исследования недостает документов нацистских оккупационных органов власти, действовавших на территории Беларуси в 1941–1944 гг., и военизированных формирований, в подчинении которых находились все места принудительного содержания гражданского населения, в том числе детей. В архивах Беларуси данный блок документов частично представлен, но он носит фрагментарный характер, что не позволяет комплексно раскрыть исследуемую проблему. Однако имеющаяся источниковая база может быть использована в качестве основы для выработки первичной типологии нацистских детских лагерей, существовавших на оккупированной территории Беларуси в 1941–1944 гг.

Несмотря на значительное количество исследований, посвященных нацистской политике геноцида, которая проводилась на оккупированной территории Беларуси в 1941–1944 гг., недостаточно изученными остаются нацистские детские лагеря, которые выполняли различные функции. Таким образом, целью данного исследования является выработка типологии нацистских детских лагерей, функционировавших на оккупированной территории Беларуси в 1941–1944 гг.

Методологическую основу исследования составляют принципы историзма и объективности. В работе использованы общенаучные методы (синтез, анализ, индукция и дедукция и др.) и специально-исторические методы (историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический и историко-системный методы). Применены подходы междисциплинарных областей знаний:

- исследования геноцида (*genocide studies*) – в рамках данного подхода рассматриваются историко-правовые аспекты нацистской оккупации, в том числе политика геноцида детей как элемент политики уничтожения мирного населения;
- исследования памяти (*memory studies*) – в рамках этого подхода изучается память как инструмент формирования в том числе исторических нарративов.

[4]Гос. арх. Рос. Федерации (ГАРФ). Ф. Р-7021. Оп. 81–92.

[5]Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Витебская область : сб. арх. док. и материалов / сост.: А. Р. Дюков [и др.]. Минск : Нац. арх. Респ. Беларусь, 2020. 932 с.

[6]Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Могилёвская область : сб. арх. док. и материалов / сост.: А. Р. Дюков [и др.]. Минск : Нац. арх. Респ. Беларусь, 2021. 520 с. ; Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Гомельская область : сб. арх. док. и материалов / сост.: А. Р. Дюков [и др.]. Минск : Нац. арх. Респ. Беларусь, 2021. 576 с. ; Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Гродненская область : сб. арх. док. и материалов / сост.: А. Р. Дюков [и др.]. Минск : Нац. арх. Респ. Беларусь, 2021. 268 с. ; Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Брестская область : сб. арх. док. и материалов / сост.: А. Р. Дюков [и др.]. Минск : Нац. арх. Респ. Беларусь, 2022. 484 с. ; Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Минская область : сб. арх. док. и материалов / сост.: А. Р. Дюков [и др.]. Минск : Нац. арх. Респ. Беларусь, 2022. 784 с.

[7]Расследование уголовного дела о геноциде // Генеральная прокуратура Республики Беларусь : сайт. URL: https://prokuratura.gov.by/ru/activity/rassledovanie-ugolovnogo-dela-o-genotside/ (дата обращения: 04.06.2026).

[8]Геноцид белорусского народа. Лагеря смерти : информ.-аналит. материалы и док. / Ген. прокуратура Респ. Беларусь ; под общ. ред. А. И. Шведа. Минск : Беларусь, 2023. 335 с.

Результаты и их обсуждение

В период нацистской оккупации территории Беларуси (1941–1944) германские власти проводили целенаправленную политику геноцида гражданского населения, в рамках которой особое место занимали эксплуатация и уничтожение детей. Если темы холокоста, лагерей для взрослого населения и советских военнопленных глубоко исследованы, то тема нацистских детских лагерей, функционировавших на территории Беларуси, в основном представлена разрозненными фактами и статистическими данными. В отличие от лагерей для взрослого населения, главными задачами которых преимущественно были использование людей в качестве рабочей силы и их массовое уничтожение, нацистские детские лагеря выполняли множество функций: служили донорскими пунктами для солдат вермахта и местами для проведения медицинских экспериментов.

В издании «Справочник о местах принудительного содержания гражданского населения на оккупированной территории Беларуси, 1941–1944» приведены основные типы концентрационных лагерей, при этом детские лагеря отдельно не выделены. В перечне мест принудительного содержания указаны детские пересыльные (донорские) лагеря (учебное хозяйство «Красный Берег» Жлобинского района и д. Лучицы Петриковского района), детский донорский лагерь (г. п. Паричи Светлогорского района), детские лагеря (г. Петриков и д. Скобровка Пуховичского района)[9].

Впервые типология мест принудительного содержания детей периода нацистской оккупации территории Беларуси была представлена в работе В. Е. Бездель. Историк выделяет несколько типов детских домов, в которых осуществлялись конкретные мероприятия по использованию детей в качестве доноров и рабочей силы:

- детские дома – сельскохозяйственные колонии (например, детский лагерь, созданный на базе санатория «Крынки» (Осиповичский район), лагерь «Семкин городок» (Минский район));
- детские дома для беженцев (например, гетто в поселках Ивье и Кореличи);
- детские дома по забору крови (например, «детское село» (д. Скобровка Пуховичского района), Козыревский детский приют (г. Минск), детский дом при немецком госпитале (г. Минск));
- пересыльные (донорские) лагеря (д. Лучицы Петриковского района, д. Красный Берег Жлобинского района и г. Клецк);
- детские дома – лагеря для отправки детей на принудительные работы в Германию [14, с. 69–71].

В 2023 г. Генеральная прокуратура Республики Беларусь подготовила информационно-аналитические материалы и документы о лагерях смерти, существовавших на территории Беларуси в период ее оккупации нацистами, в которых представлена типология мест принудительного содержания. В издании отмечено, что «с учетом особенностей функционирования отдельных мест массового содержания и истребления людей на белорусской территории в годы оккупации необходимо выделить дополнительно детские лагеря»[10] (здесь и далее цитаты приводятся с сохранением языковых особенностей оригинала). Понятие «детский лагерь смерти» использовано как обобщающий термин по отношению к различным местам принудительного содержания детей: детскому лагерю смерти (д. Красный Берег Жлобинского района, д. Спорковщизна Лидского района, д. Скобровка Пуховичского района), детскому пересыльному лагерю (г. п. Паричи Светлогорского района) и Семковскому детскому дому (Минский район)[11].

На основе накопленного опыта и исследования архивных документов, материалов уголовного дела, опубликованных воспоминаний очевидцев условно можно выделить следующие типы нацистских детских лагерей, функционировавших на территории Беларуси:

- детское гетто;
- детский донорский лагерь;
- детский пересыльный лагерь;
- донорско-распределительный детский лагерь;
- специализированный детский лагерь.

В основу типологии положены не формальные признаки (например, ведомственная принадлежность), а сущностные параметры – способ эксплуатации и метод уничтожения детей. Рассмотрим подробно каждый тип нацистских детских лагерей.

Детское гетто. Одними из самых первых мест принудительного содержания гражданского населения на оккупированной территории Беларуси являлись гетто. Возрастной и гендерный состав узников гетто носили смешанный характер: в них содержались мужчины, женщины, старики и дети (как правило, семьями). В основу дальнейшего разделения гетто в целях эксплуатации бесплатной рабочей силы оккупационные власти положили критерий трудоспособности. Нельзя обойти вниманием пример создания детского гетто на базе санатория «Крынки». В силу сложившихся обстоятельств начала военных действий летом 1941 г. более 200 детей еврейской национальности не были эвакуированы. Родители,

[9]Справочник о местах принудительного содержания гражданского населения на оккупированной территории Беларуси, 1941–1944 / Гос. ком. по арх. и делопроизводству Респ. Беларусь, Археогр. комис. Гос. ком. по арх. и делопроизводству Респ. Беларусь, Нац. арх. Респ. Беларусь, Белорус. респ. фонд «Взаимопонимание и примирение» ; авт.-сост.: В. И. Адамушко [и др.] ; ред.: Р. П. Платонов, В. И. Адамушко. Минск : Нац. арх. Респ. Беларусь, 2001. С. 6–7, 32–35, 51.

[10]Геноцид белорусского народа. Лагеря смерти… С. 20.

[11]Там же. С. 261–282.

которые сами стали узниками гетто, также не смогли их забрать. Нацистские оккупационные власти приняли решение об изолировании всех еврейских детей в одном из больших помещений санатория, которое фактически стало гетто. К детям, содержавшимся в санатории, согнали других еврейских детей из Дарагановского, Корытнянского, Лапичского и Осиповичского детских домов. Согласно воспоминаниям единственного выжившего узника данного гетто В. Свердлова были созданы определенные условия содержания, направленные на уничтожение детей: зимой помещение не отапливалось; кормили сырыми овощами, уборкой которых занимались несовершеннолетние; теплых вещей не выдавали; за любую провинность помещали в карцер (подвал); умерших детей выбрасывали под лед р. Птичи [25].

В документах ЧГК свидетельств существования данного детского гетто не выявлено. Можно предположить, что более подробная информация находится в материалах уголовного дела советского периода, поскольку назначенная оккупантами заместителем директора по хозяйственной части В. Жданович, которая издевалась над детьми, была осуждена на 10 лет[12] [11].

В сборнике «Холокост в Беларуси: трагедия и память» в списке мест массового уничтожения евреев указана территория западнее д. Крынки, где в апреле 1942 г. было уничтожено 82 человека. Данный факт подтверждает надпись на установленном в 1975 г. памятнике[13]. В 2006 г. плита обновлена, а информация на ней конкретизирована: «Памяти 84-х еврейских детей из детского санатория “Крынки”, расстрелянных фашистами в апреле 1942 г.» (перевод наш. – *А. К.*) [25].

Детский донорский лагерь. Примерами второго типа нацистских детских лагерей выступают места принудительного содержания детей, функционировавшие в 1943–1944 гг. в д. Спорковщизне и г. п. Паричи. Лагерь в д. Спорковщизне был выявлен Генеральной прокуратурой Республики Беларусь в ходе расследования уголовного дела и определен как детский лагерь смерти, в котором содержались беженцы и дети с 1943 г. до освобождения летом 1944 г.[14] Показания узницы лагеря М. С. Жлотко свидетельствуют о том, что детей использовали в качестве доноров крови для раненых немецких солдат: «…они выцеживают всю эту кровь и постепенно их отправляют назад. <…> У него вся кровь была выкачена, ему дышать нечем. Потом через пару дней опять. И потихонечку количество наших детей стало уменьшаться»[15]. Точное количество содержавшихся в данном лагере детей, как и количество умерших из-за забора крови и несовместимых с жизнью условий, не установлено.

К сожалению, подробной информации о создании и функционировании детского донорского лагеря в г. п. Паричи[16] в архивных документах и материалах уголовного дела не обнаружено. В научно-популярных изданиях о данном детском лагере говорится как о пересыльном лагере, из которого дети перенаправлялись в д. Красный Берег[17]. Более детальное изучение детского донорского лагеря, располагавшегося в г. п. Паричи, возможное в случае обнаружения соответствующих документов, разрешит вопрос. На данный момент он остается открытым.

Согласно материалам рассматриваемого уголовного дела в период нацистской оккупации воспитанники Семковского детского дома использовались в качестве объектов для проведения медицинских экспериментов, также у них брали кровь для нужд госпиталя немецкой армии[18]. В данном месте жили дети в возрасте от 3 лет и старше. Воспитанница этого детского дома Н. П. Кабанова вспоминает: «Кормили нас очень плохо, одевались мы в то, что дадут. Помогали местные жители из Семково. Фашисты приезжали сюда на забор крови у детей. <…> Иногда детям делали уколы под лопатку, в бедро. Они умирали, и их хоронили здесь же, на территории»[19].

Детский пересыльный лагерь. Примером третьего типа нацистских детских лагерей является лагерь, созданный в г. Петрикове. В документах ЧГК зафиксировано, что «…20 июня 1944 г. немцы рано утром начали обход города якобы с целью производства прививок детям, когда родители показывали своих детей, то их без разговоров забирали, уводили в отведенное здание против конторы Маслопрома г. Петрикова. Такая же кампания проводилась и в окрестных деревнях. В результате проведенной акции было собрано 200–250 детей различных возрастов, которых на 12 автомашинах повезли на ст. Копцевичи, где их сортировали для отправки в Германию»[20]. Других свидетельств, раскрывающих

[12] *Лицкевич С.* Гетто для ангелов // СБ. Беларусь сегодня : сайт. URL: https://www.sb.by/articles/getto-dlya-angelov.html (дата обращения: 01.06.2026).

[13] Холокост в Беларуси: трагедия и память : док. и материалы / сост.: В. Д. Селеменев [и др.]. Минск : Колорград, 2022. С. 920.

[14] Геноцид белорусского народа. Лагеря смерти… С. 275.

[15] Цит. по: Геноцид белорусского народа. Лагеря смерти… С. 276.

[16] Справочник о местах принудительного содержания гражданского населения на оккупированной территории Беларуси, 1941–1944… С. 34.

[17] Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Гомельская область… С. 155.

[18] Геноцид белорусского народа. Лагеря смерти… С. 280.

[19] Детский дом-интернат на территории бывшей усадьбы Хмаров аг. Семково // Цифровая звезда : сайт. URL: https://izvezda.by/ru/genocide-ru/getElement/7291/ (дата обращения: 25.06.2026).

[20] НАРБ. Ф. 1569. Оп. 1. Д. 195. Л. 2 об.

подробности функционирования лагеря в г. Петрикове, на данный момент не обнаружено.

К данному типу лагерей также можно отнести все выявленные места сбора детей для отправки в Германию в целях использования в качестве доноров крови. В архивных материалах содержатся сведения о том, что в мае 1944 г. в д. Лучицы «…немцы сделали лагерь, куда согнали 130 детей в возрасте от 7 до 17 лет и отправили в Германию. Дети были отобраны для того, чтобы брать с них кровь для раненых немцев»[21].

Донорско-распределительный детский лагерь. Еще одним типом мест принудительного содержания детей являлись лагеря, выступавшие пунктами забора крови для солдат вермахта и одновременно промежуточными местами проживания несовершеннолетних перед транспортировкой на территорию нацистской Германии. В акте комиссии Краснобережского сельского совета от 20 ноября 1944 г. отмечается, что «…в июне 1944 г. на территории учхоза "Красный Берег" немцы создали сборный пункт для детей в возрасте от 8 до 14 лет. Этих детей немцы насильно отнимали у матерей в Жлобинском, Рогачевском, Стрешинском, Добрушском и др[угих] районах и сгоняли их на упомянутый сборный пункт. На этом пункте дети проходили медицинский осмотр в комиссии, после чего их грузили на станции Красный Берег в поезда и отправляли в Германию для взятия крови на лечение раненых немецких солдат и офицеров. Всего для этой цели немцы увезли 1990 детей, в том числе 15 детей из Краснобережского сельсовета, которые включены в списки угнанных в германское рабство, фамилии остальных 1975 детей комиссией не установлены»[22]. Приведенный акт дополняют сведения из протоколов допросов жителей д. Красный Берег за 1947 г.: «…немцы завозили (детей. – *А. К.*) в уч[ебное] хоз[яйство] и там проводили санобработку, а после в закрытых вагонах отправляли в Германию»[23]; «…абсолютное большинство детей из лагеря было отправлено в Германию, причем отправка их производилась в пломбированных вагонах, первый раз в четырех вагонах, а последний раз в тридцати двух вагонах»[24].

Следует отметить, что в здании усадьбы, располагавшейся на территории д. Красный Берег, функционировал госпиталь для немецких солдат, в который привозили детей в целях обследования и принудительного забора крови. Если ребенок умирал, то его тело упаковывали и сжигали в котельной, чтобы скрыть следы преступлений[25]. Таким образом, нацистский детский лагерь, созданный в д. Красный Берег, совмещал функции донорского лагеря (забор крови для переливания солдатам вермахта в расположенном на территории населенного пункта госпитале) и донорско-распределительного лагеря (проживание несовершеннолетних до отправки на территорию нацистской Германии).

Специализированный детский лагерь. Отдельно стоит выделить нацистский детский лагерь, созданный в д. Скобровке в 1944 г. В упомянутом ранее справочнике он отнесен к категории детских лагерей и с опорой на архивные данные охарактеризован как специализированный детский лагерь, в котором «проводились медицинские эксперименты над детьми, производился насильственный забор крови»[26]. По свидетельствам военнослужащих Красной армии и жителей д. Скобровки, «слухов о том, что у детей брали кровь здесь, не было»[27]. Однако священник Свято-Никольского собора г. Бобруйска Я. Немцевич утверждал, что «по слухам… от собранных детей будут брать кровь для больных или же увезут их в Германию»[28]. Согласно показаниям военнослужащих вермахта подобные деревни с детьми они «должны создать по всей области во избежание того, чтобы эти дети в случае наступления частей Красной армии не пошли против немецких войск», задачей немцев было «воспитать их против большевизма»[29]. Позиция немецких солдат понятна, поскольку никто из призванных к ответственности не будет свидетельствовать против себя.

В протоколах допросов жителей д. Скобровки за 1947 г. указано, что «…парни и девушки, члены "Союза борьбы против большевизма"… вместе с немцами воспитывали детей в антисоветском духе»; «…их водили строем и чему-то обучали. <…> Их воспитатели рассказывали жителям, что дети спасены от смерти и воспитываются в условиях "нового порядка" для службы "Родине"»[30]. Так называемое воспитание осуществлялось в сознательно созданных нацистами и их пособниками условиях голода и антисанитарии.

Воспоминания бывшего узника рассматриваемого детского лагеря А. Голуба раскрывают детальную картину происходивших внутри лагеря событий. Сначала детей размещали в п. Марьина Горка в здании

[21]ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 91. Д. 17. Л. 3 об.
[22]Там же. Оп. 85. Д. 214. Л. 151 об., 157 об., 159.
[23]НАРБ. Ф. 1346. Оп. 1. Д. 387. Л. 325.
[24]Там же. Д. 147. Л. 44 об. – 45 об.
[25]Геноцид белорусского народа. Лагеря смерти… С. 272.
[26]Справочник о местах принудительного содержания гражданского населения на оккупированной территории Беларуси, 1941–1944… С. 51.
[27]НАРБ. Ф. 1450. Оп. 3. Д. 183. Л. 3–4.
[28]Там же. Ф. 1363. Оп. 1. Д. 2893. Л. 139.
[29]Там же. Д. 411. Л. 205 об.
[30]Там же. Д. 412. Л. 175, 179.

бывшего льнозавода, на территории которого был создан лагерь для забора крови. Затем их перевозили непосредственно в сам детский лагерь, где у некоторых мальчиков брали кровь для исследований. Спустя время детей вывозили сначала в г. Минск, а затем в Германию[31].

На основе анализа архивных документов можно сделать вывод о том, что официально в специализированном детском лагере, функционировавшем в д. Скобровке, планировалось воспитывать несовершеннолетних в духе идеологии нацизма, а де-факто их хотели использовать в качестве доноров. Избежать такой участи детям помогли наступление Красной армии летом 1944 г. и освобождение территории Беларуси.

Таким образом, фактически все места принудительного содержания детей независимо от срока пребывания (от нескольких дней до нескольких месяцев) создавались в целях использования несовершеннолетних в качестве доноров. Это положение подтверждают оперативные данные Белорусского штаба партизанского движения за 1943–1944 гг.: «…по ж[елезной] д[ороге] Жлобин – Бобруйск в конце июня с[его] г[ода] (1943 г. – *А. К.*) проследовало 5 вагонов с детьми, которых немцы везли для взятия крови с целью переливания ее раненым солдатам и офицерам»[32]; «…на перегоне Жлобин – Красный Берег пущен под откос эшелон противника. Разбиты паровоз и 6 классных вагонов, из них один вагон с офицерским составом и 5 – с детьми от 2 до 8 лет (дети везлись для взятия крови немецким раненым)»[33]; «…по данным на 19.06. (1944 г. – *А. К.*), в Убибачки, Городятичи, Хоромцы, Барбаров, Катка… немцы схватили много детей в возрасте от 7 до 14 лет, которых используют как доноров»[34] и т. д.

Заключение

Тема нацистских детских лагерей, функционировавших на оккупированной территории Беларуси, находится на начальном этапе научного осмысления. В отличие от обширной историографии холокоста и лагерей для взрослого населения сведения о детских лагерях носят фрагментарный характер. Расследование уголовного дела, возбужденного Генеральной прокуратурой Республики Беларусь, и ввод в научный оборот новых документов позволяют перейти от констатации разрозненных фактов к системному анализу феномена нацистских детских лагерей, что обосновывает необходимость специальной типологизации мест принудительного содержания детей. Анализ материалов свидетельствует о наличии системного механизма функционирования нацистских детских лагерей, включавшего отбор, медицинский осмотр, санитарную обработку детей, принудительный забор у них крови, погрузку и вывоз в концентрационные лагеря нацистской Германии, а также уничтожение тел погибших для сокрытия следов преступлений.

Если основная функция лагерей для взрослого населения сводилась к эксплуатации рабочей силы и последующему уничтожению узников, то нацистские детские лагеря выполняли комплекс иных задач: медицинскую задачу (забор крови и проведение экспериментов), транспортно-распределительную задачу (сортировка и отправка детей в Германию) и воспитательно-идеологическую задачу (создание антисоветского резерва). Доступные архивные источники, фиксирующие факты геноцида населения Беларуси и его последствия, а также материалы упомянутого уголовного дела позволяют условно выделить несколько типов нацистских детских лагерей: детское гетто, детский донорский лагерь, детский пересыльный лагерь, донорско-распределительный детский лагерь, специализированный детский лагерь. Выявленные белые пятна (отсутствие подробной информации о лагере, функционировавшем в г. п. Паричи, количестве погибших в д. Спорковщизне и др.) открывают перспективы для дальнейшего научного поиска.

Библиографические ссылки

1. Корсак А. Месцы прымусовага ўтрымання насельніцтва Беларусі перыяду нацысцкай акупацыі: да пытання тэрміналогіі і тыпалагізацыі. *Беларускі гістарычны часопіс.* 2025;6:3–10. EDN: ZYXRNN.

2. Лобанок ВЕ, Климов ИФ, Романовский ВФ, Филимонов АА, редакторы. *Нацистская политика геноцида и «выжженной земли» в Белоруссии (1941–1944).* Минск: Беларусь; 1984. 271 с.

3. Белуга ЗИ, Каминский НИ, Манаенков АЛ, Семенова АВ, Факторович АА, Ховратович ИП и др., составители. *Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии, 1941–1944.* Липило ПП, Романовский ВФ, редакторы. Минск: Беларусь; 1965. 464 с.

4. Савоняко МЯ. *Немецко-фашистские лагеря на территории Белоруссии в годы Великой Отечественной войны, 1941–1944 гг.* [диссертация]. Минск: БГУ; 1993. 225 с. EDN: NLJQEV.

[31]Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Могилёвская область… С. 417–419.

[32]НАРБ. Ф. 1450. Оп. 1. Д. 4. Л. 196.

[33]Там же. Оп. 2. Д. 957. Л. 46.

[34]Там же. Д. 7. Л. 416–421 об.

5. Літвін АМ, Грэбень ЯА, Новікаў СЯ. *Вяртанне ў рабства: прымусовая праца насельніцтва Беларусі, 1941–1945 гг.* Лойка ВА, Паўлавіцкі СП, перакладчыкі; Літвін АМ, рэдактар. Мінск: Тэсей; 2010. 584 с.

6. Иоффе ЭГ. *Белорусские евреи. Трагедия и героизм: 1941–1945.* Минск: [б. и.]; 2003. 428 с.

7. Кулинок СВ. Карательная операция «Клетка обезьяны». В: Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны. *Карательные операции нацистов против партизан и населения Беларуси, 1941–1944 гг. Материалы круглого стола, посвященного 80-й годовщине трагедии белорусской деревни Хатынь; 22 марта 2023 г.; Минск, Беларусь.* Минск: Республиканский институт высшей школы; 2023. с. 14–18.

8. Селеменев ВД. Нацистские карательные операции в Полоцко-Лепельской партизанской зоне (апрель – май 1944 г.). В: Демянюк АК, Петюкевич ТВ, Воинов ОЛ, Колобаева УА, Красноженова ЕЕ, Круковская ОЛ и др., редакторы. *Партизанский архив. Материалы Международного круглого стола «Нацистские карательные операции на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны»; 25 апреля 2024 г.; Минск, Беларусь. Выпуск 1.* Минск: Колорград; 2025. с. 102–116.

9. Морозов ДВ, Бординьон Э. Итальянские интернированные военные в нацистском лагере Шталаг-352 в Масюковщине (1943–1944). *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2021;4:54–63. DOI: 10.33581/2520-6338-2021-4-54-63.

10. Паўлаў УП. *Дзеці ліхалецця: дакументальныя нарысы.* Мінск: Паліграфкамбінат імя Я. Коласа; 2005. 412, [3] с.

11. Павлов ВП. *Дети лихолетья: документальные очерки и повести.* Минск: Беларуская навука; 2017. 398, [1] с.

12. Яковлев ДВ, составитель. *Дети войны. Материалы круглого стола «Детские дома в г. Витебске и Витебской области на временно оккупированной территории в годы Великой Отечественной войны, 1941–1944 гг.»; 2005 г.; Витебск, Беларусь.* Витебск: Витебская областная типография; 2007. 144, [4] с.

13. Александренко ЛА, Козак КИ, Кузьмичева ТА, составители. *Детство войны 1941–1945 гг.: живые свидетельства Беларуси.* Минск: И. П. Логвинов; 2012. 215 с.

14. Бездзель ВЯ. *Дзеці на акупаванай тэрыторыі Беларусі (1941–1944).* Коршук УК, рэдактар. Віцебск: Віцебскі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт; 2013. 157 с. EDN: UKHGUL.

15. Steinert J-D. *Deportation und Zwangsarbeit. Polnische und sowjetische Kinder im nationalsozialistischen Deutschland und im besetzten Osteuropa, 1939–1945.* Essen: Klartext; 2013. 306 S.

16. Person K, Steinert J-D. *Przemysłowa concentration camp. The camp, the children, the trials.* [S. l.]: Palgrave Macmillan; 2023. 251 p. (The Holocaust and its contexts). DOI: 10.1007/978-3-031-13948-2.

17. Вахсман Н. *История нацистских концлагерей.* Москва: Центрполиграф; 2015. 698 с.

18. Красноженова ЕЕ, Асташкин ДЮ, Вычеров ДА, Хазов ВК. *Ленинградские дети в условиях оккупации Северо-Запада РСФСР в период Великой Отечественной войны (1941–1944 гг.).* Санкт-Петербург: Свое издательство; 2023. 125 с.

19. К'яры Б. *Штодзённасць за лініяй фронту: акупацыя, калабарацыя і супраціў у Беларусі (1941–1944 г.).* Баршчэўскі Л, перакладчык; Сагановіч Г, рэдактар. 2-е выданне. Мінск: [б. в.]; 2008. 389 с. (Бібліятэка часопіса «Беларускі гістарычны агляд»).

20. Benz W, Distel B, editors. *Der Ort des Terrors. Geschichte der nationalsozialistischen Konzentrationslager.* München: C. H. Beck; 2005–2009. 9 Bände.

21. Аристов СВ. Проблемы истории концентрационного лагеря Саласпилс (1941–1944 годы). *Вестник Томского государственного педагогического университета.* 2017;9:24–30. DOI: 10.23951/1609-624X-2017-9-24-30.

22. Аристов СВ. *Terra inkognita: система нацистских концлагерей на оккупированной территории СССР (1941–1944 гг.).* Москва: Яуза; 2022. 432 с. (Библиотека Российского военно-исторического общества).

23. Kangeris K, Neiburgs U, Vīksne R. *Aiz šiem vārtiem vaid zeme. Salaspils nometne, 1941–1944.* Rīga: Lauku Avīze; 2016. 431 lpp.

24. Kangeris K, Neiburgs U, Viksne R. *Beyond nazi crimes and Soviet propaganda. The Salaspils Camp in Latvia, 1941–1944.* [S. l.]: Central European University Press; 2025. 330 p.

25. Цыганок НЛ. *Осиповичи: трагические страницы.* Минск: Белорусская энциклопедия имени Петруся Бровки; 2020. 149, [2] с. (Беларусь. Трагедия и правда памяти).

Получена 08.06.2026 / исправлена 08.07.2026 / принята 08.07.2026.
Received 08.06.2026 / revised 08.07.2026 / accepted 08.07.2026.

УДК 94(47+57«1941/45»+930(476)

ИСТОРИЯ ЖЕНЩИН БЕЛАРУСИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В РАБОТАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

В. В. ЗДАНОВИЧ[1)]

[1)]*Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина, бул. Космонавтов, 21, 224016, г. Брест, Беларусь*

Аннотация. Анализируются работы отечественных историков, посвященные участию женщин в Великой Отечественной войне. Отмечается, что данная тема не стала приоритетным направлением исследований. В советский период эта ситуация была обусловлена политикой руководства страны в отношении женщин-фронтовиков (им советовали не хвастаться своими заслугами). Причинами, по которым женская тема не выносилась на широкое научное обсуждение, являются представление советских исследователей о непригодности женщин к войне, основанное на их психобиологических характеристиках, и недоступность, а во многих случаях и отсутствие источников по данной теме. На современном этапе история женщин в Великой Отечественной войне продолжает оставаться историографическим дефицитом. Белорусская историография представлена в основном статьями и сборниками научных конференций. Не трансформировались в коллективную память и женские воспоминания о войне.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; нацистская оккупационная политика; историография; источники; мемуары женщин; партизанская и подпольная борьба; движение Сопротивления.

ГІСТОРЫЯ ЖАНЧЫН БЕЛАРУСІ Ў ГАДЫ ВЯЛІКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЫ Ў ПРАЦАХ АЙЧЫННЫХ ДАСЛЕДЧЫКАЎ

У. В. ЗДАНОВІЧ[1*]

[1*]*Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна, бул. Касманаўтаў, 21, 224016, г. Брэст, Беларусь*

Анатацыя. Аналізуюцца працы айчынных гісторыкаў, прысвечаныя ўдзелу жанчын у Вялікай Айчыннай вайне. Адзначаецца, што дадзеная тэма не стала прыярытэтным напрамкам даследаванняў. У савецкі перыяд такая сітуацыя была абумоўлена палітыкай кіраўніцтва дзяржавы ў дачыненні да жанчын-франтавікоў (ім раілі не хваліцца сваімі заслугамі). Прычынамі таго, што жаночая тэма не выносілася на шырокае навуковае абмеркаванне, з'яўляюцца ўяўленне савецкіх даследчыкаў пра непрыстасаванасць жанчын да вайны, заснаванае на іх псіхабіялагічных асаблівасцях, і недаступнаць, а ў многіх выпадках і адсутнасць крыніц па гэтай тэме. На сучасным этапе гісторыя жанчын у гады Вялікай Айчыннай вайны працягвае заставацца гістарыяграфічным дэфіцытам. Беларуская гістарыяграфія прадстаўлена пераважна артыкуламі і зборнікамі навуковых канферэнцый. Не ператварыліся ў калектыўную памяць і жаночыя ўспаміны пра вайну.

Ключавыя словы: Вялікая Айчынная вайна; нацысцкая акупацыйная палітыка; гістарыяграфія; крыніцы; жаночыя мемуары; партызанская і падпольная барацьба; рух Супраціўлення.

Образец цитирования:
Зданович УВ. Гісторыя жанчын Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны ў працах айчынных даследчыкаў. *Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя.* 2026;3:80–85.
EDN: GZLCRZ

For citation:
Zdanovich VV. History of women of Belarus during the Great Patriotic War in the works of domestic researchers. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2026;3:80–85. Belarusian.
EDN: GZLCRZ

Автор:
Владимир Васильевич Зданович – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры истории Беларуси и специальных исторических дисциплин исторического факультета.

Author:
Vladimir V. Zdanovich, doctor of science (history), full professor; professor at the department of history of Belarus and special historical disciplines, faculty of history.
zdanovich.uladzimir@gmail.com

HISTORY OF WOMEN OF BELARUS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE WORKS OF DOMESTIC RESEARCHERS

V. V. ZDANOVICH[a]

[a]*Brest State A. S. Pushkin University, 21 Kasmanawtaw Boulevard, Brest 224016, Belarus*

Abstract. This article analyses the works of Russian historians devoted to women's participation in the Great Patriotic War. It notes that this topic has not become a research priority. During the Soviet period, it was also facilitated by the Soviet leadership's policy toward female front-line soldiers, who were advised not to boast about their achievements. Another reason why women's participation has not been the subject of widespread scholarly discussion is the Soviet researchers' notion of women's unsuitability for war, based on psychobiological characteristics, as well as the inaccessibility, and in many cases, absence, of sources. However, even today, the history of women in the Great Patriotic War remains a historiographical deficit. Belarusian historiography is represented primarily by articles and conference proceedings. Women's recollections of the war have not also been transformed into collective memory.

Keywords: the Great Patriotic War; nazi occupation policy; historiography; sources; women's memoirs; partisan and underground struggle; the Resistance movement.

Уводзіны

Даследаванне любой гістарычнай падзеі з'яўляецца складаным і працяглым працэсам. Асабліва гэта сцвярджэнне тычыцца вывучэння гісторыі Вялікай Айчыннай вайны, якая ахоплівае розныя сферы дзейнасці дзяржавы і шматлікіх сацыяльных груп. Нягледзячы на тое што беларуская гістарыяграфія налічвае звыш 14 тыс. публікацый, асобныя аспекты дадзенай тэмы вывучаны і асветлены неаднолькава. Адной з такіх важных праблем з'яўляецца ўдзел жанчын у Вялікай Айчыннай вайне. Толькі ў баявых дзеяннях удзельнічалі не менш за 800 тыс. чалавек [1, с. 256]. Жанчыны Беларусі зрабілі ўнёсак у перамогу над нацызмам, змагаючыся з ворагам у партызанскіх атрадах і падполлі, працуючы ў савецкім тыле.

Мэтай дадзенага артыкула з'яўляецца аналіз апублікаваных гістарыяграфічных крыніц па разглядаемай праблеме. З улікам спецыфікі гістарыяграфічнага даследавання пры напісанні працы былі выкарыстаны прынцыпы гістарызму і комплекснасці, а таксама гісторыка-лагічны, параўнальна-гістарычны, праблемна-храналагічны і іншыя метады.

Удзел жанчын Беларусі ў Вялікай Айчыннай вайне (ацэнка беларускай гістарыяграфіі)

Гістарыяграфія ўдзелу жанчын у Вялікай Айчыннай вайне падзяляецца на два асноўныя перыяды: савецкі (з 1941 па канец 1991 г.) і беларускі (з канца 1991 г. па сённяшні дзень). У кожным з іх прасочваюцца пэўныя вехі, асаблівасці і спецыфіка. Ужо ў ваенныя часы з'явіліся першыя публікацыі па дадзенай праблеме. Іх выхаду ў значнай ступені садзейнічала жаночае добраахвотніцтва – унікальная з'ява ў гісторыі войн. Далейшае больш глыбокае вывучэнне праблемы замаруджвалася неспрыяльнымі ўмовамі першага пасляваеннага дзесяцігоддзя. На даследаванні ролі жанчын у Вялікай Айчыннай вайне адмоўна адбілася выступленне ў ліпені 1946 г. старшыні Прэзідыума Вярхоўнага Савета СССР М. І. Калініна, пасля якога ўдзельніцы баявых дзеянняў сталі «фигурой умолчания» [2, с. 571]. Аднак, нягледзячы на адзначаныя абставіны, вывучэнне жаночай тэматыкі цалкам не спынілася. Звесткі пра вядомых беларусак можна знайсці ў працах, якія ўбачылі свет у наступныя дзесяцігоддзі [3–6].

Сярод даследаванняў, прысвечаных разглядаемай тэматыцы, варта адзначыць кнігу В. С. Мурманцавай «Советские женщины в Великой Отечественной войне» [7]. Не адмаўляючы навуковай каштоўнасці працы, адзначым, што ў ёй у адпаведнасці з тагачаснай гістарыяграфічнай традыцыяй асноўная ўвага надаецца гераізму жанчын-франтавікоў і іх унёску ў Перамогу. Побытавыя і псіхалагічныя цяжкасці, з якімі сутыкаліся жанчыны на фронце, засталіся па-за ўвагай аўтара.

У гістарыяграфіі савецкага перыяду прыярытэт мела партызанская тэматыка. Пра барацьбу падпольшчыц і партызанак рэспублікі супраць нацысцкіх захопнікаў на часова акупаванай тэрыторыі Беларусі, жанчын, якія сваёй працай здабывалі перамогу над ворагам, расказвае ў сваіх мемуарах В. К. Якавенка (камандзір 99-й Беларускай партызанскай брыгады імя Д. Гуляева). Яго кніга першапачаткова была выдадзена ў 1980 г. у Маскве [8], а ў 1989 г. перавыдадзена ў Мінску.

Аўтары трохтомніка «Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны» прыводзяць даныя, якія пацвярджаюць, што ўзброеную барацьбу

супраць акупантаў вялі людзі розных нацыянальнасцей, узросту, полу, сацыяльнай прыналежнасці. У выданні адзначаецца, што асноўную масу партызан складалі рабочыя і калгаснікі (56,13 %), служачыя (20,55 %), ваеннаслужачыя (11,6 %) і навучэнцы (12,6 %). У той жа працы ёсць звесткі аб тым, што ў радах партызан змагаліся людзі розных узростаў: доля ўдзельнікаў партызанскага руху да 18 гадоў складала 8,87 %, ад 18 да 25 гадоў – 45,19, ад 26 да 45 гадоў – 42,33, ад 45 гадоў – 3,61 %. Усяго ў атрадах налічвалася 84 % мужчын і 16 % жанчын [9, с. 447]. Як вынікае з прыведзеных звестак, жанчыны з'яўляліся актыўнымі ўдзельніцамі гэтай барацьбы.

Жанчыны Беларусі змагаліся з нацыстамі не толькі на радзіме, але і далёка за яе межамі. Шырокавядомым быў жаночы партызанскі атрад «Радзіма», заснаваны 8 мая 1944 г., калі 37 жанчын уцяклі з канцлагера Эрувіль. Па некаторых звестках, гэты атрад быў адзіным жаночым атрадам. Яго дзейнасці прысвечаны артыкул А. Гусева «Ішлі ў бой дзяўчаты…: старонкі з гераічнай біяграфіі нашай зямлячкі лейтэнанта французскай арміі Надзеі Восіпаўны Лісавец» [10].

Даследаванне жаночай тэмы стрымлівалі меркаванні айчынных навукоўцаў аб тым, што паняцці «жанчыны» і «вайна» несумяшчальныя. Такія адносіны найбольш выразна перададзены ў назве кнігі С. Алексіевіч «У войны не женское лицо» [11].

Апублікаваныя гістарычныя крыніцы, а таксама мемуары сведчаць аб тым, што жанчыны, нават пацярпелыя ад рэпрэсій, актыўна ўдзельнічалі ў барацьбе з ворагам. У лісце першаму сакратару ЦК КП(б)Б П. Панамарэнку ад 25 снежня 1941 г. В. Харужая пісала: «Я гатова выконваць любую работу на фронце ці ў тыле. Я нічога не баюся. У душы накіпела столькі нянавісці, столькі гатоўнасці да барацьбы, столькі любові і жадання аддаць усю сябе, што я гатова ісці адна на цэлыя полчышчы фашысцкіх свалачэй»[1] [12, с. 150].

Найбольш распаўсюджанай у савецкі час формай захавання калектыўнай памяці аб вайне былі сустрэчы ветэранаў, на якіх яны дзяліліся сваімі ўспамінамі з малодшымі пакаленнямі. З цягам часу такія сустрэчы ператварыліся ў своеасаблівы рытуал. У сувязі з тым, што складнікам мерапрыемстваў выступаў павучальна-выхаваўчы кампанент, многія моманты жыцця ў гады Вялікай Айчыннай вайны былі практычна выключаны з успамінаў.

У 1990-я гг. з'явіліся новыя магчымасці для даследавання ваеннай гісторыі, але і на сучасным этапе вывучэнне ўдзелу жанчын у Вялікай Айчыннай вайне не стала прыярытэтным напрамкам даследаванняў.

Беларуская гістарыяграфія прадстаўлена пераважна артыкуламі і зборнікамі навуковых канферэнцый. Разам з тым з'явіліся выданні, падрыхтаваныя асобнымі аўтарамі. Пры аналізе літаратуры аб жыцці жанчын Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны нельга абысці ўвагай кнігу А. А. Грабёнкінай «Живая боль. Женщины и дети Брестского гарнизона (1941–1944)» [13]. Аснову выдання склалі запісаныя даследчыцай успаміны жанчын і дзяцей Брэсцкага гарнізона, якія засталіся ў жывых. Эмацыйнае ўспрыняцце кнігі ўзмацняюць фотаздымкі з фондаў мемарыяльнага комплексу «Брэсцкая крэпасць-герой» і аддзела культуры Брэсцкага гарадскога выканаўчага камітэта, а таксама дзясяткі фатаграфій, падораных аўтару ўдзельнікамі гэтых трагічных падзей, іх роднымі і блізкімі.

У некаторых калектыўных выданнях па гісторыі Вялікай Айчыннай вайны ўтрымліваюцца звесткі пра жанчын. У раздзеле «Антифашистское сопротивление на территории Беларуси» фундаментальнай калектыўнай працы «Беларусь в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.» жанчынам адведзены некалькі радкоў: «…93,3 % партызан у 1943 г. – мужчыны і 6,7 % – жанчыны, якія нараўне з мужчынамі стойка пераносілі ўсе цяжкасці паходнага жыцця. Яны былі мужнымі і знаходлівымі разведчыцамі і сувязнымі, даглядалі параненых і хворых, гатавалі ежу і мылі бялізну, удзельнічалі ў дыверсіях і іншых баявых аперацыях» [14, с. 225].

Характарызуючы падпольную барацьбу, даследчыкі называюць прозвішчы герояў Савецкага Саюза А. Мазанік, М. Осіпавай, Н. Траян, якія здзейснілі забойства В. Кубэ, удзельніц Віцебскага падполля на чале з В. Харужай, членаў падпольнай камсамольскай групы на станцыі Обаль Ф. Зянькову і З. Партнову [14, с. 233].

Звернем увагу на працу «Беларусь, 1941–1945. Подвиг. Трагедия. Память», у першай кнізе якой змешчаны артыкул А. Я. Паўлавай «Личный состав и кадры партизанских формирований». У рэчышчы разглядаемай праблемы асаблівую цікавасць выклікаюць старонкі, прысвечаныя ўдзелу жанчын у партызанскай барацьбе, ці, як адзначае аўтар, гендарнай праблеме. Падкрэсліваючы, што «адной з асаблівасцей партызанскай і падпольнай барацьбы было шырокае прыцягненне ў яе рады жанчын», даследчыца падмацоўвае свае высновы наступнымі данымі: на 1 жніўня 1943 г. доля жанчын сярод партызан складала 8,7 %, на 1 студзеня 1944 г. – 6,73 %, доля жанчын сярод загінуўшых партызан у 1943 г. складала 6 %, за ўвесь перыяд партызанскіх дзеянняў гэты паказчык роўны 4 %. А. Я. Паўлава піша: «Выніковая справаздача на 1 жніўня 1946 г. падае лічбу ў 45 242 чал. (16 %)» [15, с. 305].

Большасць лічбавых даных, прыведзеных у артыкуле, раней былі прадстаўлены А. Я. Паўлавай у абароненай кандыдацкай дысертацыі «Личный состав партизанских формирований Беларуси в годы

[1]Тут і далей пераклад на беларускую мову наш. – *У. З.*

Великой Отечественной войны (1941–1944 гг.): источники и методы анализа»[2].

Асаблівую каштоўнасць уяўляе змешчаны ў другой кнізе выдання «Беларусь, 1941–1945. Подвиг. Трагедия. Память» артыкул І. У. Нікалаевай «Женщины Беларуси в период германской оккупации». Раскрываючы асаблівасці нацысцкай палітыкі ў дачыненні да жанчын, даследчыца адзначае: «Германскія ўлады напярэдадні ваеннай кампаніі супраць СССР… не разглядалі жаночае насельніцтва ў якасці самастойнага аб'екта будучай акупацыйнай палітыкі… Правал "бліцкрыгу", няўдачы вермахта на савецка-германскім фронце і развіццё патрыятычнага руху Супраціўлення прымусілі кіраўніцтва Трэцяга рэйха ўжо вясной 1942 г. унесці неабходныя карэктывы ў сваю ўсходнюю палітыку… германскае кіраўніцтва вымушана было звярнуцца да распрацоўкі планаў уключэння мясцовых жанчын у сферу ваенна-эканамічных і палітычных інтарэсаў Трэцяга рэйха» [16, с. 67–68].

У сувязі з набліжэннем Чырвонай арміі да граніц Беларусі з другой паловы 1943 г. праца жанчын набывае выключнае значэнне. Гісторык падкрэслівае: «Загадам камандавання групы армій "Цэнтр" усё жаночае насельніцтва ва ўзросце ад 14 да 65 гадоў абавязвалася фактычна да неабмежаванага адбыцця прымусовых работ на карысць акупантаў» [16, с. 70].

Адначасова з выкарыстаннем працы жанчын на акупаванай тэрыторыі немцы праводзілі вярбоўку беларусак для працы ў Германіі. Распачатая на добраахвотнай аснове, яна ператварылася ў прымусовую мабілізацыю. Згодна з прыведзенымі СНК БССР данымі ў Германію былі вывезены амаль 238 тыс. жанчын, ці 59,6 % ад усіх беларускіх «остарбайтараў» [16, с. 71].

Адпраўленыя ў Германію беларускія жанчыны працавалі на ўзвядзенні абарончых збудаванняў, у сельскай гаспадарцы і ў ваеннай прамысловасці, а з восені 1942 г. жанчыны, знешнасць якіх «расава» адпавядала знешнасці немак, дапускаліся да працы ў хатняй гаспадарцы (абслугоўванне).

Прымусовая праца на акупаванай тэрыторыі, вываз людзей у Германію не выключалі і палітыкі масавага знішчэння насельніцтва, у выніку якога загінулі каля 240 тыс. жанчын [16, с. 78].

Пры рэалізацыі палітыкі ў дачыненні да жаночага насельніцтва акупанты абапіраліся на Усебеларускі жаночы камітэт пад кіраўніцтвам Г. Вайтанчышкі. Аднак усе намаганні акупантаў не прынеслі жадаемага выніку. Факты, пададзеныя І. У. Нікалаевай, сведчаць аб тым, што большасць жанчын сталі актыўнымі ўдзельніцамі партызанскага і падпольнага руху [16, с. 78].

Жанчыны адыгралі важную ролю ў арганізацыі патрыятычнай дзейнасці ў Беларусі ўжо летам і восенню 1941 г. Абапіраючыся на даныя са згаданых крыніц і ўспамінаў відавочцаў падзей, можна гаварыць аб удзеле ў падпольным руху на тэрыторыі акупаванай Беларусі каля 25 тыс. жанчын [16, с. 81]. Прадстаўніцтва жанчын у асяроддзі падпольшчыкаў можна патлумачыць умовамі акупацыйнага рэжыму, устаноўленага германскімі ўладамі ў гарадах. Жанчыны выклікалі значна менш падазрэнняў, чым мужчыны.

На ролю жанчын у партызанскім руху звярнула ўвагу І. У. Нікалаева. З улікам загінуўшых, а таксама агентурных разведчыкаў і сувязных статыстычныя даныя Беларускага штаба партызанскага руху сведчаць аб удзеле ў партызанскай барацьбе 45 242 жанчын (16 % ад усіх партызан). У Віцебскай вобласці жанчыны складалі каля 10 % партызан, а ў асобных брыгадах, як, напрыклад у Багушэўскай партызанскай брыгадзе, на іх долю прыпадала амаль 17 % ад усяго асабовага складу [16, с. 82]. Адзначым, што разглядаемы артыкул з'яўляецца скарочаным варыянтам абароненай у 2006 г. кандыдацкай дысертацыі І. У. Нікалаевай «Жанчыны Беларусі ў перыяд германскай акупацыі (1941–1944 гг.)»[3]. На жаль, гэта даследаванне з'яўляецца адзінай дысертацыяй па разглядаемай тэме.

Аўтары другога фундаментальнага выдання «Вклад белорусского народа в Победу в Великой Отечественной войне» больш дэталёва разгледзелі ўдзел беларускіх жанчын у еўрапейскім руху Супраціўлення, у першую чаргу гісторыю жаночага партызанскага атрада «Радзіма». Гісторыкі падкрэсліваюць: «Існаванне асобнага жаночага партызанскага атрада, тым больш на зямлі далёкай Францыі, – унікальная з'ява ў гісторыі руху Супраціўлення» [17, с. 152]. Адзначым, што кніга была перавыдадзена ў 2016 і 2020 гг.

Асобнай старонкай гісторыі жанчын Беларусі ў час Вялікай Айчыннай вайны з'яўляецца жыццё на акупаванай тэрыторыі. Германскія ўлады зыходзілі з таго, што «жанчын гэтай краіны можна выкарыстоўваць як паўнавартасную працоўную сілу, паколькі яны не толькі звыклыя да цяжкай мужчынскай працы, але і больш старанныя за мужчын» [18, с. 34].

Антыгуманная палітыка акупацыйных улад, якая суправаджалася масавым знішчэннем грамадзянскага насельніцтва, прывяла да таго, што жыхары апынуліся ў вельмі цяжкіх умовах. Я. А. Грэбень канстатуе: «Дадатковым фактарам, які ўплываў на матэрыяльнае становішча грамадзян, стала эксплуатацыя немцамі іх матэрыяльных рэсурсаў… Вымушаныя існаваць з новай уладай, большасць людзей у адносінах да яе прыстасоўваліся, але не прызнавалі сваёй, не лічылі для сябе ганебным гэтую ўладу падманваць…

[2] *Павлова Е. Я.* Личный состав партизанских формирований Беларуси в годы Великой Отечественной войны (1941–1944 гг.): источники и методы анализа : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.09. Минск : Белорус. гос. ун-т, 2003. 17 с.

[3] *Нікалаева І. У.* Жанчыны Беларусі ў перыяд германскай акупацыі (1941–1944 гг.) : аўтарэф. дыс. … канд. гіст. навук : 07.00.02. Мінск : Беларус. дзярж. пед. ун-т, 2006. 38 с.

Прыстасоўваючыся да сітуацыі, грамадзяне ўхіляліся ад выплаты падаткаў ці імкнуліся іх мінімізаваць, праводзілі махінацыі з карткамі, ухіляліся ад павіннасцей, каб захаваць сілы для выжывання… Акрамя фізічнага знішчэння, грамадзянскае насельніцтва Беларусі сутыкнулася з рэальнай пагрозай смерці на фоне экстрэмальных сацыяльна-эканамічных умоў. Наступствы такога расцягнутага ў часе генацыду выяўляліся паступова, але цалкам адпавядалі духу генеральнага плана "Ост". Подзвігам было само жыццё ва ўмовах акупацыі, паколькі захаваць яго, выжыць для будучыні было вельмі складана» [19, с. 491–493].

Пацвярджэннем дадзенай высновы з'яўляюцца факты, прыведзеныя аўтарамі зборніка артыкулаў «Разняволеная памяць. Прымусовая праца беларускіх грамадзян на акупаванай тэрыторыі Беларусі (1941–1944)» [20].

Асобае месца займае праведзеная аб'яднаннем «Гістарычная майстэрня ў Мінску» 4 сакавіка 2005 г. міжнародная канферэнцыя «Женщины во Второй мировой войне: история борьбы и выживания», прысвечаная непасрэдна жаночай тэматыцы. Асаблівую ўвагу неабходна звярнуць на артыкул К. І. Козака «Женщины Германии и Беларуси в войне: социализация образа и его восприятие». Характарызуючы жыццё жанчын на акупаванай тэрыторыі, аўтар адзначае, што яны павінны былі выконваць распараджэнні германскіх улад, за невыкананне іх маглі прыцягнуць да адказнасці. Нацысты выкарыстоўвалі карныя метады, у тым ліку масавае спаленне беларускіх вёсак разам з жыхарамі [18, с. 51]. Справядліваі абгрунтаванай з'яўляецца выснова гісторыка аб тым, што «на долю жанчын выпалі самыя страшныя выпрабаванні. Гэта і шматлікія спаленыя разам з жыхарамі вёскі, прымусовы вываз на чужыну ў рабства, прымусовая працоўная павіннасць па забеспячэнні сілкаваннем… Само мацярынства патрабавала самаахвяравання ў імя абароны дзяцей і сям'і» [18, с. 55].

Не абышлі ўвагай даследчыкі і знішчэнне нацыстамі яўрэйскага насельніцтва, сярод якога было нямала жанчын. Значная колькасць пытанняў па праблеме былі разгледжаны на міжнародных канферэнцыях, арганізаваных вышэйзгаданым аб'яднаннем. У апублікаваных матэрыялах канферэнцый утрымліваюцца звесткі аб жыцці жанчын у гады Вялікай Айчыннай вайны. Так, у дадатках да зборніка «Першая і Другая сусветныя войны: акупацыя і яе наступствы на Беларусі» змешчаны 15 успамінаў жанчын – сведкаў халакосту, былых вязняў канцлагераў, прымусовых рабочых [21, с. 213–234].

Падкрэсліваючы несумненную каштоўнасць матэрыялаў канферэнцыі, адзначым і сур'ёзныя недапрацоўкі асобных аўтараў і рэдактараў выдання, якія прывялі да з'яўлення на яго старонках недакладнасцей. Так, камандзірам партызанскага атрада падаецца Герой Савецкага Саюза Валянціна Шчэрбіна, а не Васіль Шчарбіна [21, с. 15, 55].

Каштоўнай крыніцай інфармацыі па разглядаемай праблеме застаюцца жаночыя ўспаміны. У 2005 г. у свет выйшла кніга «Шли девчонки по войне: книга воспоминаний», у якой апісана іншая вайна, вайна, пра якую расказалі жанчыны. Успамінаючы франтавыя будні, старшыня Камітэта жанчын – удзельніц Вялікай Айчыннай вайны Мінскай гарадской арганізацыі ветэранаў З. Корж адзначыла: «Я плачу, але пішу праўду. Мне давялося бачыць маладых, без рук і ног, дзяўчат. Іх плач, крыкі адчаю не маглі суцешыць ніякімі выгодамі, створанымі для іх у санаторыях і шпіталях. Тое, што мне давялося бачыць і перажыць, апісанню не паддаецца. Усе мы ў даўгу перад дзяўчатамі-салдатамі. Выконваючы воінскі абавязак перад Радзімай, яны пакутавалі і духоўна, і фізічна значна больш, чым мужчыны. Але не завагаліся і не адступілі… У гады ваеннага ліхалецця на жаночыя плечы кладзецца велізарная адказнасць: на іх папячэнні ва ўмовах хаосу, разбурэнняў, голаду, хвароб і насілля апынуліся малыя дзеці, знямоглыя старыя, гаспадарка» [22, с. 3–6]. Успаміны падзелены на чатыры часткі: «Салдаты Перамогі», «Працаўнікі тылу», «Партызанкі і падпольшчыцы», «Малалетнія вязні канцлагераў». Большасць успамінаў, змешчаных у выданні, належаць жанчынам-франтавікам. Практычна па-за ўвагай засталіся вязні канцлагераў: у кнізе апублікаваны толькі ўспаміны Н. Р. Лось і В. І. Марозавай, якія дзецьмі трапілі ў канцлагер Азарычы.

Пэўны фактычны матэрыял па тэме падаецца ў падрыхтаваных супрацоўнікамі аб'яднання «Гістарычная майстэрня ў Мінску» мемуарах жанчын, якія перажылі халакост [23–26].

Заключэнне

Праведзены гістарыяграфічны аналіз паказвае, што даследчыкамі выканана пэўная праца па вывучэнні гісторыі жанчын у гады Вялікай Айчыннай вайны. Але даводзіцца канстатаваць, што жаночая тэма не стала прадметам шырокага навуковага абмеркавання. Важкай прычынай узнікнення такой сітуацыі з'яўляецца недаступнаць, а ў многіх выпадках і адсутнасць крыніц па дадзенай тэме. У асноўным даследчыкі працуюць з апублікаванымі дакументамі, пераважна з фондамі партыйных і камсамольскіх арганізацый, успамінамі, у тым ліку матэрыяламі вуснай гісторыі. На жаль, магчымасці фіксацыі вуснай гісторыі скарачаюцца катастрафічна хуткімі тэмпамі. Нягледзячы на рост цікавасці даследчыкаў да абазначанай тэмы ў апошнія гады, гісторыя ўдзелу жанчын у Вялікай Айчыннай вайне пакуль яшчэ не напісана. Засталіся нераскры-

тымі пытанні франтавой паўсядзённасці, псіхалагічнай траўмы ваеннага часу. Далейшага вывучэння патрабуюць жыццё жанчын на акупаванай тэрыторыі Беларусі, лёс жанчын-ваеннапалонных, а таксама жанчын, вывезеных на прымусовую працу ў Германію. Дасягнутыя поспехі дазваляюць зрабіць выснову аб тым, што айчынныя гісторыкі маюць усё неабходнае, каб стварыць фундаментальную працу па праблеме.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Иванова ЮН. *Храбрейшие из прекрасных. Женщины России в войнах*. Москва: РОССПЭН; 2002. 266 с.
2. Габович М, редактор. *Память о войне. 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа*. Москва: Новое литературное обозрение; 2005. 784 с.
3. Ваганава М. Савецкая жанчына ў Вялікай Айчыннай вайне. *Беларусь*. 1946;3:2–6.
4. Ваньшина ВИ. *Ратный подвиг советских женщин в годы Великой Отечественной войны*. Минск: Знание; 1989. 19 с.
5. Белановский А, Перепяченко П, составители. *Героини войны: очерки о женщинах – героях Советского Союза*. Москва: Госполитиздат; 1963. 719 с.
6. Ус А, складальнік. *Жанчыны Савецкай Беларусі*. Мінск: Дзяржаўнае выдавецтва БССР; 1954. 569 с.
7. Мурманцева ВС. *Советские женщины в Великой Отечественной войне*. Москва: Мысль; 1979. 292 с.
8. Яковенко ВК. *Партизанки*. Москва: Воениздат; 1980. 304 с.
9. Кузьмин АТ, редактор. *Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны. Том 3*. Минск: Беларусь; 1985. 531 с.
10. Гусеў А. Ішлі ў бой дзяўчаты…: старонкі з гераічнай біяграфіі нашай зямлячкі лейтэнанта французскай арміі Надзеі Восіпаўны Лісавец. *Беларусь*. 1979;5:6–7.
11. Алексиевич СА. *У войны не женское лицо*. Минск: Мастацкая літаратура; 1985. 317 с.
12. Платонов РП, составитель. *Белоруссия, 1941-й: известное и неизвестное. По документам Национального архива Республики Беларусь*. Минск: БелНИИДАД; 2000. 262 с.
13. Гребенкина АА. *Живая боль. Женщины и дети Брестского гарнизона (1941–1944)*. Минск: Беларусь; 2008. 174 с.
14. Коваленя АА, редактор. *Беларусь в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг*. Минск: БелТА; 2005. 544 с.
15. Павлова ЕЯ. Личный состав и кадры партизанских формирований. В: Коваленя АА, редактор. *Беларусь, 1941–1945. Подвиг. Трагедия. Память. Книга 1*. Минск: Беларуская навука; 2010. с. 293–322.
16. Николаева ИВ. Женщины Беларуси в период германской оккупации. В: Коваленя АА, редактор. *Беларусь, 1941–1945. Подвиг. Трагедия. Память. Книга 2*. Минск: Беларуская навука; 2010. с. 67–86.
17. Коваленя АА, редактор. *Вклад белорусского народа в Победу в Великой Отечественной войне*. Минск: Беларуская навука; 2015. 495 с.
18. Козак КИ. Женщины Германии и Беларуси в войне: социализация образа и его восприятие. В: Балакирев ВФ, Козак КИ, редакторы. *Женщины во Второй мировой войне: история борьбы и выживания. Материалы Международной научно-практической конференции; 4 ноября 2005 г.; Минск, Беларусь*. Минск: И. П. Логинов; 2006. с. 7–56.
19. Гребень ЕА. *Гражданское население Беларуси в условиях немецкой оккупации (1941–1944)*. Минск: Белорусский государственный аграрный технический университет; 2016. 496 с.
20. Літвін АМ, рэдактар. *Разняволеная памяць. Прымусовая праца беларускіх грамадзян на акупаванай тэрыторыі Беларусі (1941–1944)*. Мінск: Медысонт; 2010. 216 с.
21. Балакіраў ВФ, Козак КІ, рэдактары. *Першая і Другая сусветныя войны: акупацыя і яе наступствы на Беларусі. Матэрыялы Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі; 22 кастрычніка 2005 г.; Мінск, Беларусь*. Мінск: [б. в.]; 2006. 256 с.
22. Корж ЗВ, составитель. *Шли девчонки по войне: книга воспоминаний*. Минск: Беларускі кнігазбор; 2005. 284 с.
23. Давыдова ГР. *От Минска до Ла-Манша, или Дорогами холокоста: документальное повествование*. Минск: Четыре четверти; 2000. 231 с.
24. Марголина СМ. *Остаться в живых*. Минск: Натако; 1997. 67 с.
25. Крапина МИ, Рейзман ФВ, составители. *Жива… да, я жива! Минское гетто в воспоминаниях Майи Крапиной и Фриды Рейзман. Материалы и документы. Выпуск 2*. Минск: Историческая мастерская в Минске; 2005. 258 с.
26. Завалер Г, Гальперина Р. *Спасенные из ада: жизнь и судьба. Выпуск 1*. Минск: Историческая мастерская в Минске; 2004. 136 с.

Атрымана 29.06.2026 / выпраўлена 02.07.2026 / прынята 15.07.2026.
Received 29.06.2026 / revised 02.07.2026 / accepted 15.07.2026.

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ
АНАТАЦЫІ ДЭПАНІРАВАНЫХ У БДУ ПРАЦ
INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN BSU

УДК 94(470)«1801/1905»(075.8) + 94(477)«1801/1905»(075.8)
Сергеенкова В. В. **История России и Украины (XIX в. – 1905 г.)** : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 6-05-0222-01 «История», профилизация «Отечественная и всеобщая история» : в 2 ч. Ч. 1 / В. В. Сергеенкова, О. И. Ершова ; БГУ. Минск, 2025. 474 с. : ил. Библиогр.: с. 441–444. Режим доступа: https://elib.bsu.by/handle/123456789/347344. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 18.05.2026, № 014815052026. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов специальности 6-05-0222-01 «История». Содержание ЭУМК предполагает изучение следующих вопросов: различных этапов истории России и Украины XIX в. – 1905 г. и выработки целостной системы знаний. Курс связан единой концепцией, принципами отбора и преподавания материала. В основу курса положено объективное изучение исторического процесса России и Украины.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ БЕЛАРУСИ

Горшков А. Д. Предварительные результаты исследований нового памятника палеолита Белые речки – 1 (Волковысский район, Гродненская область)..... 5
Даркович А. Л. «Борьба за станок»: экономическая дискриминация населения Западной Беларуси в 1930-х гг. 20

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

Аннаев Т. Ж., Аннаев Ж. Т., Арзиев К. Д., Нормуминов М. Б., Эшкурбонов Ф. Н. Историко-культурные связи Согда и Бактрии (Кушаншахра, Тохаристана) в Античности и раннем Средневековье..... 30
Ефимов А. А. Особенности финансирования строительства дворца в Ореанде – первой крымской резиденции российской императорской семьи 40
Габриелян М. Р., Цатурян Р. А. Политика Армении в сфере охраны нематериального культурного наследия: от культурных практик до списков признания..... 47
Меньковский В. И. Терминологический аппарат исследований советской истории после Сталина..... 57

ТЕМАТИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ

Великая Отечественная война в исторической памяти Беларуси

Кулинок С. В. Деятельность Белорусского штаба партизанского движения по фиксации фактов нацистского геноцида на оккупированной территории Беларуси в 1942–1944 гг. 63
Корсак А. И. Нацистские детские лагеря на оккупированной территории Беларуси (1941–1944): к вопросу типологии..... 71
Зданович В. В. История женщин Беларуси в годы Великой Отечественной войны в работах отечественных исследователей..... 80

Аннотации депонированных в БГУ работ..... 86

ЗМЕСТ

ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСІ

Гаршкоў А. Д. Папярэднія вынікі даследаванняў новага помніка палеаліту Белыя рэчкі – 1 (Ваўкавыскі раён, Гродзенская вобласць)..... 5
Дарковіч А. Л. «Барацьба за станок»: эканамічная дыскрымінацыя насельніцтва Заходняй Беларусі ў 1930-я гг. 20

УСЕАГУЛЬНАЯ ГІСТОРЫЯ

Анаеў Т. Ж., Анаеў Ж. Т., Арзіеў К. Д., Нормумінаў М. Б., Эшкурбонаў Ф. Н. Гісторыка-культурныя сувязі Согда і Бактрыі (Кушаншахра, Тахарыстана) у Антычнасці і раннім Сярэдневякоўі..... 30
Яфімаў А. А. Асаблівасці фінансавання будаўніцтва дварца ў Арэандзе – першай крымскай рэзідэнцыі расійскай імператарскай сям'і..... 40
Габрыэлян М. Р., Цатуран Р. А. Палітыка Арменіі ў сферы аховы нематэрыяльнай культурнай спадчыны: ад культурных практык да спісаў прызнання..... 47
Менькоўскі В. І. Тэрміналагічны апарат даследаванняў савецкай гісторыі пасля Сталіна..... 57

ТЭМАТЫЧНЫ РАЗДЗЕЛ

Вялікая Айчынная вайна ў гістарычнай памяці Беларусі

Кулінок С. В. Дзейнасць Беларускага штаба партызанскага руху па фіксацыі фактаў нацысцкага генацыду на акупаванай тэрыторыі Беларусі ў 1942–1944 гг. 63
Корсак А. І. Нацысцкія дзіцячыя лагеры на акупаванай тэрыторыі Беларусі (1941–1944): да пытання тыпалогіі..... 71
Здановіч У. В. Гісторыя жанчын Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны ў працах айчынных даследчыкаў..... 80

Анатацыі дэпаніраваных у БДУ прац..... 86

CONTENTS

BELARUSIAN HISTORY

Harshkou A. D. Previous research results for new Palaeolithic site Belyja rechki – 1 (Volkovysk District, Grodno Region)..... 5
Darkovich A. L. «Fight for the bench»: economic discrimination against the population of Western Belarus in the 1930s..... 20

WORLD HISTORY

Annaev T. J., Annaev J. T., Arziev K. D., Normuminov M. B., Eshkurbonov F. N. Historical and cultural relations of Sogd and Bactria (Kushanshahr, Tokharistan) in Antiquity and the Early Middle Ages..... 30
Yefimov A. A. Financing the construction of the palace in Oreanda – the first Crimean residence of the Russian imperial family..... 40
Gabrielyan M. R., Tsaturyan R. A. The Armenia's policy of intangible cultural heritage protection: from cultural practices to lists of recognition..... 47
Menkouski V. I. The terminological framework for research on Soviet history after Stalin..... 57

SPECIAL TOPIC SECTION

The Great Patriotic War in the historical memory of Belarus

Kulinok S. V. The activities of the Belarusian Headquarters of the Partisan Movement to record the facts of the nazi genocide in the occupied territory of Belarus in 1942–1944..... 63
Korsak A. I. Nazi children's camps in the occupied territory of Belarus (1941–1944): on the question of typology..... 71
Zdanovich V. V. History of women of Belarus during the Great Patriotic War in the works of domestic researchers..... 80

Indicative abstracts of the papers deposited in BSU..... 86

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим наукам, а также в области музееведения, консервации, реставрации историко-культурных объектов, документалистики, документоведения и архивоведения.

Журнал включен в наукометрические базы данных научных публикаций Scopus и РИНЦ.

Журнал Белорусского государственного университета. История. № 3. 2026

Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя. № 3. 2026

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь.
Почтовый адрес: пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь.
Тел. (017) 259-72-34, (017) 259-72-38.
E-mail: jhistory@bsu.by
URL: https://journals.bsu.by/index.php/history

«Журнал Белорусского государственного университета. История» издается с января 1969 г. До 2017 г. выходил под названием «Веснік БДУ. Серыя 3, Гісторыя. Эканоміка. Права» (ISSN 2308-9172).

Редакторы *А. С. Люкевич, С. Р. Пинчук*
Технические редакторы *А. Р. Голик, М. А. Панкратова*
Корректор *Л. А. Меркуль*

Подписано в печать 31.07.2026.
Тираж 25 экз.

© БГУ, 2026

Journal of the Belarusian State University. History. No. 3. 2026

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliezhnasci Ave., Minsk 220030, Republic of Belarus.
Correspondence address: 4 Niezaliezhnasci Ave., Minsk 220030, Republic of Belarus.
Tel. (017) 259-72-34, (017) 259-72-38.
E-mail: jhistory@bsu.by
URL: https://journals.bsu.by/index.php/history

«Journal of the Belarusian State University. History» published since January, 1969. Until 2017 named «Vesnik BDU. Seryja 3, Gistoryja. Jekanomika. Prava» (ISSN 2308-9172).

Editors *A. S. Lyukevich, S. R. Pinchuk*
Technical editors *A. R. Golik, M. A. Pankratova*
Proofreader *L. A. Merkul'*

Signed print 31.07.2026.
Edition 25 copies.

© BSU, 2026